

Вестник 2024

Балтийского федерального
университета
им. И. Канта

Серия
Гуманитарные
и общественные науки

№ 4

ISSN 2500-3216 (Print)
ISSN 3034-3755 (Online)

БФУ БАЛТИЙСКИЙ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ИММАНУИЛА КАНТА

IKVBU IMMANUEL KANT
BAL TIC FEDERAL
UNIVERSITY

ВЕСТНИК
БАЛТИЙСКОГО
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. И. КАНТА

Серия
Гуманитарные и общественные
науки

№4

Калининград
Издательство Балтийского федерального университета
им. Иммануила Канта
2024

Редакционная коллегия

И. Н. Тарасов, д-р полит. наук, проф., БФУ им. И. Канта (главный редактор);
Г. В. Кретинин, д-р ист. наук, проф., БФУ им. И. Канта (зам. главного редактора);
А. А. Вишневский, д-р юрид. наук, проф., НИУ «Высшая школа экономики»;
Т. С. Волчецкая, д-р юрид. наук, проф., БФУ им. И. Канта; *А. А. Давиденко*,
канд. ист. наук, доц., БФУ им. И. Канта (ответственный редактор);
А. А. Демичев, д-р юрид. наук, проф., Нижегородская академия МВД РФ;
О. И. Зазнаев, д-р юрид. наук, проф., Казанский (Приволжский) федеральный
университет; *М. В. Ильин*, д-р полит. наук, проф., НИУ «Высшая школа
экономики»; *В. Г. Кикнадзе*, д-р ист. наук, советник, Российская академия
ракетных и артиллерийских наук; *Ю. В. Костяшов*, д-р ист. наук, проф.,
БФУ им. И. Канта; *А. В. Куликов*, д-р юрид. наук, проф., БФУ им. И. Канта;
Л. Е. Лаптева, д-р юрид. наук, проф., РАНХиГС при Президенте РФ;
И. А. Макаренко, д-р юрид. наук, проф., Башкирский государственный
университет; *С. М. Маркедонов*, канд. ист. наук, доц., МГИМО;
А. О. Машовец, д-р юрид. наук, проф., Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева; *С. Ф. Милуков*, д-р юрид. наук,
проф., Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена; *А. В. Поляков*, д-р юрид. наук, проф., Санкт-Петербургский
государственный университет; *О. В. Попова*, д-р полит. наук, проф.,
Санкт-Петербургский государственный университет; *Е. Р. Россинская*,
д-р юрид. наук, проф., Московская государственная юридическая академия
им. О. Е. Кутафина; *Н. П. Танышина*, д-р ист. наук, проф., РАНХиГС
при Президенте РФ; *А. Н. Учаев*, д-р ист. наук, проф.,
Саратовский государственный технический университет им. Ю. А. Гагарина

Учредитель

Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта

Редакция

236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

Издатель

236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

Типография

236001, Россия, Калининград, ул. Гайдара, 6

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФС 77-65006 от 4 марта 2016 г.



СОДЕРЖАНИЕ

Государство и право

<i>Гончарова В. А.</i> Проблемы конфискации имущества, находящегося в общей собственности	5
<i>Ярошенко Т. В.</i> История развития и становления нотариата в России: актуальные вопросы	19
<i>Долгих Т. Н.</i> Понятие и типологизация дефектов уголовно-процессуального закона	25

История. Исторические науки

<i>Федосов И. В.</i> От панисламизма к пантюркизму: смена парадигмы политико-правового развития Османской империи в конце XIX — начале XX века	38
<i>Ярцев А. А., Олексин В. В.</i> Из истории Лёбенихтской гимназии в Кёнигсберге	52
<i>Попова О. Д.</i> Обращения граждан в системе делопроизводства исполнительной власти в 1960—1970-е годы	64

Общество и политика

<i>Лисогор М. Н.</i> Внешнеполитическое измерение концепции экспорта высшего образования	78
<i>Овчарук А. П.</i> Милитаризация Балтийского региона блоком НАТО и риски безопасности России	89
<i>Никлаус А. А.</i> Стратегии оптимизации внутрирегионального пространства как практическая реализация внутренней политики государства	103
<i>Жирнова Л. С., Курбанов Н. И., Тихонов Н. Д.</i> Когнитивное картографирование границы Западной и Восточной Европы: трансформация представлений	114

Рецензии

<i>Дементьев И. О.</i> Рец. на кн.: Колоницкий Б. И., Сафронова Ю. А. Как написать диссертацию? Путеводитель для студентов и аспирантов гуманитарных специальностей : учебное пособие. СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2024. — 172 с.; ил.	124
-----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------	-----

CONTENTS

State and law

<i>Goncharova V.A.</i> Problems of confiscation of property in common ownership. 5	5
<i>Yaroshenko T.V.</i> The history of the development and formation of notaries in Russia: topical issues	19
<i>Dolgikh T.N.</i> The concept and typologisation of defects in the criminal procedure law	25

4

History. Historical sciences

<i>Fedosov I.V.</i> From Pan-Islamism to Pan-Turkism: Changing the paradigm of the political and legal development of the Ottoman Empire in the late 19 th – early 20 th century	38
<i>Yartsev A.A., Oleksin V.V.</i> From the history of the Löbenicht gymnasium in Königsberg	52
<i>Popova O.D.</i> Citizens' appeals within the system of documentation management of the executive authorities in 1960s – 1970s	64

Society and politics

<i>Lisogor M.N.</i> The foreign policy dimension of the concept of exporting higher education	78
<i>Ovcharuk A.P.</i> NATO militarisation of the Baltic region and risks security of Russia 89	89
<i>Niklaus A.A.</i> Strategies for optimising intraregional space as a practical implementation of domestic state policy	103
<i>Zhirnova L.S., Kurbanov N.I., Tikhonov N.D.</i> Mental mapping of the border between Western and Eastern Europe: transforming conceptions	114

Review

<i>Dementev I.O.</i> Rev.: How to write a thesis? A guide for undergraduate and postgraduate students in the Humanities : manual. – Saint Petersburg : The Publishing House of the European University at Saint Petersburg, 2024. – 172 p.	124
-------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------	-----

В. А. Гончарова

**ПРОБЛЕМЫ КОНФИСКАЦИИ ИМУЩЕСТВА,
НАХОДЯЩЕГОСЯ В ОБЩЕЙ СОБСТВЕННОСТИ**

Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Россия

Поступила в редакцию 11.11.2023 г.

Принята к публикации 10.09.2024 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2024-4-1

5

Для цитирования: *Гончарова В. А.* Проблемы конфискации имущества, находящегося в общей собственности // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2024. №4. С. 5–18. doi: 10.5922/vestnikhum-2024-4-1.

Актуальность темы представленной статьи предопределена возникающими на практике проблемами обеспечения баланса частных и публичных интересов при применении конфискации как иной меры уголовно-правового характера. Проанализирована сложившаяся практика применения положений уголовного законодательства, допускающая конфискацию имущества, находящегося в общей собственности нескольких лиц, из которых лишь одно является обвиняемым в совершении преступления. Сделан вывод о том, что в подавляющем большинстве случаев суды не учитывают особенности гражданско-правового статуса такого имущества, а предлагаемые ими пути защиты прав собственников не могут быть практически реализованы. Цель исследования заключается в выработке на основе комплексного анализа отечественного законодательства путей защиты прав участников общей собственности в случае совершения одним из них преступления и последующей необходимости конфискации принадлежащего им имущества. В процессе исследования использовались как общенаучные (метод материалистической диалектики, методы анализа и синтеза, методы индукции и дедукции), так и частнонаучные методы. Предложены варианты толкования положений уголовного законодательства в целях как достижения публичных интересов в виде конфискации имущества, так и обеспечения частных интересов лиц, являющихся собственниками имущества и не причастных к совершению преступления.

Ключевые слова: конфискация, общая собственность, совместная собственность супругов, судебная практика, баланс интересов

Введение

Согласно ст. 104.1 Уголовного кодекса РФ (далее — УК РФ) конфискация имущества представляет собой принудительное безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства (на основании об-



винительного приговора) полученного в результате совершения преступления имущества, результата его преобразования или превращения, имущества, предназначенного для финансирования терроризма, экстремистской деятельности, организованной преступной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), орудий, оборудования или иных средств совершения преступления, принадлежащих обвиняемому, а также транспортного средства, принадлежащего обвиняемому и использованного им при совершении преступления, предусмотренного ст. 264.1, 264.2 или 264.3 УК РФ.

6

Анализ юридической литературы свидетельствует о наличии различных позиций относительно понятия и роли конфискации как соответствующей принудительной меры. Так, по мнению А. А. Пропостина, «конфискацию вне зависимости от ее отраслевой принадлежности и формы ее закрепления можно определить как принудительное, окончательное, безвозмездное изъятие государством имущества с предоставлением государству права определять его судьбу» [1, с. 131]. Д. Ю. Борченко отмечает, что конфискации в уголовном праве присущи исключительные и особые функции, в числе которых, в частности, лишение лица имущества, полученного в результате преступления, восстановление и упорядочивание «нормативной основы отношений собственности и нормальной экономической деятельности, устранение имущественной основы некоторых преступлений, изъятие орудий их совершения, обеспечение возмещения причиненного преступлением ущерба» [2, с. 7].

Ряд авторов небезосновательно критикует существующую модель правового оформления конфискации. Как отмечают О. А. Буркина и А. А. Устинов, распространены ситуации, когда «удаётся подвергнуть конфискации лишь то имущество, с которым виновного “схватили за руку” во время конкретного преступления, а основная масса нажитого преступным путем имущества остается вне досягаемости правоохранительных органов» [3, с. 124]. Серьезным недостатком конфискации, по мнению Э. В. Мартыненко, является отсутствие четкой и единой цели ее назначения: ст. 104.1 УК РФ по существу объединяет в себе различные по правовой природе и содержанию карательного воздействия меры [4].

Признавая конфискацию исключением из принципа неприкосновенности собственности, Пленум Верховного суда РФ (далее – ВС РФ) в п. 1 постановления от 14.06.2018 г. №17 «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве» (далее – постановление) указал на необходимость строгого соответствия деятельности судов по ее назначению Конституции РФ, на что справедливо обращается внимание и в литературе [5–7].

Как свидетельствует практика применения положений уголовного законодательства, нередко назначение и исполнение конфискации как принудительной уголовно-правовой меры затрагивает интересы лиц, не являющихся обвиняемыми в совершении соответствующих преступлений. Речь прежде всего идет о сособственниках имущества, принадлежащего обвиняемым и либо добытого ими в результате преступления, либо ставшего орудием его совершения и вследствие этого подлежащего конфискации.



Методология

В процессе исследования использовались как общенаучные, так и частнонаучные методы. К первым относятся: метод *материалистической диалектики* — при исследовании действующего правового регулирования отношений, возникающих при конфискации имущества, в том числе находящегося в общей собственности, а также при формировании целостного, комплексного представления о возможных путях защиты прав участников общей собственности при необходимости конфискации принадлежащего им имущества в связи с совершением преступления одним из таких участников; методы *анализа и синтеза* — при исследовании существующих в литературе и практике позиций, выявлении их достоинств и недостатков, предложении собственной позиции относительно возможного толкования уголовно-правовых положений, посвященных конфискации; методы *индукции и дедукции* — при определении понятий и лексических конструкций, используемых законодателем при формировании норм о конфискации как иной мере уголовно-правового характера. К частнонаучным методам, использованным при проведении исследования, относятся: *формально-юридический* (при анализе нормативно-правовых актов); *системно-правовой* (при исследовании системной взаимосвязи положений гражданского, уголовного и уголовно-процессуального законодательства).

Результаты и их обсуждение

С позиции гражданского законодательства общая собственность представляет собой «принадлежность вещи на праве собственности не одному собственнику, а одновременно нескольким лицам — сособственникам (например, наследникам, супругам), то есть множественность субъектов одного права собственности» [8]. С.В. Залугин справедливо подчеркивает комплексный характер природы отношений сособственников, предполагающий как вещные отношения всех их как единого собственника с третьими лицами, так и сами внутренние отношения между сособственниками относительно владения, пользования и распоряжения общим имуществом [9, с. 7]. По обоснованному мнению автора, в отличие от традиционной (моносубъектной) собственности, приобретение права общей собственности происходит «не только по воле субъектов общей собственности, но, в ряде случаев, помимо и даже вопреки их воле и волеизъявлению» [Там же]. Наиболее распространенным основанием возникновения общей собственности с позиции ст. 244 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ) является поступление в собственность двух или более лиц того или иного имущества (при приобретении его в порядке наследования, в период брака и проч.). Имущество при этом может находиться в общей собственности с определением доли каждого из собственников в праве собственности (долевая собственность) или без определения таких долей (совместная собственность) (п. 2 ст. 244 ГК РФ).

Отдельно положения ГК РФ регламентируют гарантии законных интересов сособственников при обращении взыскания на долю участника общей собственности по его личным долгам: по смыслу ст. 255 ГК РФ об-



ращение взыскания на долю возможно лишь при недостаточности у собственника иного имущества, за счет стоимости которого можно было бы удовлетворить требования кредитора. В этом случае последний вправе предъявить требование о выделе доли должника в общем имуществе для обращения на нее взыскания, а в случае невозможности физического выдела доли либо при наличии возражений собственников против такого выдела кредитор вправе требовать продажи должником своей доли остальным участникам общей собственности по цене, соразмерной рыночной стоимости этой доли, с обращением вырученных от продажи средств в погашение долга. Возможность требовать по суду обращения взыскания на долю должника в праве общей собственности путем продажи этой доли с публичных торгов появляется у кредитора исключительно при отказе собственников от приобретения доли должника.

Указанные правовые положения стали предметом толкования высшей судебной инстанции. Так, по смыслу п. 63 постановления Пленума ВС РФ от 17.11.2015 г. № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства» наряду с кредитором (взыскателем) и судебный пристав-исполнитель в целях исполнения исполнительного документа вправе в судебном порядке потребовать выдела доли должника в натуре из общей собственности и обращения на нее взыскания. Если выдел доли в натуре невозможен либо против этого возражают остальные участники общей собственности, заинтересованный собственник вправе приобрести долю должника по цене, соразмерной рыночной стоимости этой доли (абз. 2 ст. 255 ГК РФ).

Как справедливо отмечается в юридической литературе, подобная процедура является особым способом реализации права преимущественной покупки доли другими участниками долевой собственности и в целом направлена на первоочередное обеспечение интересов ее участников [10].

Подтверждением необходимости учета права собственности иных лиц на подлежащее конфискации имущество являются и положения ч. 2 ст. 104.1 УК РФ, согласно которой, если имущество, полученное в результате совершения преступления, и (или) доходы от этого имущества были приобщены к приобретенному законным путем имуществу, конфискации подлежит *та часть этого имущества, которая соответствует стоимости приобщенных имущества и доходов от него*. Кроме того, в соответствии со ст. 104.2 УК РФ в случае утраты такого имущества, невозможности его использования или *при наличии иных аналогичных обстоятельств конфискации может быть подвергнута сумма денежных средств, соответствующая стоимости данного имущества*.

С учетом наличия в уголовном законодательстве этих положений, вероятно, ориентированных на защиту прав в том числе иных, помимо обвиняемого, собственников подлежащей конфискации вещи, а также в силу ст. 255 ГК РФ допустимо предположить отсутствие проблем, связанных с обеспечением их прав и законных интересов. В то же время практика применения конфискации общего имущества свидетельствует о совершенно обратной тенденции, которая может быть охарактеризова-



на как полное нивелирование названных уголовно-правовых и гражданско-правовых норм, в конечном итоге имеющее следствием нарушение прав лиц, не совершавших преступлений.

Особое распространение подобная тенденция получила при конфискации транспортных средств, принадлежащих обвиняемым и использованных ими при совершении преступления, которое предусмотрено ст. 264.1, 264.2 или 264.3 УК РФ. Как свидетельствует анализ правовой литературы [11 – 12] и практики судов общей юрисдикции, правоприменители при осуществлении конфискации такого имущества не определяют истинную принадлежность подлежащего изъятию имущества, хотя оно нередко находится в общей собственности нескольких лиц, чаще – супругов (или принадлежит им *на праве общей совместной собственности*). Так, Третий кассационный суд общей юрисдикции отметил в постановлении от 30 июня 2020 г. № 77-566/2020: «... доводы жалобы о том, что... судом не учтены интересы супруги осужденного, поскольку данный автомобиль приобретен в период брака и является совместной собственностью супругов, рассмотрению не подлежат... в соответствии с семейным законодательством супруга осужденного не лишена возможности обращения в порядке гражданского судопроизводства с иском об определении ее доли в совместном имуществе супругов». Аналогичную позицию занял Шестой кассационный суд общей юрисдикции в постановлении от 29 августа 2023 г. № 77-3644/2023, отметив, что само по себе приобретение автомобиля в период брака и отнесение его к совместной собственности супругов не свидетельствует о невозможности его конфискации, а права второго супруга могут быть защищены в рамках применения ст. 199 Федерального закона РФ от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве». Кроме того, как указал суд, супруга осужденного вправе в порядке гражданского судопроизводства обратиться в суд для определения ее доли в общем имуществе супругов и ее выделе. Близкой к указанной была позиция, сформулированная в постановлении Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 18 июля 2023 г. № 77-3206/2023 и определении Алтайского краевого суда от 12 ноября 2021 г. по делу № 22-4838/2021.

Указанные доводы нашли отражение и в недавнем определении ВС РФ от 9 ноября 2023 г. № 12-УДП23-8-К6, где высшая судебная инстанция указала, что «по смыслу приведенной нормы закона (ст. 104.1 УК РФ. – В.Г.), для ее применения необходимо установить наличие двух условий – принадлежность транспортного средства обвиняемому и использование этого транспортного средства при совершении преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ. Каких-либо ограничений, в том числе касающихся режима собственности подлежащего конфискации имущества, положения ст. 104.1 УК РФ не содержат».

Описанные подходы, по существу, были поддержаны ВС РФ в сформулированных и принятых им в декабре 2023 г. изменениях в постановление Пленума, посвященное конфискации. Согласно обновленным разъяснениям, в силу положений пунктов «г» и «д» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ орудия, оборудование или иные средства совершения преступления, транспортное средство, которое было использовано обвиняемым при совершении преступления, предусмотренного ст. 264.1, 264.2



или 264.3 УК РФ, подлежат конфискации при условии, что они принадлежат обвиняемому. Для целей гл. 15.1 УК РФ принадлежащим обвиняемому следует считать имущество, находящееся в его собственности, а также в общей собственности обвиняемого и других лиц, в том числе в совместной собственности супругов. Выводы суда сформулированы как универсальные и подлежащие применению к конфискации любого имущества, находящегося в общей собственности, из перечисленных в ч. 1 ст. 104.1 УК РФ видов.

Представляется, однако, что оснований согласиться с позицией судов, а также общим подходом ВС РФ, сформулированным им в обновленном постановлении, не имеется.

10

Во-первых, при изъятии предмета конфискации обвинительным приговором вопрос о статусе имущества уже решен и не может быть поставлен на обсуждение в каком-либо другом процессе, в том числе в связанном с определением доли в совместном имуществе супругов. Имущество уже конфисковано и в установленном порядке будет передано в собственность государства, что для целей его раздела сродни уничтожению.

Аналог механизма защиты прав второго супруга и учета его интересов, который, вероятно, имелся в виду судами, предусмотрен п. 7 ст. 213.26 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», согласно которому имущество гражданина, принадлежащее ему на праве общей собственности с супругом (бывшим супругом), подлежит реализации в деле о банкротстве гражданина, однако супруг (бывший супруг) вправе участвовать в деле о банкротстве гражданина при решении вопросов, связанных с реализацией общего имущества. При этом, как отмечается в п. 7 постановления Пленума ВС РФ от 25 декабря 2018 г. № 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан», супруг, считающий, что реализацией общего имущества могут быть нарушены его правомерные интересы или интересы находящихся на его иждивении лиц, в том числе несовершеннолетних детей, может обратиться в суд с требованием о разделе общего имущества супругов до его продажи в процедуре банкротства (п. 3 ст. 38 Семейного кодекса РФ (далее — СК РФ)). Гарантией прав кредиторов при рассмотрении судом указанного требования является участие в данном процессе финансового управляющего, а также всех кредиторов потенциального банкрота, выступающих в деле в качестве третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора. Особо обращается внимание и на то, что до разрешения требования о разделе имущества оно не может быть реализовано в рамках банкротных процедур.

Следует заметить, что, несмотря на внешний положительный потенциал указанного механизма, ряд авторов выступает с его обоснованной критикой: по мнению Ю.С. Харитоновой, «приведенное в Законе (п. 7 ст. 213.26. — В.Г.) правило ущемляет права собственников-супругов по сравнению с иными собственниками, а также находится в доктринальном противоречии с нормами права собственности» [13].



В то же время, вопреки как приведенным позициям судов, так и высказываемым в литературе мнениям [14], в рамках уголовного судопроизводства использование даже по аналогии приведенного механизма нереализуемо: согласно ст. 215 Гражданского процессуального кодекса РФ невозможность рассмотрения дела до разрешения другого, рассматриваемого в том числе в уголовном производстве, является основанием для приостановления производства. Иными словами, при заявлении супругом требований о разделе совместно нажитого имущества, в том числе и подлежащего конфискации, при уже ведущемся предварительном расследовании или судебном рассмотрении уголовного дела гражданское производство неминуемо будет приостановлено до постановления обвинительного приговора, где транспортное средство в любом случае будет конфисковано. Других же, близких по сути банкротным, механизмов законодательство не содержит; свойственная банкротству «синхронность» и параллельность процессов в анализируемом случае невозможна по определению.

Действительно, подобное требование может быть заявлено супругом лица, совершившего преступление, уже после вступления в законную силу обвинительного приговора и конфискации принадлежащего ему на праве общей совместной собственности имущества. Допустимо и то, что его изъятие в связи с совершением одним из супругов преступления будет учтено осуществляющим раздел судом как обстоятельство, позволяющее ему отступить от начала равенства долей супругов в их общем имуществе: по смыслу п. 2 ст. 39 СК РФ основанием к подобному решению может стать в том числе совершение супругом недобросовестных действий, которые привели к уменьшению общего имущества супругов. Однако возможно и то, что, кроме уже конфискованного имущества, у супругов нет ничего совместно нажитого, либо есть, но, в сравнении с изъятым, — крайне незначительной стоимости.

Во-вторых, вопреки позиции судов, неприменим в указанной ситуации и иск об освобождении имущества от наложения ареста или исключении его из описи. Согласно сложившемуся в теории и практике применения положений гражданского законодательства подходу этот способ защиты применяется в случае ошибочного включения судебным приставом-исполнителем в имущество, на которое обращается взыскание в ходе исполнительного производства, вещей, принадлежащих не должнику, а иным лицам. Как отмечает Т.П. Подшивалов, с практической точки зрения сама процедура ареста состоит в том, что судебный пристав-исполнитель описывает все имущество, находящееся по месту жительства или нахождения должника [15], при этом зачастую сложно определить, кому принадлежит имущество на самом деле, в результате чего в опись попадают вещи, принадлежащие не только должнику, но и третьим лицам. Именно для защиты права собственности последних и используется иск об освобождении вещи от ареста [8]. Таким образом, иск об освобождении вещи от ареста вытекает из неверного вывода пристава-исполнителя о принадлежности определенного имущества



должнику, и установлению по таким делам подлежит необоснованность наложения ареста на ту или иную вещь [16]. Указанный вывод подтверждается и судебной практикой¹.

Кроме того, как следует из самого названия, фактическим основанием иска об освобождении имущества от наложения ареста или исключения его из описи является в целом включение указанного имущества в опись или его арест для дальнейшего удовлетворения за счет его стоимости требований кредиторов. В случае же с конфискацией вопрос о статусе конфискуемого имущества по существу уже разрешен в обвинительном приговоре суда, вступившем в законную силу, и очевидно, как и в случае с разделом совместно нажитого имущества, не может изменяться решением по гражданскому делу.

При общем подходе к праву судов беспрепятственно конфисковать имущество, невзирая на его нахождение в собственности нескольких лиц, не меняется решение и в случае, если суды в представленных постановлениях имели в виду возможность супругов заявить об освобождении подлежащего конфискации имущества из-под ареста, накладываемого в порядке ст. 115 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ).

Вывод же, сформулированный высшей судебной инстанцией в ноябрьском определении и в обновленном постановлении, как представляется, противоречит положениям гражданского законодательства и учению об общей собственности как таковому: имущество, находящееся в собственности нескольких лиц, по определению не считается принадлежащим одному из них, и именно вследствие этого не может быть беспрепятственно конфисковано. В то же время именно признак принадлежности имущества только обвиняемому, вопреки высказываемым в литературе суждениям [14], должен быть установлен для применения конфискации согласно ст. 104.1 УК РФ, на что, к слову, прямо обращается внимание и в п. 3.2 обновленного постановления². Право собственности других лиц на спорную вещь должно выступать естественным препятствием для ее безусловной конфискации в связи с преступлением, совершенным одним из собственников, и с позиции рассмотренных выше возможностей, закрепленных в ст. 104.1 и 104.2 УК РФ.

Очевидно, что в результате подобного толкования нарушаются права лиц, не совершавших преступлений, но обладающих на конфискуемое имущество теми же правами, что и обвиняемый. Не исключено также,

¹ Об этом см., в частности, п. 50 и 51 постановления Пленума ВС РФ №10, Пленума ВАС РФ №22 от 29.04.2010 г. «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав», определение ВС РФ от 3 апреля 2018 г. №310-КГ18-2346.

² Согласно данному пункту, по смыслу п. 8 ч. 1 ст. 73 УПК РФ факт принадлежности обвиняемому орудий, оборудования или иных средств совершения преступления, транспортного средства, использованного обвиняемым при совершении преступления, предусмотренного ст. 264.1, 264.2 или 264.3 УК РФ, относится к предмету доказывания по уголовному делу и должен быть установлен судом на основе исследованных в судебном заседании доказательств (показаний свидетелей, а также подтверждающих приобретение имущества документов и др.).



что не совершавший преступление супруг некогда в большей степени материально вложился в приобретенное имущество, что данное транспортное средство используется им для нужд семьи, несовершеннолетних детей и т. п. Однако защита этих правомерных интересов при конфискации общего имущества в уголовном процессе, как было показано, не обеспечивается вовсе.

Встречаются между тем и иные судебные постановления, в которых отмечается невозможность применения конфискации общего имущества, однако не по причине его принадлежности нескольким лицам, а в связи с тем, что «УК РФ не предусматривает конфискацию 1/2 части автомашины, а также конфискацию имущества третьих лиц, не являющихся осужденными за совершение преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ» (постановление Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 11 июля 2023 г. № 77-1657/2023). Налицо и в указанном случае непонимание феномена права общей собственности и невозможности рассмотрения в качестве доли в нем не реальной, овеществленной части в имуществе, а непосредственно доли в праве [17]. Причиной такого неверного толкования, однако, могли стать положения ч. 2 ст. 104.1 УК РФ, буквально допускающие конфискацию не доли в праве на спорную вещь, а части этой вещи, что вряд ли корректно.

При подобных подходах не исключено также нарушение прав и участников *общей долевой собственности* — второго вида общей собственности, предусмотренного законодательством. Так, допустимы ситуации, когда лишь доля лица в общем имуществе (например, в недвижимости) была приобретена им с использованием средств, полученных в результате совершения преступления, при этом остальные участники общей собственности были добросовестны и не совершали соответствующего преступления; когда орудие совершения преступления или иные средства совершения преступления изначально поступили в собственность как обвиняемого, так и иных лиц по правомерным основаниям (приобретение по договору, наследование и т. д.), при этом указанные иные лица не знали и не должны были знать о подобном использовании их имущества другим сособственником. Не исключены и случаи, когда доля обвиняемого, приобретенная им на преступные средства, может быть крайне незначительной. Значимо и то, что с учетом основополагающих начал и смысла гражданского законодательства (ст. 1 ГК РФ) субъекты оборота — участники общей собственности даже при их знании об источнике получения денежных средств лицом, претендующим на приобретение доли, не могут препятствовать такому ее приобретению.

Представленный анализ правоприменительной практики свидетельствует о том, что суды, рассматривающие уголовные дела и разрешающие вопросы о конфискации, игнорируют действие как собственно уголовно-правовых положений, так и гражданско-правовых норм, возможно, и не применяющихся в рассматриваемом случае напрямую, но задающих общий вектор правоприменения в разрешении вопросов общей собственности. Не учитываются и интересы сособственников, не связанных с совершенным преступлением, но по каким-то причинам вынужденных претерпевать негативные последствия государственной реакции на него. Возникает и справедливый вопрос: должны ли интере-



сы государства, состоящие в необходимости конфискации, стоять выше интересов третьих, возможно многих, лиц, очевидно гораздо больше заинтересованных в спорном имуществе.

Все изложенное в контексте нового — безальтернативного — подхода ВС РФ создает поле для неограниченного количества случаев нарушения прав граждан и организаций, поскольку безоговорочно допускает конфискацию вещи целиком, без учета интересов третьих лиц. Изложенное с очевидностью противоречит даже самому назначению уголовного судопроизводства — защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (ст. 6 УПК РФ).

Выводы (рекомендации)

Нецелесообразным в то же время представляется предлагаемое в литературе [12, с. 194] и профессиональных сообществах¹ введение в уголовное законодательство норм о конфискации денежного эквивалента доли, принадлежащей обвиняемому, в том числе в праве общей совместной собственности. Глава 15.1 УК РФ уже содержит допускающие такое применение положения, которые должны корректно толковаться и использоваться в общем соответствии с нормами гражданского законодательства, устанавливающими особенности режима общей собственности, и интересами других собственников.

Так, вполне обоснованно предположить, что при установлении в ходе расследования и рассмотрения уголовного дела того, что подлежащее конфискации имущество принадлежит лицам на праве общей собственности, конфискации должен подлежать лишь *денежный эквивалент доли обвиняемого в совершении преступления*, который в случае долевой собственности должен определяться размером его доли, а в случае совместной — считаться равным $\frac{1}{2}$ (ст. 39 СК РФ), либо его аналог в виде иного имущества. Указанный вывод напрямую следует из грамматического толкования ст. 104.2 УК РФ, по смыслу которой сама принадлежность вещи нескольким лицам может рассматриваться как препятствие для ее изъятия в собственность государства.

Допустим и второй, альтернативный вариант, который, однако, потребует дополнительной процедурной проработки и, возможно, разъяснений в части его применения со стороны высшей судебной инстанции. При установлении того, что имущество, подлежащее конфискации, находится в общей собственности нескольких лиц, в том числе супругов, по смыслу ч. 2 ст. 104.1 УК РФ возможно обращение взыскания и на *соответствующую долю в праве на указанное имущество*. В то же время реализация указанного варианта вполне ожидаемо поставит вопрос о том, как при подобной конфискации защитить права собственников: в отличие от общего механизма исполнительного производства, где по ст. 255 ГК РФ реализуем «вывод» доли из-под взыскания за счет ее выкупа другими собственниками, механизм конфискации изначально предполагает

¹ См.: Конфискация — не арест // Адвокатская газета. 2023. 4 дек. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/konfiskatsiya-ne-arest/> (дата обращения: 10.12.2023).



обращение взыскания на конкретное имущество или долю в нем, выкуп же такого имущества или доли после вынесения соответствующего судебного решения в данном случае невозможен по определению.

Выходом из сложившейся ситуации стало бы возложение на органы предварительного расследования обязанностей, аналогичных предусмотренным абз. 1 ст. 255 ГК РФ и возлагаемых на кредитора и пристава-исполнителя: при недостаточности у обвиняемого в совершении преступления другого, помимо доли в спорной вещи, имущества такие органы обязаны предъявить требование о выделе доли должника в общем имуществе для обращения на нее взыскания. В указанном варианте собственник (собственники) подлежащей конфискации доли в указанном выше размере по аналогии с абз. 2 ст. 255 ГК РФ наделяется правом ее выкупа до постановления обвинительного приговора, при этом в дальнейшем в приговоре взыскание обращается на полученную обвиняемым от такого выкупа денежную сумму. При невыкупе же собственниками соответствующей доли на место обвиняемого в праве должно вступать государство, само становясь собственником, что следует отражать в приговоре. С позиции уголовного законодательства подобный подход полностью соответствует правилам ч. 2 ст. 104.1 УК РФ, несколько уточняя, по существу, механизм ее реализации с позиции гражданского законодательства и в соответствии с ним. Возможность такого применения косвенно подтверждается и ст. 45 СК РФ.

В целом ориентир на защиту интересов участников права общей собственности при обращении взыскания на соответствующее имущество поддерживается и на уровне Конституционного суда РФ, который в постановлении от 16 мая 2023 г. № 23-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 250 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. В. Шеставина» обратил внимание на важность соблюдения баланса интересов участников гражданских правоотношений — кредиторов потенциального банкрота и собственников вещи, подлежащей реализации, а также указал на необходимость исходить из того, что возникающие коллизии их законных интересов во всяком случае не могут преодолеваются путем предоставления защиты одним правам в нарушение других, равноценных по своему конституционному значению. Подобные выводы в целом традиционны для отечественной доктрины конституционного права: по верному утверждению Л. В. Щенниковой, «генетическое единство конституционного и гражданско-правового регулирования экономической деятельности позволяет утверждать, что законным может быть признано изъятие имущества не только по решению суда, но и с обязательным учетом оснований прекращения права собственности, установленных гражданским законодательством» [18, с. 348].

Конфискация как мера уголовно-правового характера может быть поставлена в один ряд с иными основаниями принудительного изъятия имущества, а потому не может предполагать какого-то иного, отличного от них, регулирования. Справедливо заметить также, что возможной причиной подобного противоречия в подходах к разрешению по существу однопорядковых ситуаций, связанных с изъятием общего имущества, является отсутствие согласованности уголовного законодательства



с гражданским при определении правового режима конфискации. Так, в литературе обоснованно подчеркивается некорректность использования даже термина «принадлежность» в уголовном законодательстве в связи с его несоответствием положением ГК РФ в части системы вещных прав [19].

Таким образом, представленная на уровне судебной практики тенденция, предполагающая конфискацию вещей, которые находятся в общей собственности, и не учитывающая необходимость обеспечения законных интересов их собственников, не совершавших преступления и не являющихся участниками уголовного судопроизводства, не может быть оценена положительно. Со стороны высшей судебной инстанции необходимы обновленные разъяснения, посвященные разрешению подобных ситуаций и основанные на комплексном анализе гражданского и уголовного законодательства, практике Конституционного суда РФ, а также на общеправовых принципах законности и справедливости. Предложенные варианты являются лишь возможными и могут лечь в основу дальнейшего обсуждения.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №22-18-00496, <https://rscf.ru/project/22-18-00496/>.

Список литературы

1. *Пропостин А. А.* Конфискация имущества: прошлое, настоящее, будущее. М., 2011.
2. *Борченко Д. Ю.* Конфискация имущества как мера уголовно-правового характера : понятие, природа, социальное предназначение и порядок применения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2007.
3. *Буркина О. А., Устинов А. А.* Конфискация имущества как мера противодействия коррупции // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. №2 (28). С. 119–124.
4. *Мартыненко Э. В.* Достоинства и недостатки конфискации имущества как иной меры уголовно-правового характера // Российский следователь. 2009. №16. С. 13–14.
5. *Долинская В. В.* Интересы в гражданском обороте, их оформление и обеспечение их баланса // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. №2. С. 9–22.
6. *Соловьев В. Н.* Принудительное изъятие имущества как основа достижения социальных функций государства // Российский судья. 2011. №2. С. 5–7.
7. *Агапов А. Б.* Соразмерность публичных и непубличных правоограничений // Административное право и процесс. 2016. №11. С. 11–15.
8. *Суханов Е. А.* Вещное право: научно-познавательный очерк. М., 2017. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. *Залугин С. В.* Право общей собственности: понятие, осуществление и защита : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.
10. *Зарубин А. В.* Обращение взыскания на долю в праве общей собственности // Власть закона. 2017. №2. С. 136–143.
11. *Торговченков В. И.* Актуальные вопросы назначения конфискации автотранспорта как меры уголовно-правового характера // Законность. 2023. №2. С. 12–14.



12. Карпов К.Н., Бекетов А.О. Реализация конституционных принципов равенства и справедливости при конфискации денежных средств или иного имущества взамен предмета, подлежащего конфискации // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. №3 (90). С. 189–194.

13. Харитонова Ю.С. Взыскание долгов гражданина-банкрота за счет общего имущества супругов // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2016. №3. С. 7–9. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

14. Тетюев С.В. Защита прав супруга при наложении ареста на совместно нажитое имущество по уголовному делу // Судья. 2018. №7. С. 61–64.

15. Подшивалов Т.П. Негаторный иск: проблемы теории и практики. М., 2019. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

16. Синицын С.А. Исковая защита вещных прав в российском и зарубежном гражданском праве: актуальные проблемы. М., 2015. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

17. Мананкова Р.П. Правоотношение общей долевой собственности граждан по советскому законодательству // Общая долевая собственность. Правовой статус членов семьи : основные труды профессора Томского государственного университета Р.П. Мананковой. М., 2021. С. 47–60.

18. Щенникова Л.В. Система оснований прекращения (лишения) права собственности как необходимое условие эффективной реализации принципа неприкосновенности собственности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 44. С. 329–351.

19. Кузнецова О.А., Степанов В.В. Межотраслевая правовая природа конфискации имущества // Журнал российского права. 2018. №2 (254). С. 27–37.

Об авторе

Валерия Андреевна Гончарова – канд. юрид. наук, доц., Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия.

E-mail: valeria.goncharova.93@bk.ru

V. A. Goncharova

PROBLEMS OF CONFISCATION OF PROPERTY IN COMMON OWNERSHIP

National Research Tomsk State University, Russia

Received 11 November 2023

Accepted 10 September 2024

doi: 10.5922/vestnikhum-2024-4-1

To cite this article: Goncharova V. A., 2024, Problems of confiscation of property in common ownership, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №4. P. 5–18. doi: 10.5922/vestnikhum-2024-4-1.

The relevance of the topic of the presented article is predetermined by the problems that arise in practice of ensuring a balance of private and public interests when applying confiscation as another measure of a criminal law nature. The current practice of applying the provi-



sions of criminal law, which allows for the confiscation of property that is in common ownership of several persons, of which only one is accused of committing a crime, is analyzed. It is concluded that in the overwhelming majority of cases, the courts do not take into account the peculiarities of the civil legal status of such property, and the ways they propose to protect the rights of co-owners cannot be practically implemented. **The purpose** of the study is to develop, on the basis of a comprehensive analysis of domestic legislation, ways to protect the rights of participants in common property in the event that one of them commits a crime and the subsequent need to confiscate their property. **Methodology.** In the process of research, both general scientific (method of materialistic dialectics, methods of analysis and synthesis, methods of induction and deduction) and specific scientific methods were used. **Conclusions.** In conclusion, options for interpreting the provisions of criminal legislation are proposed, aimed both at achieving public interests in the form of confiscation of property, and ensuring the private interests of persons who are owners of property and not involved in the commission of a crime.

Keywords: confiscation, common property, joint property of spouses, judicial practice, balance of interests

The author

Dr Valeria A. Goncharova, National Research Tomsk State University, Russia.
E-mail: valeria.goncharova.93@bk.ru

Т. В. Ярошенко

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ И СТАНОВЛЕНИЯ НОТАРИАТА В РОССИИ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Поступила в редакцию 15.01.2024 г.

Принята к публикации 10.09.2024 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2024-4-2

19

Для цитирования: Ярошенко Т. В. История развития и становления нотариата в России: актуальные вопросы // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2024. №4. С. 19–24. doi: 10.5922/vestnikhum-2024-4-2.

Проанализированы исторические вехи становления и развития нотариата в России, определены особенности нотариальной деятельности на различных этапах. В частности, выделен постсоветский период, связанный с принятием Основ законодательства РФ о нотариате, а также с возникновением частного нотариата. Обозначено развитие нотариата в эпоху цифровых технологий, функционирование электронного (цифрового) нотариата, проанализировано расширение полномочий нотариусов в цифровой среде (удостоверение электронного документа, дистанционные сделки и др.). Описанные меры направлены на повышение эффективной защиты прав и интересов физических и юридических лиц в сфере нотариата.

Ключевые слова: нотариат; становление нотариата; этапы развития нотариата; нотариальная деятельность

Актуальность темы исследования. Профессия нотариуса является одной из самых древних среди юридических профессий, имея древнеримские корни. В нашей стране она зародилась еще во времена Киевской Руси. Понимание современного нотариата требует анализа опыта, накопленного на предыдущих этапах становления и развития этого института.

Цель исследования — проанализировать исторические этапы становления и развития нотариата в России, определить особенности нотариальной деятельности в различные периоды для повышения эффективности защиты прав и интересов участников гражданского оборота.

Историческое развитие нотариата включает в себя несколько этапов, каждый из которых имеет свои отличительные черты и особенности, связанные с самим процессом формирования государства и права. В современной теории права ученые выделяют шесть основных этапов становления и развития нотариата на территории нашей страны [5, с. 522].



1) *Становление нотариата со времени возникновения Древнерусского государства до утверждения Соборного уложения (до 1649 г.)*. Данный этап прежде всего характеризуется тем, что в тот момент государство имело достаточно тесную связь с церковью, которая, в свою очередь, регламентировала семейные и наследственные отношения. Представители церкви принимали активное участие в осуществлении церковного документооборота, создавали архивы из церковных грамот и книг [4, с. 251]. Феодальные отношения в тот период не имели правового регулирования.

Впоследствии, когда товарно-денежные отношения начали динамично развиваться, имущественные права и обязанности государства и общества стали нуждаться в юридическом закреплении. Представители церкви получили новые полномочия — они занимались ведением делопроизводства, осуществляли выдачу копий справок и иных документов, которые имели отношение к недвижимости, а также осуществляли нотариальные функции. Позже, в XIV в., в городах впервые появились площадные подьячие, которые составляли письменные акты. Есть точка зрения, согласно которой именно деятельность площадных подьячих стала основополагающей для общего становления и развития института нотариата [15, с. 38].

Первое правовое регулирование нотариата также сформировалось в рамках рассматриваемого исторического этапа. К основным документам можно отнести Судебник Ивана III (1497), Судебник Ивана IV (1550), а также указ Михаила Федоровича (1635) [8, с. 800].

2) *Развитие нотариата с момента утверждения Соборного уложения до принятия Положения о нотариальной части (1649–1866)* [12, с. 26]. Данный правовой акт позволил систематизировать принятые ранее указы посредством разделения функций: теперь полномочия органов, совершавших сделку, были отделены от полномочий органов, ее регистрировавших. Рассматриваемый период также ознаменовался тем, что происходило повышение уровня контроля государства над совершением бесспорных сделок и порядком их регистрации. Важные преобразования в области нотариата произошли при Петре I [6, с. 138], который последовательно осуществлял передачу полномочий по составлению и регистрации сделок различным органам (Оружейная палата, 1701 г.; Московская ратуша, 1706 г.; губернаторы, 1708 г.; секретари губернских юстиц-коллегий, 1712 г.).

Впервые должность нотариуса была упомянута в 1729 г. Это произошло с принятием Вексельного устава [17, с. 260]. Уже в 1775 г. нотариальные функции были переданы Екатериной II судам. Впоследствии эти функции также делегировались различным учреждениям, крепостным отделениям и т. д.

Позже появлялись нотариусы со специализацией. Например, в 1781 г. был сформирован институт нотариусов, главной обязанностью которых было ведение торговых сделок, а в 1831 г. также появились биржевые нотариусы [16, с. 58]. В конце XVIII в. Екатерина II учредила должность частного маклера — посредника в совершении различного рода сделок, связанных с недвижимостью. До появления частных маклеров и специальных нотариусов нотариальные функции исполнялись государственными органами.



3) *Позднеимперский период развития нотариата с момента принятия Положения о нотариальной части (1866 – 1917)* (см.: [11, с. 133]). Положение 1866 г. обязывало нотариусов осуществлять свою деятельность совместно с судом, который контролировал нотариат [7, с. 26] (это придавало нотариату правозащитную функцию). Нотариусы по уровню полномочий условно подразделялись на старших и младших. Первые были уполномочены утверждать крепостные акты, а последние считались лицами свободной профессии, у них не было каких-либо чинов и пенсий. Вплоть до 1917 г. нотариусы как отдельный правовой институт не имели своей иерархии, отсутствовал принцип подчинения низших уровней нотариусов высшим, не существовало собственной корпорации нотариусов. На этом этапе главная роль принадлежала именно Положению о нотариальной части, которое, несмотря на свои недостатки, позволило официально закрепить институт нотариата и определить его место в системе судебного ведомства [10, с. 90].

4) *Советский период развития нотариата (1917 – 1991)*. Как известно, после революции многие органы в России были упразднены [2, с. 8], потеряли правовую значимость и принятые ранее нормативные правовые акты. Первым документом советского времени, который регулировал вопросы деятельности нотариата, стало Положение о государственном нотариате (1922). Оно признавало нотариат в качестве государственного органа [14, с. 137] со следующими полномочиями:

- совершение различного рода актов;
- хранение документов;
- засвидетельствование договоров, копий документов и доверенностей и т. д. [1, с. 60].

Уже через год, в 1923 г., было принято новое Положение о государственном нотариате, а впоследствии, в 1926 г., – постановление «Об основных принципах организации государственного нотариата». В соответствии с положениями последнего постановления нотариат получил новый вид деятельности – удостоверение сделок, который объединил ранее существующие полномочия нотариата. Именно в рассматриваемый период начинает формироваться нотариальная практика. Стоит отметить и особенность существования института нотариата в советский период – долгое время этот своеобразный государственный механизм не совершенствовался, при этом его полномочия постепенно сокращались. Существенные изменения произошли только в 1973 г., когда был принят закон «О государственном нотариате», поспособствовавший реформированию деятельности этого института. В законе нашли свое отражение задачи и принципы деятельности нотариата, организация его функционирования, общие правила и порядок совершения нотариальных действий.

В советский период деятельность нотариата была ограничена удостоверением определенных видов сделок и совершением оформления документов в области наследования [13, с. 106]. Правозащитная функция нотариата была упразднена.

5) *Постсоветский период развития нотариата (1991 – 2014)*. Главные особенности этого периода развития института нотариата на территории РФ таковы:



– нотариат переходит из государственной в негосударственную форму;

– нотариат начинает выполнять новые функции (правоохранительная, правозащитная, регулирующая).

Отмечая правовое регулирование нотариата в этот период, следует акцентировать внимание на Конституции Российской Федерации [3], в которой закреплено право каждого гражданина на получение квалифицированной юридической помощи. Особое место среди нормативных правовых актов принадлежит также «Основам законодательства Российской Федерации о нотариате» [9], согласно которым нотариат является негосударственным, свободным и частным институтом.

22

В настоящее время нотариат не входит в общую систему исполнительной власти. Несмотря на то что нотариус совершает определенные нотариальные действия от имени Российской Федерации, он не является представителем государственной власти, а выступает в качестве независимого представителя государства, который, в соответствии с нормами действующего российского законодательства, имеет право совершать определенные нотариальные действия. Стоит отметить, что свободный статус нотариуса возлагает на него личную ответственность за все совершаемые им действия.

6) *Эпоха цифровых технологий (электронный или цифровой нотариат) – с 2014 г.* Выделение данного этапа развития нотариата в России представляется достаточно важным. Повсеместное внедрение новых технологий в каждую сферу деятельности государства и общества не обошло стороной и институт нотариата. Благодаря цифровизации полномочия нотариата расширяются, в их число уже входят такие действия, как удостоверение электронного документа, совершение сделки удаленно и т. д.

В 2019 г. принят Федеральный закон № 480-ФЗ «О внесении изменений в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате и отдельные законодательные акты Российской Федерации», который впоследствии стал неофициально именоваться законом «о цифровом нотариате». Новые цифровые возможности нотариата являются совершенно новым направлением совершенствования его деятельности, которое также нуждается в исследовании и, соответственно, модернизации.

Выводы. Рассмотрев основные этапы исторического становления и развития нотариата в России, отметим, что этот институт всегда был важным и необходимым инструментом, позволявшим обеспечивать стабильность гражданского оборота, защищать права и интересы лиц. Каждый период его развития характеризуется особенностями, которые имеют непосредственное отношение к развитию государства и права. Ценность нотариата прослеживалась даже на самых ранних этапах его формирования. Сегодня нотариусы выступают в качестве «хранителей юридического ритуала», призванных разъяснять гражданам права и обязанности, предупреждать о возможных и вероятных рисках, а также последствиях совершения определенных нотариальных действий. Благодаря развитию новых цифровых возможностей современный нотариат приобретает новые характеристики. Его деятельность уже имеет непосредственное отношение к удостоверению электронной документации и совершению значимых нотариальных действий посредством



применения новых технологий (например, в удаленном формате и т. д.). Соответственно, на сегодняшний день сохраняется необходимость дальнейшего исследования особенностей деятельности института нотариата на территории Российской Федерации.

Список литературы

1. *Борисова Е. А.* История российского законодательства о нотариате и нотариальной деятельности // *Нотариальный вестник.* 2017. № 7. С. 52–64.
2. *Воронова А. О.* История становления и развития законодательства о нотариате в России // *Актуальные вопросы российского права.* Пенза. 2022. С. 7–9.
3. *Конституция Российской Федерации* (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.07.2020).
4. *Лабуз М. С.* Актуальные проблемы становления и развития принципов нотариальной деятельности // *Актуальные проблемы современной России: психология, педагогика, экономика, управление и право.* М., 2021. Т. 4. С. 250–254.
5. *Мельников И. Н., Ширина Т. В.* Основные этапы становления нотариата в России: от истоков к цифровой современности // *Прокуратура России на страже законности и правопорядка (к 300-летию российской прокуратуры).* Кострома, 2022. С. 522–527.
6. *Мязина Ю. С.* История становления нотариата в России // *Грядущим поколениям завещаем: творить добро в защиту прав.* Ногинск, 2021. С. 137–141.
7. *Оганесян А. В.* Нотариат в России: краткий исторический экскурс // *Наукосфера.* 2022. № 4-2. С. 24–28.
8. *Озерова П. Ю.* Становление и развитие нотариата в России // *Современные научные исследования и разработки.* 2019. № 1 (30). С. 799–803.
9. *Основы законодательства Российской Федерации о нотариате* / утверждены ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1 (ред. от 24.07.2023) // *Российская газета.* 1993. № 49.
10. *Сальников Ю. Н.* Исторический аспект становления и развития нотариата в России как института защиты прав и законных интересов граждан // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского.* Сер.: Право. 2002. № 1. С. 89–93.
11. *Симонова В. М.* Нотариат в России: возникновение и основные этапы развития // *Via scientiarum — дорога знаний.* 2016. № 3. С. 132–137.
12. *Тараканова Н. Г., Ямбушев Ф. Ш., Пяткина Т. Ю.* История развития нотариальной деятельности в России и предпосылки реформы 1866 г. // *Вопросы российского и международного права.* 2019. Т. 9, № 1-1. С. 23–30.
13. *Тимаков М. А.* Становление и функции института нотариата в России // *Молодой ученый.* 2021. № 45 (387). С. 105–108.
14. *Федоренко Ю. В., Элибекян М. А., Полозова М. Р.* История становления института нотариата в России и за рубежом // *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление.* 2021. № 8 (135). С. 136–138.
15. *Филитова О. В.* Становление нотариата в России, история и современность // *Нотариальный вестник.* 2012. № 9. С. 35–45.
16. *Шадрина Л. В.* Становление и развитие нотариата в России // *Вестник Уральского финансово-юридического института.* 2018. № 2 (12). С. 57–66.



17. Юркина М.И., Ермолаева А.В. Развитие института нотариата в России // Наука и инновации в XXI веке: актуальные вопросы, открытия и достижения : сб. ст. IV междунар. науч.-практ. конф. : в 3 ч. Пенза, 2017. Ч. 2. С. 260–263.

Об авторе

Татьяна Владимировна Ярошенко — канд. юрид. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия

E-mail: t.yaroshenko2011@yandex.ru

T. V. Yaroshenko

THE HISTORY OF THE DEVELOPMENT AND FORMATION OF NOTARIES IN RUSSIA: TOPICAL ISSUES

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 15 January 2024

Accepted 10 September 2024

doi: 10.5922/vestnikhum-2024-4-2

To cite this article: Yaroshenko T. V., 2024, The history of the development and formation of notaries in Russia: topical issues, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №4. P. 19–24. doi: 10.5922/vestnikhum-2024-4-2.

The historical stages of the formation and development of notaries in Russia are analyzed, the features of notarial activities in different periods are determined. The post-Soviet period of development of notaries, associated with the adoption of the Fundamentals of the legislation of the Russian Federation on notaries, as well as with the emergence of private notaries, is highlighted. The development of the notary office in the digital era, the functioning of the electronic (digital) notary office are outlined, and the expansion of the powers of notaries in the digital environment (certification of an electronic document; remote transactions, etc.) is analyzed. These measures are aimed at increasing the effective protection of the rights and interests of individuals and legal entities in the field of notaries.

Keywords: notaries, formation of a notary, stages of development of notaries, notarial activity

The author

Dr Tatiana V. Yaroshenko, Associate Prof., Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: t.yaroshenko2011@yandex.ru

Т. Н. Долгих

ПОНЯТИЕ И ТИПОЛОГИЗАЦИЯ ДЕФЕКТОВ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНА

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Поступила в редакцию 26.03.2024 г.

Принята к публикации 10.09.2024 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2024-4-3

25

Для цитирования: Долгих Т. Н. Понятие и типологизация дефектов уголовно-процессуального закона // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2024. №4. С. 25 – 37. doi: 10.5922/vestnikhum-2024-4-3.

Дефекты уголовно-процессуального закона до настоящего времени не были предметом комплексного исследования, анализу подвергались лишь отдельные пробелы, коллизии и недочеты, допущенные законодателем при конструировании уголовно-процессуальной нормы. Цели настоящего исследования – сформулировать на основе комплексного анализа подходов к рассмотрению темы дефектов в праве часть понятийного аппарата, предполагаемого к использованию при формировании концепции установления и преодоления дефектов уголовно-процессуального закона; предложить возможную типологизацию таких дефектов. Помимо общенаучных методов исследования, таких как метод теоретического познания, метод анализа и синтеза, для достижения поставленной цели применялись сравнительно-правовой и формально-юридический методы, а также приемы диалектической логики. На основе системного подхода приведены и проанализированы взгляды на понимание дефектов права и закона, выявлено отсутствие единой методологической основы для определения понятия дефекта закона. Исследование позволило сформулировать критерии для выявления наличия дефекта уголовно-процессуального закона. В ходе изучения точек зрения различных ученых на перспективы развития теории законодательных дефектов и с учетом специфики и самостоятельности функционирования понятийного аппарата уголовно-процессуального закона сформулировано авторское понятие дефектов уголовно-процессуального закона. Проанализированы существующие взгляды на классификацию дефектов закона, обоснована возможность деления таких дефектов на типы, предложен авторский взгляд на такое деление.

Ключевые слова: дефекты права, дефект уголовно-процессуального закона, классификация и типы дефектов, пробелы, коллизии, несогласованность норм, изъяны стилистического и лингвистического характера

Формулирование понятия и выделение типологизации дефектов уголовно-процессуального закона предполагает обращение к такому его свойству, как системность. Еще в 1971 г. О. С. Иоффе, давая характе-



ристику системе права в целом, писал о том, что эта система отличается объективно сложившейся структурой благодаря расчленению юридических норм по отраслям права [14, с. 56–57]. Он также справедливо полагал, что системы права представлены в двух видах: складывающихся объективно и созданные человеком (система, выступающая как результат систематизации человеком) [Там же, с. 49].

Рассмотрим систему уголовно-процессуального законодательства как относящуюся ко второму виду систем, то есть складывающуюся субъективно. Система уголовно-процессуального законодательства, являясь результатом творчества группы людей, будучи апробирована практикой, получая все большее внедрение в науку, освещение в научной литературе, учебниках, пособиях, монографиях, выявляет свои несовершенства и пороки, требующие осмысления и систематизации, а также предложения способов их преодоления и предотвращения.

После такого осмысления и выработки прикладных механизмов борьбы с выявленными дефектами можно говорить о возможной объективизации такой произведенной человеческим разумом системы норм, рождении симбиоза объективного и субъективного начал в системе уголовно-процессуальных норм, позволяющего более эффективно осуществлять задачи защиты прав и интересов участников уголовного судопроизводства, достигать необходимого уровня защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также уровня защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения прав и свобод.

Подчиняться законам системы должны все ее элементы, в том числе результаты дифференциации уголовно-процессуальных форм, то есть «обособленные из системы уголовно-процессуальных норм специальные группы норм, регулирующие необходимые уголовно-процессуальные правоотношения, которые связаны с определенными особенностями уголовного дела либо субъекта, совершившего преступление, с целью формирования новой уголовно-процессуальной формы» [29, с. 17], как, например, институт частного обвинения.

Всякая правовая система не может абсолютно исключать возможности некоторых противоречий, несогласованности норм внутри нее [28, с. 9]. Это возможно в силу того, что право по сути своей субъективно, является результатом деятельности людей, а значит, любой системе присуща некоторая степень рассогласованности.

В качестве таких несогласованностей, пороков выступают дефекты уголовно-процессуального закона, наличие которых снижает его результативность, поэтому исследование этих дефектов будет способствовать повышению эффективности функционирования самой системы уголовного процесса. Возникает необходимость сформулировать их понятие, разделить их на типы.

О.Е. Кутафин писал, что эффективная система законодательства имеет исключительно важное значение для высокого юридического статуса человека, призвана развивать демократию, эффективную и гуманистическую организацию государственной власти, все то, что должно полностью исключить произвол и беззаконие, надежно гарантировать юридическую защищенность личности [22, с. 151–152].



Единая методологическая основа для определения понятия «дефект закона» отсутствует, что обуславливает несистемное, где-то даже произвольное использование этого понятия. Это свидетельствует о необходимости дальнейшего развития теории законодательных дефектов.

В литературе упоминаются такие понятия, как *дефект юридических документов, юридические препятствия* [7], *дефект правовой нормы, фикции и дозволения* [31], *правотворческая ошибка* [4] и др. Дефект в переводе с латинского *defectus* — изъян, недостаток. Разные словари добавляют к этому переводу дополнительные характеристики — порча, повреждение [42, с. 700], недочет [32, с. 163]. Появление понятия «дефект» фактически стало следующим этапом на пути обобщения уже выявленных исследователями различных ошибок, недостатков, несовершенств законов.

Лавинообразный характер нормативных изменений не способствует стабильному правоприменению в условиях противоречивости, непродуманности, несогласованности законодательных новелл. Так, в УПК РФ с 2020 г. изменения внесены 69 федеральными законами, Конституционный суд РФ своими постановлениями 9 раз признавал статьи УПК РФ не соответствующими Конституции РФ. И это только за три года.

Среди причин формирования дефектов закона в литературе выделяются объективные и субъективные [8; 45, с. 9; 12, с. 78; 39, с. 100–101; 27, с. 147]. Действительно, возникновение дефектов уголовно-процессуального закона обусловлено сложностью и многоаспектностью регулируемых им правоотношений, трудностью прогнозирования вектора их развития, отсутствием единых, общих требований к юридической технике, не всегда достаточная степень профессионализма субъектов, призванных создавать и применять закон.

Критерием, позволяющим выявить наличие дефекта уголовно-процессуального закона, может стать не только несоответствие этого закона требованиям юридической техники, но и то, что он не способен выполнить те задачи и достичь тех целей, которые ставил законодатель. Качество закона не только определяет его авторитет и уважение к нему, повышает его регулятивный статус, но и вносит стабильность в социальные, экономические отношения, ускоряет темпы общественного развития, научно-технический прогресс. Высокое качество закона обеспечивает его длительное действие, исключает постоянное внесение изменений и дополнений в него, а также максимально отдалает необходимость принятия нового нормативного акта [19, с. 79].

Изучением качества закона, формулированием его признаков занимались (в том числе высказывая суждения о том, что это понятие эксплуатирует в своих решениях Конституционный суд РФ) Г. А. Гаджиев [10], С. В. Поленина [34], В. В. Игнатенко [13, с. 16], Е. В. Сырых [40, с. 10].

Исследованием юридических ошибок в разное время занимались профессор В. М. Баранов [3], Н. А. Власенко [9], В. Н. Кудрявцева [21], В. Н. Карташов [15], Ю. А. Тихомиров [41], А. Б. Лисюткин [25], С. В. Поленина [33; 34], В. В. Лазарева [23], В. М. Серых [37], М. А. Жильцов [12].

В. А. Томин считает, что в узком смысле ошибка в правотворчестве — это неправильные действия нормотворческого органа, совершенные по добросовестному заблуждению, повлекшие неблагоприятные социальные и юридические последствия, а в широком смысле — обусловленный



преднамеренными или непреднамеренными действиями субъекта нормотворчества негативный результат, препятствующий его эффективной работе и принятию высококачественного нормативного акта [43, с. 30]. Выявляя дефекты, содержащиеся в Трудовом кодексе РФ, С. Ю. Головина подчеркивает его недостатки содержательного характера и технического свойства. В своей совокупности автором они определяются как логико-структурные дефекты [11]. В. М. Баранов считает, что дефекты законодательства выступают одной из главных причин правоприменительных ошибок, однако сами они системного научного объяснения еще не получили. Налицо теоретическая и практическая рассогласованность в исследовании (да и в самих процессах) правотворчества и правореализации [2, с. 95–97].

Внесший существенный вклад в развитие теории законодательных дефектов Ю. А. Викулин считает, что они представляют собой положения закона, имеющие методологические, логические, лингвистические изъяны, не соответствующие Конституции РФ, обусловленные неверной законодательной аксиологией, принятые с нарушением правил законодательной техники и (или) с пренебрежением самим законодательным процессом [6, с. 58].

Более лаконичное понятие дефекта законодательства формулирует Г. А. Марзак, считая его несовершенством как содержания, так и формы закона, которое способно повлечь за собой невозможность в полном объеме и должным образом осуществлять правовое регулирование общественных отношений [26, с. 160].

Несмотря на различие приведенных формулировок, они в целом фиксируют то, что термин «дефект» всегда связан с недостатком / несовершенством, чреватым негативными последствиями (совершение юридических ошибок, неправильная оценка сущности дефектной нормы), которые могут повлечь нарушение прав лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства.

Кроме того, данное понятие имеет отрицательную коннотацию и обозначает негативный результат деятельности законодателя, тогда как юридическая ошибка может обозначать и результат, и процесс деятельности по принятию или применению закона с нарушением определенных методик и правил.

Ю. А. Викулин предлагает следующую структуру законодательного дефекта:

– онтология (изучение природы, сущности, принципов возникновения, функционирования и разграничения законодательных дефектов, закона и права);

– гносеология (исследование теории и методологии познания дефектов законодательства);

– аксиология (изучение ценностных установок, лежащих в основе дефектов законодательства, ценностей, которые обеспечиваются их наличием и ценности, и оценки самих дефектов);

– антропология (исследование места и роли человека и групп людей в появлении и функционировании дефектов законодательства, отношения к ним людей, способности людей создавать дефекты, воспринимать их содержание и устранять их);



– логика (изучение форм, методов и закономерностей возникновения и функционирования дефектов законодательства как результата интеллектуальной деятельности);

– герменевтика (постижение на теоретическом уровне, уяснение и истолкование смыслов, содержащихся в разнообразных дефектах законодательства, и их интерпретация) [6, с. 39–40].

При исследовании законодательных ошибок задача ученых состоит в выработке средств их предотвращения, а при изучении дефектов законодательства – в отыскании путей исправления негативного последствия и (или) минимизации его влияния на эффективность правоприменительной деятельности.

Помимо общеправовой категории (дефект права) и одной из его разновидностей (дефект закона) можно выделить понятие «дефект уголовно-процессуального закона».

Уголовно-процессуальный закон имеет свою специфику, собственные признаки, собственный предмет регулирования, что необходимо учитывать при выявлении дефектов его функционирования.

Понятие права и закона не являются тождественными. Придерживаясь этого утверждения, М. В. Молодцов писал о том, что закон не является единственно возможной формой проявления права. Такие рассуждения приведут к тому, что без анализа останутся другие формы проявления права – разъяснения, сформулированные Пленумом Верховного суда РФ, нормы общественных организаций в отношении своей деятельности, деловые обычаи и др. [30, с. 137].

Не стоит умалять и значение собственного понятийного аппарата, используемого уголовно-процессуальным законом. Самостоятельность функционирования понятийного аппарата уголовно-процессуального закона обусловила необходимость определения используемых законодателем понятий, что привело к появлению ст. 5 УПК РФ. Однако этот перечень не является исчерпывающим, что вынуждает правоприменителя самостоятельно толковать понятия, определение которых в указанной статье отсутствует.

Таким образом, понятие дефекта уголовно-процессуального закона в настоящее время не сформулировано. Дефект уголовно-процессуального закона является отраслевой разновидностью дефектов права в целом. Дефект уголовно-процессуального закона влияет прежде всего на правильность и единообразие применения закона, снижает уровень защищенности прав, свобод и законных интересов участников уголовного судопроизводства, ставит под угрозу весь механизм защиты личности в уголовном судопроизводстве необоснованно расширяя для правоприменителя границы усмотрения.

Конституционный суд РФ неоднократно указывал, что неопределенность содержания законодательного регулирования допускает возможность неограниченного усмотрения в процессе правоприменения и ведет к произволу, а значит – к нарушению принципов равенства и верховенства закона. Приведенная правовая позиция имеет общее значение для всех сфер законодательного регулирования [36].

Более того, соблюдение принципа юридического равенства может быть обеспечено лишь при условии единообразного применения пра-



вовых норм, что, в свою очередь, становится возможным только при наличии их формальной определенности, точности, ясности, недвусмысленности и согласованности в системе действующего правового регулирования [35].

Считаем, что, определяя понятие дефекта уголовно-процессуального закона, следует исходить из того, что им должен охватываться не каждый недочет, а только значимые недостатки формы и структуры уголовно-процессуального закона, поскольку мелкие недостатки, например опечатки, допущенные в законе, или ошибки грамматического толка, не способны привести к снижению эффективности защиты прав участников уголовно-процессуальных отношений.

30

Можно сформулировать понятие дефекта уголовно-процессуального закона. Это такой недостаток формы и (или) содержания уголовно-процессуального закона, который появился в результате правотворческой деятельности законодателя и препятствует правильному и единообразному применению этого закона, влечет снижение эффективности деятельности правоприменителя и уровня защищенности прав, свобод и законных интересов участников уголовного судопроизводства, необоснованно расширяет границы усмотрения для правоприменителя.

Используя в определении понятие «недостаток», мы исходим из его понимания в широком смысле как несовершенства, порока, изъяна [32; 42], а не только из количественной характеристики — как нехватки чего-либо. Считаем, что понятие «недостаток» включает в себя не только то, чего недостает уголовно-процессуальному закону, но и лишние элементы, мешающие его однозначному толкованию и безупречному применению.

Универсальные и обязательные признаки дефекта законодательства, которые отличают его от похожих правовых феноменов, — это социальная вредность дефекта и, как следствие, снижение эффективности правоприменительной деятельности и уровня защищенности прав, свобод и законных интересов участников уголовно-процессуальных правоотношений.

Учет указанных особенностей необходим при формулировании уголовно-процессуальных норм, в противном случае есть риск появления дефектов уголовно-процессуального закона, а значит, неспособности такой нормы соответствовать назначению уголовного судопроизводства.

На сегодняшний момент юридической наукой выработаны разнообразные классификации правотворческих ошибок. Исходя из их содержания, выделяют концептуальные, юридические, логические, грамматические ошибки, по характеру и степени общественной опасности — значительные (охватывающие большой перечень видов отношений, насчитывающие несколько последствий, причиняющие существенный размер вреда) и малозначительные.

Как следует из изученной нами литературы, используются разнообразные термины (например, «спорные и бесспорные ошибки» и др.). В настоящее время, как справедливо отмечает И. П. Кожокар, в теоретико-правовой доктрине классификация нормотворческих дефектов формируется стихийно, несколько беспорядочно «смешиваются» дихотомии и классификации по видообразующим признакам, классици-



кационные ряды и демонстрирующие их примеры, а также классификации дефектов разных нормативно-правовых явлений (норм права, нормативно-правовых актов, системы права, системы законодательства) [17; 18].

Н. А. Власенко, используя критерии природы возникновения характерных особенностей и негативного значения, которое дефекты системы права оказывают на юридическое регулирование, выделяет следующие дефекты: а) антиномия (противоречия) права; б) излишнее дублирование; в) пробелы; г) нерациональная расположенность норм; д) несовершенство юридических конструкций [8, с. 22]. С. Ю. Головина выявляет пробелы, противоречия, дублирование и чисто технические ошибки, относя их к логико-структурным дефектам [11]. В. М. Баранов и В. М. Сырых ошибки разделяют на три больших типа – юридические, логические и грамматические. При этом в качестве критерия разделения они используют виды нарушенных правил и требований [5, с. 389–395].

Можно встретить и мнение, что в правотворчестве имеют место аксиологические и гносеологические ошибки [1, с. 311], концептуальные ошибки [5, с. 385], доктринальные дефекты права [12, с. 82].

Г. А. Марзак и Д. А. Мачинская выделяют две группы законодательных дефектов:

– полное или частичное отсутствие норм права, регулирующих общественные отношения, находящиеся в сфере правового регулирования (пробелы в законодательстве);

– несовершенство содержания и формы законодательства, выраженное в неточности определений и понятий, закрепленных в нормативных правовых актах; нарушении требований юридической техники; противоречиях (коллизиях) правовых норм; наличии норм, не действующих вследствие отсутствия механизма их реализации; чрезмерном дублировании определенных предписаний (правил поведения) в нормативных правовых актах различной юридической силы и т. д. [27, с. 146].

С учетом изложенного можно констатировать, что сформирован определенный опыт классификации, разделения на группы выявляемых недостатков различных нормативных актов без привязывания их к конкретным отраслевым принадлежностям, однако, исходя из имеющегося разнообразия таких классификаций, именно их деление по конкретным индивидуальным признакам вызывает трудности.

И. П. Кожокар все технико-юридические дефекты делит по детерминации (вызванные внешними неюридическими факторами и имеющие собственную юридическую природу), по связи с волей субъектов права (объективные и субъективные), по временной определенности (устойчивые и неустойчивые), по состоянию обнаружения (явные и скрытые), по моменту возникновения (первоначальные и последующие), по интенсивности возрастания (прогрессивные и регрессивные). По видообразующему признаку технико-юридические дефекты классифицируются в зависимости от нарушаемого правила юридической техники, соответственно количество и перечни таких дефектов зависят от количества и наименований выделяемых в науке нормотворческих правил [19, с. 135]. Классификации могут быть различными в зависимости от целей и задач, которые они призваны помочь разрешить.



Классифицируют дефекты и по отраслям законодательства для определения места их сосредоточения. По этому вопросу также нет единства подходов. М. А. Жильцов при изучении дефектов трудового права формирует из них три группы — системные, логико-структурные, лингвистические [12, с. 83].

Исходя из специфики уголовного законодательства, М. А. Кауфман рассуждает о возможности выделения пробелов (недооценка или полное игнорирование степени общественной опасности деяния, подлежащего уголовно-правовому запрету, и необоснованное исключение общественно опасного деяния из числа противоправных), избыточности правового регулирования (установление уголовно-правового запрета в отношении деяния, не обладающего достаточно высокой степенью общественной опасности), нарушений правил законодательной техники или условий обеспечения системности уголовного законодательства [16].

О. А. Лейба предлагает деление дефектов уголовно-процессуального законодательства на две группы — системно-структурные и логико-лингвистические [24, с. 18–19]. В первую включены пробелы, коллизии, лишние структурные элементы, излишнее дублирование, нерациональное размещение юридических норм в системе источников уголовно-процессуального права или в пределах структуры одного из источников. Логико-лингвистические дефекты разделены на дефекты терминологии и понятийно-категориального аппарата, алогизмы, лингвистические дефекты.

Н. И. Хлуденева выделяет дефекты системы экологического права (дефекты эколого-правовых норм, институтов экологического права) и дефекты системы экологического законодательства (дефекты нормативных правовых актов, регламентирующих экологические отношения) [44].

Конституционный суд РФ по итогам обобщения практики вынесения решений в 2013–2015 гг. констатировал, что все нормотворческие дефекты можно поделить на:

– пробельность регулирования (формальное отсутствие регулирования общественных отношений, нуждающихся в этом с точки зрения требований защиты конституционных ценностей и реализации конституционных принципов, включая неурегулированность отдельных материальных либо процедурных компонентов в структуре моделируемого нормой правоотношения, либо фактическое отсутствие должного, то есть обеспечивающего эффективное нормативное упорядочение соответствующих отношений, регулирования);

– неопределенность регулирования (такие недостатки нормотворчества, как размытость терминологии, нечеткость правореализационных механизмов, неточность терминов, дефекты темпоральности, нарушающие принципы действия правовых норм во времени (например, введение правоограничительных мер без установления срока их действия либо бессрочно));

– несогласованность регулирования (иные вызванные недостаточной юридико-технической проработкой дефекты нормотворчества, не относящиеся к первым двум группам и порождающие противоречия между нормами одной отрасли (внутренняя несогласованность) либо между нормами, принадлежащими к разным отраслям (внешняя несо-



гласованность)). Одним из наиболее частых примеров несогласованности регулирования является закрепление в законодательстве произвольных критериев дифференциации, влекущих необоснованные различия в правовом статусе принадлежащих к одной и той же категории субъектов и сообщающих нормативному регулированию признаки дискриминационности, а также конфликт между нормами, принадлежащими к различным отраслям права [20].

Также Конституционным судом были выделены дефекты нормотворчества: логическая непоследовательность структуры законодательных актов, затрудняющая их системное толкование; отсутствие системности регулирования, которое проявляется в несогласованности законодательных массивов, принадлежащих различным отраслям права, но регулирующих одни и те же объекты; взаимная противоречивость нормативных конструкций и др.

Таким образом ни на практике, ни в теории не предложена одна общая и наиболее емкая классификация (существуют и не приведенные нами иные группы и классификационные подходы к систематизации правовых дефектов).

Предлагая свое видение дефектов уголовно-процессуального закона, мы исходим из разницы понятий «классификация» и «типологизация». Предпочтение отдается последней, что позволяет более точно и одновременно полно выделить основания для такого деления, используя родовые признаки дефектов, что позволит раскрыть их сущность, а не строить разделение лишь на их форме.

Хотя в одних исследованиях типология полностью заменяет классификацию, в других — используется как синоним, в третьих используется для более глубокого деления исследуемого объекта на части, мы исходим из того, что, несмотря на то что это очень близкие понятия и их разделение носит весьма условный характер, типологизация учитывает несколько признаков, раскрывающих сущность явления, и является более подходящей для использования.

Типология и классификация, как справедливо рассуждает Ю.С. Сиенко, являются различными методами систематизации научного знания. Они строятся на основании сходных приемов деления содержания понятия. Основное различие выражено в основаниях (критериях) этого деления. В качестве критериев классификации используется либо единственный видовой признак, либо их совокупность, не раскрывающая сущность объекта. Критериями типологии являются не видовые признаки, отражающие поверхностную сторону явления, а родовые признаки, раскрывающие его сущность [38, с. 11].

Таким образом, преследуя цель раскрыть сущность дефектов уголовного процесса, а не обратить внимание на видовые признаки, а также учитывая необходимость системного и глубокого анализа дефектов уголовно-процессуального закона, полагаем возможным деление их на два типа.

Первый тип охватывает системные дефекты, возникающие при нарушении связей между различными нормами уголовно-процессуального закона, а также пробелы в уголовно-процессуальном законе и выделяется нами отдельно, поскольку имеются некоторые противоречия между нормами или не регулируемые нормой правоотношения.



Второй тип объединяет в себе все несовершенства юридической техники — конструктивные и контекстуальные дефекты.

Конструктивные дефекты уголовно-процессуального закона — это нарушение внешней стороны, оболочки нормы, коллизии, несогласованность норм, ошибка в выборе понятийных рядов, например «защитник — представитель — адвокат».

Контекстуальные дефекты уголовно-процессуального закона связаны со смысловыми изъянами нормы, которые разрушают внутреннюю логическую структуру нормы, являются изъянами стилистического и лингвистического характера (в том числе синонимия, полисемия, тавтология, юридические профессионализмы, правовые противоречия).

В основу такой типологизации положена та ткань нормы, на поражение которой претендует тот или иной ее недостаток или отсутствие такой нормы.

Подводя итог изложенным рассуждениям, возможно сделать следующие выводы. Любая система права в силу своей субъективности имеет свои несогласованности, не лишены пороков и нормы уголовно-процессуального закона, которые, будучи дефектами, нуждаются в формулировании их понятия, выявлении признаков и их типологизации. Это будет способствовать повышению эффективности функционирования самой системы уголовного процесса, что приобретает особенную актуальность в отсутствие единой теории правовых дефектов.

Общие причины возникновения дефектов права присущи и дефектам уголовно-процессуального закона, будучи обусловлены сложностью и многоаспектностью регулируемых им правоотношений, трудностью прогнозирования вектора их развития, отсутствием единых требований к юридической технике, не всегда достаточной степенью профессионализма субъектов, призванных создавать и применять закон.

Определяя понятие «дефект закона», следует исходить из того, что это более узкое понятие, чем «юридическая ошибка» и «дефект права» и при его исследовании задачами являются отыскание путей исправления дефектов, снижения влияния на эффективность деятельности правоприменителя, в то время как исследование законодательных ошибок в качестве результата может предложить способы и средства их предотвращения.

Дефект уголовно-процессуального закона является отраслевой разновидностью дефектов права в целом. Формулируя понятие дефекта уголовно-процессуального закона, следует исходить из того, что он негативно влияет на возможность лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства, реализовывать свои права и препятствует одинаковому пониманию духа уголовно-процессуального закона.

Список литературы

1. *Бабенко А. Н.* Аксиологические причины правотворческих ошибок // Правотворческие ошибки: понятие, виды, практика и техника устранения в постсоветских государствах : матер. междунар. науч.- практ. круглого стола (29–30 мая 2008 года) / под ред. В. М. Баранова, И. М. Мацкевича. М., 2009. С. 304–313.



2. Баранов В. М. Признаки ошибочности концепции законопроекта // Правотворческие ошибки: понятие, виды, практика и техника устранения в постсоветских государствах : матер. междунар. науч.- практ. круглого стола (29–30 мая 2008 года) / под ред. В. М. Баранова, И. М. Мацкевича. М., 2009. С. 91–114.

3. Баранов В. М. Техника правотворчества. Природа, основные приемы, значение. М., 2010.

4. Баранов В. М., Пшеничнов М. А. Правотворческие ошибки как фактор дисгармонии правового развития (по материалам Международного научно-практического круглого стола «Правотворческие ошибки: понятие, виды, практика и техника устранения в постсоветских государствах») // Юридическая техника. 2008. №2. С. 170–182.

5. Баранов В. М., Сырых В. М. Законотворческие ошибки: понятие и типология // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование : сб. ст. в 2 т. / под ред. В. М. Баранова. Нижний Новгород, 2001. Т. 1. С. 384–395.

6. Викулин Ю. А. Начала теории законодательных дефектов. М., 2020.

7. Власенко В. Н., Панченко В. Ю., Шушпанов К. С. Теория юридических препятствий: базовый курс : учеб. пособие. М., 2023.

8. Власенко Н. А. Логико-структурные дефекты системы советского права // Правоведение. 1991. №3. С. 21–26.

9. Власенко Н. А. Проблемы точности выражения формы права (лингво-логический анализ) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1997.

10. Гаджиев Г. А. Принцип правовой определенности и роль судов в его обеспечении. Качество законов с российской точки зрения // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. №4. С. 16–28.

11. Головина С. Ю. Дефекты Трудового кодекса РФ и способы их устранения // Научные труды. Российская академия юридических наук. М., 2008. Вып. 8, т. 2. С. 778–784.

12. Жильцов М. А. Дефекты трудового права и способы их преодоления : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2011.

13. Игнатенко В. В. Правовое качество законов об административных правонарушениях: Теоретические и прикладные проблемы : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1999.

14. Иоффе О. С. Понятие и система хозяйственного законодательства // Систематизация хозяйственного законодательства / отв. ред. С. Н. Братусь ; Всесоюз. науч.-исслед. ин-т сов. законодательства. М., 1971. С. 48–86.

15. Карташов В. Н. Теория правовой системы общества : в 2 т. Ярославль, 2006. Т. 2.

16. Кауфман М. А. Правотворческие ошибки в уголовном праве // Журнал российского права. 2016. №9. С. 92–101.

17. Кожокарь И. П. К вопросу об актуальности исследования дефектов на современном этапе развития частного права // Право и экономика. 2018. №12 (370). С. 26–30.

18. Кожокарь И. П. Классификация дефектов механизма гражданско-правового регулирования // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. №3 (110). С. 62–66.

19. Кожокарь И. П. Техничко-юридические дефекты в Российском праве : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2020.



20. Конституционно-правовые аспекты совершенствования нормотворческой деятельности (на основе решений Конституционного суда Российской Федерации 2013–2015 годов) (одобрено решением Конституционного суда РФ от 23 июня 2016 г.). URL: <http://www.ksrf.ru> (дата обращения: 01.06.2024).
21. Кудрявцева В. Н., Нерсесянц В. С., Кудрявцев Ю. В. Социальные отклонения. Введение в общую теорию. М., 1984.
22. Кутафин О. Е. Российский конституционализм. М., 2008.
23. Лазарева В. В. Пробелы в праве и пути их устранения. М., 1974.
24. Лейба О. А. Дефекты уголовного процессуального законодательства и пути их преодоления : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Харьков, 2018.
25. Лисюткин А. Б. Юридическое значение категории «ошибка»: теоретико-методологический аспект. Саратов, 2001.
26. Марзак Г. А. О дефектах законодательства // Глобальный научный потенциал. 2014. №8 (41). С. 159–161.
27. Марзак Г. А., Мачинская Д. А. Проблемы устранения дефектов нормативных правовых актов // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2015. Т. 8, №3. С. 146–151.
28. Миронов Н. В. Международное право: нормы и их юридическая сила. М., 1980.
29. Мищенко Е. В. Проблемы дифференциации и унификации уголовно-процессуальных форм производств по отдельным категориям уголовных дел : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014.
30. Молодцов М. В. Система советского трудового права и система законодательства о труде. М., 1985.
31. Неопределенность права: философское осмысление и юридическое значение / под общ. ред. О. Ю. Рыбакова. М., 2023.
32. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. 4-е изд., доп. М., 2006.
33. Поленина С. В. Законотворчество в Российской Федерации. М., 1996.
34. Поленина С. В. Качество закона и эффективность законодательства. М., 1993.
35. Постановление Конституционного суда РФ от 16 июля 2015 г. №23-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
36. Постановления Конституционного суда РФ от 17 июня 2004 г. №12-П, от 12 мая 2008 г. №8-П, от 13 июля 2010 г. №15-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
37. Серых В. М. Логические основания общей теории права : в 3 т. М., 2004. Т. 2.
38. Синенко Ю. С. Типология государства: сравнительно-правовой анализ : автореф. ... дис. канд. юрид. наук. М., 2007.
39. Соколова М. А. Выявление и устранение дефектов нормативных правовых актов в механизме правотворчества : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018.
40. Сырых Е. В. Общие критерии качества закона : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001.
41. Тихомиров Ю. А. Теория закона. М., 1982.
42. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / сост. Г. О. Винокур, Б. А. Ларин, С. И. Ожегов, Б. В. Томашевский, Д. Н. Ушаков ; под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935. Т. 1 : А – Кюрины.
43. Томин В. А. Юридическая техника : учеб. пособие. СПб., 2015.



44. Хлуденева Н.И. Дефекты в экологическом праве: понятие и виды // Журнал российского права. 2014. №11. С. 85 – 95.

45. Цыбуляк С.И. Дефекты конституционно-правового регулирования избирательных отношений в Российской Федерации : автореф... дис. канд. юрид. наук. Тюмень, 2010.

Об авторе

Татьяна Николаевна Долгих – канд. юрид. наук, судья, Калининградский областной суд; доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: boldinavn@mail.ru

T. N. Dolgikh

THE CONCEPT AND TYPOLOGISATION OF DEFECTS IN THE CRIMINAL PROCEDURE LAW

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 26 March 2024

Accepted 10 September 2024

doi: 10.5922/vestnikhum-2024-4-3

To cite this article: Dolgikh T. N., 2024, The concept and typologisation of defects in the criminal procedure law, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №4. P. 25 – 37. doi: 10.5922/vestnikhum-2024-4-3.

In the article, in the context of a systematic approach, views on the understanding of defects in law and the law are presented and analyzed, and the lack of a unified methodological basis for defining the concept of a defect in law is revealed. The criteria are formulated to identify the presence of a defect in the criminal procedure law. After studying the various views of scientists on the prospects for the development of the theory of legislative defects, taking into account the specifics and independence of the functioning of the conceptual apparatus of the criminal procedure law, the author's concept of defects of the criminal procedure law is formulated. The existing views on the classification of defects of the law are presented, the possibility of dividing such defects into types is justified, bringing the author's view of such a division.

Keywords: defects of law, defect of the criminal procedure law, classification and types of defects, gaps, collisions, inconsistency of norms, flaws of a stylistic and linguistic nature

The author

Dr Tatyana N. Dolgikh, Judge, Kaliningrad Regional Court; Associate Prof., Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

E-mail: boldinavn@mail.ru

И. В. Федосов

**ОТ ПАНИСЛАМИЗМА К ПАНТЮРКИЗМУ:
СМЕНА ПАРАДИГМЫ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ
ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

38

Северо-Западный институт управления РАНХиГС, Санкт-Петербург, Россия
Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия

Поступила в редакцию 02.11.2023 г.

Принята к публикации 04.09.2024 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2024-4-4

Для цитирования: Федосов И. В. От панисламизма к пантюркизму: смена парадигмы политико-правового развития Османской империи в конце XIX – начале XX века // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2024. №4. С. 38–51. doi: 10.5922/vestnikhum-2024-4-4.

Рассмотрен качественный переход от политико-правовой доктрины османизма к доктрине пантюркизма, происходивший в позднеосманском обществе конца XIX – начала XX века. Освещены проблемы государственно-правового строительства при трансформации государственного образования домодерного типа в модерное государство. Цель статьи состоит в исследовании трансформации господствующих политико-правовых парадигм, идеологий и дискурсов в позднеосманском обществе от начала эпохи Танзимата и вплоть до завершения существования Османской империи. Методологическую основу исследования составляют общенаучные методы познания в совокупности с частнонаучными методами, выработанными юридической и исторической наукой (формально-юридический, сравнительно-правовой, исторический, системный метод, метод анализа и синтеза, метод юридической интерпретации). С опорой на историко-правовой материал по соответствующей тематике автор прослеживает не только процесс смены господствующего положения доктрины османизма в кругах османских интеллектуалов, но также переход на позиции симпатий к идеям тюркизма со стороны части позднеосманских властных элит. Охарактеризованы предпосылки этого перехода. Также освещен вопрос влияния политико-правовых доктрин османизма, панисламизма и пантюркизма не только на позднеосманское общество, но также на современный турецкий социум, зародившийся после кемалистских реформ и основания Республики.

Ключевые слова: османизм, пантюркизм, мусульманское право, исламская правовая система, Османская империя, тюркизм, пантуранизм



Оттоманская Порта, огромное полиэтническое государственное образование, простиравшееся от Балкан до Персидского залива и от Черного моря до Хиджаза, была эталонной страной «старого», домодерного типа. Она создавалась силой оружия и силой оружия поддерживалась: почти не прекращавшиеся походы, главным образом завоевательные, были двигателем и военно-политической машины османской державы [1, с. 312], и — отчасти — ее экономики. Потери султанского войска восполнялись пленными солдатами армий противника (система пенджик), а покоренные народы обладавались налогами, в том числе «налогом кровью» (система девширме), по которому лучшая часть молодых людей мужского пола отрывалась от своих семей, родных народов и религии, отдавалась на государственную (административную и военную) службу, таким образом пополняя собой ряды доминирующей этнокультурной группы — турок-мусульман [14, с. 447].

Завоеванные земли делились султанскими чиновниками на тимары — земельные участки, отдававшиеся в условное ленное владение воинам и придворным (тимариотам); со временем тимарная система трансформировалась в систему чифтлик, однако сам земельный фонд, предназначенный для пожалований тем, кто служил султанской власти, пополнялся главным образом из вновь завоеванных территорий. Поток новых земель, рабочей силы из покоренных народов (райя) и потенциальных кандидатов на военно-административные должности становился тем слабее, чем реже османы добивались победы на поле боя. Рубежом начала заката военной силы султанского войска принято считать 1699 г., когда Османская империя подписала Карловицкий мирный договор, по которому лишалась значительной части сравнительно недавно покоренных земель в Центральной и Восточной Европе, отказавшись от Венгрии и Трансильвании в пользу Австрии и от Подолии в пользу Речи Посполитой. Карловицким миром завершилось многовековое продвижение османов в глубь Европы. С этого момента Порта свои территории в Европе только теряла. С началом заката военно-политического могущества в Османской империи постепенно формировались предпосылки нарождающейся экономической стагнации, кризиса землевладения (тимарной системы), а также — хотя и в меньшей степени — системных проблем обновления и пополнения кадров военно-административного корпуса.

Кроме того, Османская империя, будучи классической домодерной империей, была органически чужда нововременным идеям, постепенно набиравшим популярность в публичной сфере Западной и Центральной Европы [17, р. 164] со времен позднего Средневековья и эпохи Возрождения. Концепт западноевропейской современной нации, ставший плодом творческого переосмысления античного наследия мыслителями Ренессанса и Просвещения, османам был не только неизвестен, но и непонятен. Пути развития западноевропейской социально-политической мысли (и общества) пролегли слишком далеко от османских реалий, и если ученые-просветители XVII в. (Монтескье и Вольтер) еще оперировали мыслительными категориями а-ля «просвещенный турок» (на поверку оказывавшимися плодом их собственных ничем не подкрепленных измышлений, поскольку ни один из них в Оттоманской империи не бывал),



то начиная с XVIII столетия интеллектуальные тренды постепенно меняются и уже мало кто продолжает идеализировать «разумное» социально-политическое устройство восточных деспотий, наиболее популярной из которых на слуху у европейцев по-прежнему остается Порта. Романтизированный образ «просвещенного турка» навсегда уходит в прошлое.

Европейская мысль идет дальше, постепенно реанимируя известную еще со времен Античности идею «общего блага», ради которого должно осуществляться публичное управление. Возрождается — пусть и в новом прочтении — древнее понятие публичной власти и вытекающих из нее официальных (и ограниченных законом) полномочий, отправляемых должностными лицами во имя целей общественного развития и благополучия. Публичная власть в общественной сфере отличается и от простого хозяйственного господства над вещью (по римскому праву), и от деспотического военно-политического доминирования. Идея публичной власти во имя общего блага активно применялась с античных времен вплоть до 1453 г. в Восточной Римской империи (Византии), о чем свидетельствуют дошедшие до нас источники последних дней осады Константинополя [2, с. 94], однако после захвата турками ромейских земель политико-правовое наследие Рима оказалось либо забыто, либо искажено в новых специфических условиях. Сама мысль об «управлении с согласия управляемых», являющаяся одним из органических столпов идеи западноевропейской современной нации, была чужда османским политико-правовым реалиям, где господствовала совсем иная система смыслов и понятий. Таким образом, если на Западе со времени рубежа позднего Средневековья и раннего Нового времени сильные мира сего — короли и крупнейшие феодалы — постепенно, пользуясь услугами придворных интеллектуалов и прочих мыслителей, вырабатывали новые политико-правовые доктрины, объяснявшие их место в обществе и обосновывавшие их притязания на верховную власть, то в Османской империи идейный арсенал не пополнялся, причем, как казалось падишахам и султанским наместникам, в этом не было нужды [7, с. 544]. Если европейские власть предержащие в течение XVII—XVIII вв. вынуждены были приспособляться к новым интеллектуальным веяниям и запросам времени, пытаясь обосновать свою власть с точки зрения терминологии и системы идей модерна, меняя традиционно-монархическую риторику (легитимация посредством божественного соизволения) на плебисцитарно-демократическую терминологию¹ (правления по воле нации и именем ее), то на землях, подвластных Порте, модерн не наступал.

Произрастая в принципиально ином социально-политическом и религиозном климате, идеи западноевропейской современной нации начиная с 1789 г., когда во Франции произошла революция, уничтожившая *Ancien Régime*, весь XIX век завоевывали все большее пространство в мире идей. Постепенно мысль о том, что монарх (или любое иное лицо, оли-

¹ Новаторски-оригинально поступил Наполеон Бонапарт, первым из европейских правителей после своей коронации в 1804 г. объявивший себя императором «Божьей милостью и милостью французской нации», тем самым объединив, казалось бы, две противоположных теории легитимации публичной власти одновременно.



цветворяющее публичную власть) правит не по милости Бога, а волею ему же подвластных подданных, становилась сравнительно привычной и даже будничной для бытового сознания все более широких слоев населения. С течением времени носителем суверенитета в глазах людей перестает быть сам Бог, октроировавший право распоряжения этим суверенитетом монарху. В системе идейно-политических и ценностных координат место Бога и монарха начинает занимать коллективный субъект — носитель суверенитета, политическая нация. Однако все это происходит в государствах Западной и Центральной Европы, сравнительно небольших по размеру, а также испытывавших на себе серьезные социально-экономические и, как следствие, идейно-политические изменения в обществе.

Оттоманская Порта находится в стороне от описанных выше процессов: ни устройство общества, ни экономические отношения, ни политико-правовая модель управления подвластным населением не способствуют формированию уникального османского концепта политической нации [19, р. 32] в противовес идеям Западной Европы. Тому есть несколько объяснений.

Первым по значимости, на наш взгляд, является конфессиональный фактор. Ислам на заре своего существования был весьма агрессивной религией завоевателей, социальный пафос которой, помимо прочего, был направлен на идею полного военно-политического доминирования мусульман в жизни общества [6, с. 40]. Кроме того, сама религиозная догматика ислама не различает религиозное и светское пространство — в отличие, например, от христианства с его догматом: «Воздайте кесарю кесарево, а Богу Богово» (Мф. 22: 21). Таким образом, ислам представляет собой не просто религию, но комплексную этическую, вероучительную, социальную и политическую доктрину, рассчитанную на регулирование всех сфер жизни общества (с точки зрения человека VII в.). Религиозная догматика ислама проста, понятна и легко воспринимается людьми почти любых социальных страт. К тому же, первые десятилетия и века проникновение ислама за пределы Хиджаза сопровождалось в большей степени не мирным прозелитизмом, но агрессивным распространением новой религии силой оружия: арабы-кочевники завоевывали территории и устанавливали на них свое военно-политическое господство, будучи поначалу явным меньшинством среди огромной массы покоренных иноверцев; впоследствии автохтоны во множестве принимали ислам — отчасти в силу преследования эвдемонистических интересов (уменьшить налоговый гнет, поскольку немусульмане платят гораздо больше налогов, чем последователи ислама), отчасти из стремления приобщиться к престижу доминирующих завоевателей. Первоначальные военные успехи арабских завоевателей, дошедших на Западе до южных областей Франции, а на Востоке до границ Китая, вкупе с религиозным пафосом проповедей сформировали у самих мусульман уверенность в собственной исключительности и богоизбранности. Со временем эта специфическая черта исламской психологии превратилась в характерное высокомерие [3, с. 89], вынуждавшее большинство мусульман смотреть на иноверцев — в том числе и христиан, причем не только покоренных восточных, но и



западноевропейских, — с нескрываемым презрением и непоколебимой уверенностью в полном превосходстве исламского мира над «неверными», в частности с точки зрения интеллектуального багажа.

Турки-османы, приняв ислам, постепенно брали под свой контроль ромейские¹ территории в Малой Азии и Европе и вели себя схожим с арабами образом: заимствуя у высокоразвитых культур полезное, они тем не менее не испытывали особенного пиетета перед завоеванными обществами [20, р. 112]. Подобная модель поведения сохранялась на протяжении столетий вплоть до эпохи заката военно-политического могущества Порты и несмелых попыток первых османских реформаторов в конце XVIII — начале XIX в. (например, султана Селима III) заимствовать у «гяуров», как мусульмане называли иноверцев, передовые технические, а впоследствии и гуманитарные разработки.

Во-вторых, само исламское право и мусульманская социально-нормативная культура формируют у своих носителей своеобразный взгляд на устройство общества, свойственный домодерному мышлению религиозного универсализма, но плохо сочетающийся с западноевропейскими нововременными идеями: суверенитет нации в рамках границ современного национального государства, секуляризм в публичном пространстве, эксклюзивная патриотическая преданность нации и национальному государству, а не универсалистской наднациональной религиозной идее (в любой ее вариации). Политическая лояльность человека, исповедующего ислам, — в теории — должна принадлежать умме — религиозной общине, охватывающей мусульман всего мира [18, р. 37] и не ограниченной какими-либо границами или барьерами — государственными, географическими, социальными.

В условиях Османской империи ситуация несколько облегчалась тем, что с середины XVI в., когда султан Селим I Явуз захватил Египет и сместил последнего фатимидского халифа, религиозным главой всех мусульман-суннитов стал... он сам, османский падишах [5, с. 50]. То есть подданные султана мусульманского вероисповедания на протяжении последующих веков (вплоть до 1924 г., когда халифат был официально упразднен Мустафой Кемалем, вошедшим в историю под фамилией Ататюрк) одновременно с сугубо политической лояльностью Порте выражали также и свою религиозную преданность, делая это по отношению к одному и то же лицу — правителю Османской империи, поскольку он сочетал в себе достоинство светского правителя (султан) и авторитет духовной власти (халиф). Однако данный факт тем более не способствовал выработке на территории Оттоманской Порты собственной концепции, хотя бы отдаленно напоминавшей идею современной нации — носителя суверенитета. Публичная власть в Османской державе по-прежнему осмыслялась, объяснялась и легитимировалась посредством традиционно-монархической — при этом своей собственной, исламской — терминологии. В ином символическом поле власть султана — равно как и духовный авторитет халифа — существовать просто не могли.

В-третьих, система миллетов — самоуправляющихся религиозных общин, введенных еще при султанине Мехмеде II Фатихе [8, с. 436], — дели-

¹ Земли Восточной Римской (Византийской) империи — Рومании.



ла османское общество на сегменты, взаимодействовавшие между собой, однако слишком слабо связанные, чтобы создать перспективу формирования того, что на Западе называли *нацией*. Миллеты больше взаимодействовали с султанским дворцом, чем друг с другом. Более того: само межмиллетное взаимодействие не было концептуально обязательным для политико-правового устройства Порты, чей идейно-политический и юридический фундамент базировался на исламе. Мусульманское право изначально исходит из неравенства личного статуса последователей различных религий, и, как следствие, разные миллеты наделялись различным групповым правовым статусом. Таким образом, каждый отдельный подданный султана обладал личным юридическим статусом, напрямую вытекавшим из группового правового статуса того миллета, к которому он принадлежал в силу своего вероисповедания. Если западноевропейская концепция гражданской нации, завоевавшая господствующее положение после 1789 г., одним из своих конституирующих элементов считает догмат о правовом равенстве членов гражданской нации, то исламское право, регламентирующее юридический статус иноверцев в мусульманском государстве, и миллетная система Османской империи сущностно этому догмату противоречили [13, с. 93]. Именно поэтому идея создания единой «османской нации», все XIX столетие постепенно созревшая в головах реформаторов эпохи Танзимата, встречала на своем пути не только бытовое неприятие и непонимание населения (как исламского, так и немусульманского), но и фундаментальные препятствия концептуального свойства.

Западноевропейские теоретики нациестроительства изначально значительное внимание уделяли культурному единообразию членов гражданской нации: чем выше уровень культурного единообразия, тем крепче и надежнее монолит гражданской нации, отдельные члены которой объединены не только формальной правовой (вертикальной) связью с государством, но также взаимосвязаны друг с другом горизонтальной связью единого культурного стандарта — одинаковыми представлениями о добре, зле и справедливости. Именно поэтому культурное единообразие для гражданской нации западноевропейского типа критически важно. Единый культурный стандарт, созданный на основе этнокультурного ядра, формирует внутреннее единство и спаянность нации, обеспечивая ее устойчивость перед внешними деструктивными факторами и, следовательно, выживаемость.

В Европе с течением веков создавались институты, прививавшие разнородному населению единые культурные стандарты и создававшие единообразную гражданскую идентичность. Важнейшими из них являлись (и являются) призывная армия с всеобщей воинской повинностью и обязательное начальное образование для всех, выполняющее функции просвещения и привития соответствующих гражданских ценностей, культурных стандартов и разработки стандартизированного языка коммуникации. Школа и армия делают из горожан и крестьян, обладающих узколокальной (местечковой) идентичностью и разговаривающих на различных диалектах (а часто и разных языках), сравнительно однородных граждан — членов гражданской нации и носителей одинаковой системы ценностей и смыслов. Это и есть культурный стандарт.



В Османской империи, как упоминалось ранее, социальная ситуация была качественно иной. Предпосылок для формирования гражданской нации, подобных западноевропейским, не было и не могло быть [12, с. 471]. В середине XIX в. реформаторы-танзиматисты встали перед выбором: создать нечто похожее на гражданскую нацию на основе глубоко мусульманского населения Порты или... попытаться сформировать синтетическую внеконфессиональную и надмиллетную идентичность для всех жителей империи. Первый гипотетический сценарий развития событий уже был занят условными консерваторами-исламистами, по сути, опиравшимися на старую модель миллетной системы с незначительными «косметическими» доработками в духе времени. По этой причине реформаторы эпохи Танзимата избрали второй путь. Так появились две концепции «гражданского нациестроительства»: доктрина слияния и логически развивавшая ее доктрина османизма, о которых — в силу идейной схожести — допустимо говорить как о едином явлении.

Доктрина османизма, используя в своем идейно-политическом лексиконе такие термины, как «османская родина» [4, с. 124], «османский язык», «османцы» (для обозначения подданных султана), была логически противоречивой уже потому, что пыталась примерить два взаимоисключающих подхода к определению личного статуса подданного: исламско-миллетный (отрицание правового эгалитаризма и сущностное различие людей по вероисповедному признаку) и западноевропейский (юридическое равенство вне зависимости от конфессии и единый культурный стандарт гражданской нации). Венцом попыток воплощения в жизнь идей танзиматистов стала Конституция Оттоманской Порты 1876 г., где концепт надэтнического и надконфессионального «османизма» был наконец окончательно утвержден на уровне основного закона империи [9, с. 63]. Однако Конституция 1876 г. действовала недолго, поскольку вступивший на трон султан Абдул-Гамид II приостановил ее действие, в качестве предлога избрав начавшуюся в 1877 г. войну с Россией. Ни доктрину слияния, ни доктрину османизма по-настоящему так и не успели внедрить в социальную жизнь и политико-правовые практики имперского общества Порты. Они остались плодами изящных, но рафинированных теоретических построений немногочисленной прослойки османской высокообразованной элиты, в то время как широкие слои населения продолжали определять себя главным образом посредством конфессиональных категорий, не воспринимая «османскость» как общеимперскую надрелигиозную и надэтническую идентичность [10, с. 85].

Абдул-Гамид II был, пожалуй, последним подлинно самостоятельным падишахом Османской империи, невзирая на свои взгляды, которые многие современники считали ретроградными и неадекватными веяниям времени. Хотя Порта к тому времени уже давно испытывала серьезные экономические трудности, Абдул-Гамид проводил самостоятельный внутри- и (по возможности) внешнеполитический курс, но главной особенностью его внутренней политики было жесткое неприятие идей эпохи Танзимата — попыток конструирования османской гражданской нации на манер западноевропейских держав.

Именно в эпоху правления Абдул-Гаида политико-правовая доктрина исламизма окончательно оформилась и получила поддержку



официальных кругов (в первую очередь самого падишаха) [21, р. 72], впоследствии трансформировавшись в панисламизм. Ислам, не знающий последовательного отделения религии от мирского пространства, стал использоваться официальным Константинополем в качестве эффективного инструмента решения насущных внутриполитических проблем. В контексте пропаганды мусульманского единства во имя сохранения целостности империи была по-новому разработана и активно эксплуатировалась исламская идея о религиозном единении (İttihad-i İslam).

Свою роль в расцвете исламизма сыграли также и военно-политические неудачи: в результате поражения в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Порты потеряла значительную часть своих европейских территорий, населенных преимущественно христианами. Таким образом, демографическая ситуация в империи постепенно начала меняться в пользу мусульманской части населения, что сделало концепцию исламского единения более актуальной, чем идеи османизма [11, с. 141].

В отличие от предыдущего периода, когда образованные круги населения пытались уберечь империю от распада путем создания «синтетической» османской нации, при Абдул-Гамиде II усилия государства сконцентрировались на конструировании «исламской нации». Идеологи нового идейного курса стремились сделать ислам не просто религией, но политической идентичностью, на основе которой подданные-единоверцы могли бы прийти к взаимопониманию. Концепция исламской уммы (общности) предполагает преодоление этнических, расовых и языковых различий во имя всеобщего мусульманского единения, по этой причине исламская лояльность рассматривалась в качестве конкуренции императиву этнической и культурной лояльности, служившему главной предпосылкой к росту сепаратизма окраин и национально-освободительных движений инородцев. Идеологи исламизма надеялись, что население сплотится и «встанет на сторону» ислама, на сторону единоверцев, предотвратив или хотя бы замедлив тем самым процесс угасания Османской империи.

Говоря об исламизме, необходимо вспомнить имена его идеологов, видение идейно-политической концепции которых породило непосредственно политико-правовую доктрину. Одним из ярких представителей исламской политической мысли был подданный иранского шаха Джемаледдин Афгани (1839–1897), переселившийся в Константинополь и распространивший свои идеи среди османских интеллектуалов. По стопам Афгани следовал его ученик Мухаммед Абдо (1849–1905), пытавшийся примирить «классический» интернациональный исламизм с зарождавшимся национализмом.

Таким образом, панисламизм в трактовке султана Абдул-Гаида и его сторонников в среде османской элиты был попыткой своеобразной «реновации» классической идеи исламского религиозного единения без учета этнокультурных различий и границ внутри самой общины мусульман – уммы. В условиях тогдашних социально-политических реалий панисламизм на первый взгляд мог показаться «антикварным политическим оружием» и вообще явлением довольно ретроградным, однако с точки зрения официального Константинополя это был ответ на набиравшие силу и популярность идеологии национализма все еще



подвластных туркам народов, проживавших на территории империи. В условиях формально существовавшей, но временно не действовавшей Конституции 1876 г. с ее танзиматистскими идеями османизма и попытками европеизации политико-правового здания Порты, панисламизм Абдул-Гамида выглядел шагом назад, однако в глазах мусульманских подданных султан будто бы «возвращался к истокам», отчасти используя заимствованные в Европе идеи для создания «нации», но не по принципу крови, земли или культурного родства, а на основе религиозного фундамента. И хотя европейские политико-правовые доктрины современного национализма, заключенного в рамки национальных же границ, были далеки от исламских идей лояльности султану-халифу поверх всяких государственных или географических барьеров, подобное положение дел в Османской империи сохранялось вплоть до младотурецкой революции 1908 г., положившей конец как правлению Абдул-Гамида II, так и целой эпохе в жизни османского общества.

Захватившие власть в результате государственного переворота и смещения с трона султана Абдул-Гамида младотурки, руководящую верхушку которых составлял триумвират из Энвера-паши, Талаата-паши и Джемал-паши, не были едины в своих идеологических предпочтениях, однако все без исключения в целом понимали, что ни старая доктрина османизма в редакции формально восстановленной ими Конституции 1876 г., ни панисламизм Абдул-Гамида не годятся в качестве политико-правовой доктрины, которую новое политическое руководство страны готово будет взять на вооружение. В это время младотурки все чаще обращают взор на идеи пантюркизма (пантуранизма), зародившиеся среди татар соседней Российской империи. Пантуранизмом называется то политическое течение, которое ставит своей целью национальное и государственное объединение туранских народов. Хотя в науке по сей день продолжается дискуссия о правомерности отождествления терминов «пантюркизм» и «пантуранизм», в данной статье мы возьмем на себя смелость употреблять два этих термина как синонимичные в силу их смысловой близости и подчас неразделимости для той эпохи и тех событий, о которых идет речь.

Первоначально пантюркизм оформлялся как идея культурного единения тюркских народов — от Балкан до границ Китая. Однако истоки его лежат в более прозаической плоскости. Пантуранистическое движение на ранней стадии мало чем отличалось от обычного национального движения мелких подвластных народов. Национальное пробуждение российских мусульман началось с противопоставления — в целях самозащиты — своих бытовых и культурных особенностей наступающей культуре господствующей нации (этнокультурной группе русских). И поскольку в то время религиозная составляющая еще преобладала в сознании мусульман, то и тюрко-татарские патриоты начали свою деятельность с выставления лозунга защиты «шариата» и мусульманской религии от опасности, грозившей ей со стороны православия как религии господствующей нации (русских). В этой борьбе взоры образованных руководителей российских мусульман были естественным образом обращены на Константинополь, где восседал религиозный глава всех



правоверных, всемусульманский халиф. Таким образом, на первых порах своего возникновения национальное движение тюрко-татар носило панисламистский характер.

После младотурецкого переворота пришедшая к власти партия «Единение и прогресс» поначалу официально декларировала полную приверженность идеям доктрины османизма, однако довольно скоро практическая несостоятельность попыток «слияния» разных миллетов в подобие единой гражданской нации «османцев» слишком явно дала о себе знать. Все чаще под «слиянием» лидеры младотурок стали понимать ассимиляцию нетюркских и немусульманских элементов, которые, невзирая на территориальные потери Порты по результатам двух Балканских войн, все еще составляли значительный процент от общего населения империи. К тому же миллетная система по-прежнему существовала, оставляя незывлемыми юридические барьеры между представителями «уммета» (мусульманами) и миллетами — неисламскими, в основном христианскими, религиозными общинами.

Одновременно с изменениями на политическом ландшафте меняется и культурный фон, способствовавший популяризации идей пантюркизма и «великого Турана»: некоторые журналисты и литераторы начинают критиковать староосманский язык за недостаточную тюркскость, избыток в нем персизмов, арабизмов и заимствований из греческого. По мнению патриотически настроенных деятелей культуры, язык необходимо было очистить от «чуждого» влияния. И хотя последние годы существования Порты дискуссии в области словесности продолжались, реформа языка была проведена уже в Турецкой Республике, когда почти все османское наследие на официальном уровне было предано если не проклятию, то стыдливому забвению. Призывы к очищению староосманского языка от иностранных грамматических конструкций и лексем стали еще одной ступенью к укреплению в оттоманском обществе идей пантюркизма.

Поворотным моментом, сделавшим пантюркистские идеи не только предметом обсуждения политиков и литераторов, но и достоянием широких слоев общества, стала Первая Балканская война, по результатам которой Османская империя лишилась практически всех своих европейских владений. Сохранившая за собой лишь часть Восточной Фракии со столицей, Константинополем, Порта не только уменьшилась в размерах, но и потеряла значительную часть нетурецкого (и немусульманского) населения [16, р. 68], которое часто поддерживало вовсе не османскую армию и администрацию, а их противников. Потерпев в военном отношении сокрушительное поражение, Порта начала стремительно преобразоваться, и первыми стали меняться интеллектуальный климат и господствующие в обществе идеи. Доктрина османизма наглядно продемонстрировала свою рафинированность и практическую несостоятельность, не только став критикуемой в среде османской элиты, но провалившись в глазах широких слоев населения. Вчерашние подданные Порты — представители подвластных немусульманских народов — предали бывшую «османскую родину», избрав путь независимого национал-строительства [15, р. 34]. Таким образом, концепция османизма — без различий религии, этнического происхождения и принадлежности к



миллету — доказала свою несостоятельность. Это определило дальнейший рост популярности пантуранистских и пантюркистских идей, ставивших во главу угла не концепцию «общей родины», а в первую очередь этнокультурную и генетическую близость тюркских народов.

Пантуранизм, развившийся из просветительской деятельности татарских интеллектуалов Российской империи, не привел к созданию единого политико-культурного пространства — Турана — от Балкан до Китая. Однако из него родился современный турецкий патриотизм, представляющий собой специфическую переходную форму этнического национализма и национализма гражданского. Признав главенствующим турецко-мусульманский этнокультурный субстрат, сначала часть младотурок, а потом и кемалисты создали концепцию турецкой гражданской нации, позаимствовав западноевропейские идеи, но приспособив их к социально-политическим реалиям пост-Османской Турции.

Претерпев качественные изменения этнокультурного состава населения и потеряв значительные территории, поздняя Османская империя если не стала моноэтническим турецким государством, сохранив некоторые нетурецкие меньшинства на своей территории, но принципиально поменяла подход к классификации и управлению собственным населением. Взамен полиэтнической домодерной империи, чье единство зиждилось на политической лояльности центру различных периферий и отдельных сегментов социума, подчас между собою ничем не связанных, появилось хотя и восточное, но современного типа (во всяком случае, стремящееся к «модерну») государство со всеми присущими ему характеристиками. Во-первых, с заменой традиционно-монархического типа легитимации публичной власти (управление с опорой на высшую имманентную сущность) на плебисцитарно-демократический тип (управление именем и с согласия управляемых). Во-вторых, с созданием современной нации западноевропейского типа и провозглашением этой нации единственным правомерным носителем суверенитета в рамках государственных границ. В-третьих, с выработкой этнокультурного стандарта принадлежности к политической нации религиозный фактор (мусульманское вероисповедание), лояльность султанату и халифату (упраздненным с провозглашением республики) уже не играли роли. Имели значение только три фактора: рождение на территории Османской империи или республиканской Турции; принадлежность к турецкому этносу; свободное владение турецким языком как единственным или одним из родных. Иначе говоря, старая Оттоманская Порта переродилась в современное национальное государство турецкой нации, в котором по сей день живы идеи пантюркизма и пантуранизма, а их кемалистская редакция — тюркизм — остается одним из столпов официальной идеологии Турецкой Республики.

Список источников и литературы

1. *Василик В. В.* «Прежде верный, а теперь неверный...»: к социально-психологическому портрету сербской знати XIV – XV вв. // Нобилитет в истории Старой Европы / под ред. С. Е. Федорова, А. Ю. Прокопьева. СПб., 2010. С. 312 – 326.



2. *Византийские историки о падении Константинополя в 1453 году* / под ред. Я. Н. Любарского, Т. И. Соболев. СПб., 2014.
3. *Еремеев Д. Е. Ислам: образ жизни и стиль мышления*. М., 1990.
4. *Желтяков А. Д., Петросян Ю. А. История просвещения в Турции (конец XVIII — начало XX века)*. М., 1965.
5. *Мейер М. С. О соотношении светской и духовной власти в османской политической системе в XVI—XVII вв.* // *Ислам в истории народов Востока* / под ред. И. М. Смилянкой, С. Х. Кямилаева. М., 1981. С. 50—62.
6. *Наумкин В. В. К вопросу о хасса и амма (традиционная концепция «элиты» и «массы» в мусульманстве)* // *Ислам в истории народов Востока* / под ред. И. М. Смилянкой, С. Х. Кямилаева. М., 1981. С. 40—50.
7. *Орешкова С. Ф. Османская имперская государственность и её вассальные территории* // *Государство, общество, международные отношения на мусульманском Востоке (Афганистан, Иран, Пакистан, Турция, этнический Курдистан, соседние мусульманские районы)* / под ред. В. Я. Белокреницкого, Н. Ю. Ульченко. М., 2014. С. 544—550.
8. *Орешкова С. Ф. Османская система религиозных обществ и ее роль в создании имперской структуры и судьбах нетурецких народов империи* // *Россия и исламский мир: историческая ретроспектива и современные тенденции* / под ред. В. Я. Белокреницкого, И. В. Зайцева, Н. Ю. Ульченко. М., 2010. С. 436—446.
9. *Петросян Ю. А. «Новые османы» и борьба за Конституцию 1876 г. в Турции*. М., 1958.
10. *Петросян Ю. А. Турецкая публицистика эпохи реформ в Османской империи (конец XVIII — начало XX в.)*. М., 1985.
11. *Сафрастян Р. А. Доктрина османизма в политической жизни Османской империи (50—70 гг. XIX в.)*. Ереван, 1985.
12. *Тюркер Т. Османская модернизация, ислам, проблема личности и государства* // *Россия и исламский мир: историческая ретроспектива и современные тенденции* / под ред. В. Я. Белокреницкого, И. В. Зайцева, Н. Ю. Ульченко. М., 2010. С. 471—477.
13. *Фадеева И. Л. Концепция власти на Ближнем Востоке: Средневековье и Новое время*. М., 2001.
14. *Шакарян А. Девширме в Османской империи: анализ функций* // *Россия и исламский мир: историческая ретроспектива и современные тенденции* / под ред. В. Я. Белокреницкого, И. В. Зайцева, Н. Ю. Ульченко. М., 2010. С. 447—457.
15. *Ayoub S. Ottoman soldiers in the Arabian Peninsula: Fighting armed rebellion in the sacred Mosque of Mecca in the seventeenth century* // *Turkish Historical Review*. 2018. Vol. 9, №1. P. 18—38.
16. *Blaisdell D. C. European financial control in the Ottoman Empire*. N. Y., 1929.
17. *Crews R. D. For Prophet and Tsar. Islam and empire in Russia and Central Asia*. Cambridge, MA ; L., 2006.
18. *Hamidullah M. The Quranic conception of the state*. Lahore, 1936.
19. *Jackson S. A. Islamic law and the state. The constitutional jurisprudence of Shihab al-Din al-Qarafī*. Leiden ; N. Y. ; Köln, 1996.
20. *Kent M. The Great Powers and the end of the Ottoman Empire*. L., 1996.
21. *Şenişık P. The transformation of Ottoman Crete: Revolts, politics and identity in the late nineteenth century*. L. ; N. Y., 2011.



Об авторе

Иван Вячеславович Федосов — ст. преп., Северо-Западный институт управления РАНХиГС, Санкт-Петербург, Россия; преп., Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: jeanfedossoff@gmail.com

ORCID: 0009-0005-7687-0760

I. V. Fedosov

50

**FROM PAN-ISLAMISM TO PAN-TURKISM:
CHANGING THE PARADIGM OF THE POLITICAL
AND LEGAL DEVELOPMENT OF THE OTTOMAN EMPIRE
IN THE LATE 19th – EARLY 20th CENTURY**

Northwestern Management Institute of the RANEP, Saint-Petersburg, Russia
Higher School of Economics, Saint Petersburg, Russia

Received 2 November 2023

Accepted 4 September 2024

doi: 10.5922/vestnikhum-2024-4-4

To cite this article: Fedosov I. V., 2024, From Pan-Islamism to Pan-Turkism: Changing the paradigm of the political and legal development of the Ottoman Empire in the late 19th – early 20th century, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №4. P. 38 – 51. doi: 10.5922/vestnikhum-2024-4-4.

This article is devoted to the study of the qualitative transition from the political and legal doctrine of Ottomanism to the doctrine of Pan-Turkism, which took place in the late Ottoman society of the late XIX – early XX century. The problems of state-legal construction during the transformation of the state education of the pre-modern type into the modern state are highlighted. The purpose of this article is to explore the path of transformation of the dominant political and legal paradigms, ideologies and discourses in late Ottoman society from the beginning of the Tanzimat era until the end of the Ottoman Empire. The methodological basis of the study is made up of general scientific methods of cognition in combination with specific scientific methods developed by legal and historical science (formal legal, comparative legal, historical, systemic method, method of analysis and synthesis, method of legal interpretation). Based on historical and legal material on relevant topics, the author traces not only the process of changing the dominant position of the doctrine of Ottomanism in the circles of Ottoman intellectuals, but also the transition to a position of sympathy for the ideas of Turkism on the part of some of the late Ottoman power elites. In addition, the author explains the prerequisites for such a transition. The issue of the influence of the change and development of political and legal doctrines of Ottomanism, Pan-Islamism and Pan-Turkism not only on late Ottoman society, but also on modern Turkish society, which arose after the Kemalist reforms and the founding of the Republic, is also covered.

Keywords: Ottomanism, Pan-Turkism, Islamic law, Islamic legal system, Ottoman Empire, Turkism, Pan-Turanism



The author

Ivan V. Fedosov, Senior Lecturer, Northwestern Management Institute of the RANEPА, Saint-Petersburg, Russia; Tutor, Higher School of Economics, Saint Petersburg, Russia.

E-mail: jeanfedosoff@gmail.com

ORCID: 0009-0005-7687-0760

А. А. Ярцев, В. В. Олексин

ИЗ ИСТОРИИ ЛЁБЕНИХТСКОЙ ГИМНАЗИИ В КЁНИГСБЕРГЕ

МАУК «Музей «Фридландские ворота», Калининград, Россия

Поступила в редакцию 05.11.2024 г.

Принята к публикации 20.11.2024 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2024-4-5

Для цитирования: Ярцев А. А., Олексин В. В. Из истории Лёбенихтской гимназии в Кёнигсберге // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2024. №4. С. 52–63. doi: 10.5922/vestnikhum-2024-4-5.

Прослежена история одного из старейших элитных учебных заведений Кёнигсберга – Лёбенихтской реальной гимназии, в которой учились известные в дальнейшем в городе и за его пределами инженеры, банкиры, архитекторы, администраторы. Рассмотрена эволюция статуса гимназии от церковно-приходской школы города Лёбенихта до ведущей реальной гимназии в Восточной Пруссии, в которой получали образование не только местные жители, но и выходцы из других стран, в том числе России. Проанализированы изменения в образовательной программе учебного заведения, организация учебного процесса, качество преподавательского состава. Статья может представлять интерес для исследователей истории Кёнигсберга-Калининграда, истории педагогической науки, в том числе традиций немецкой педагогики.

Ключевые слова: Кёнигсберг, Лёбенихт, Лёбенихтская реальная гимназия, история образования

Тебе, Лёбенихтская школа, хвала,
Тебя никогда не забудем!
Ты столько нам знаний для жизни дала,
Ты, школа, нас вывела в люди! [7, С. 8]

Одно из старейших учебных заведений Кёнигсберга – Лёбенихтская реальная гимназия, уничтоженная налетом британской авиации в ночь на 27 и 30 августа 1944 г. Гимназия вела свою историю от церковно-приходской школы города Лёбенихта. На сегодняшний день в отечественной историографии нет специального исследования ее истории. В зарубежной историографии в трудах Роберта Альбинуса «Лексикон города Кёнигсберга» [8], Людвига Визе «Система среднего образования в Пруссии» [24] и Фрица Гаузе «Кёнигсберг в Пруссии. История одного европейского города» [2] Лёбенихтская гимназия упоминается в числе



прочих учебных заведений. Сохранился труд бывшего директора гимназии первой четверти XIX в. Отто Виттрина «Из прошлого Лёбенихтской реальной гимназии в Кёнигсберге» [25]¹.

Город Лёбенихт возник в 1300 г., однако эту дату следует считать лишь официальной точкой отсчета с момента получения им городских прав и герба — первые поселения тут появились гораздо раньше. Изначально город именовался «Нойштадт», то есть «новый город». Новым он был по отношению к своему соседу Альтштадту — «старому городу», возникшему несколько раньше Лёбенихта. В 1724 г. прусский король Фридрих Вильгельм I объединил Альтштадт, Лёбенихт и Кнайпхоф в один город — Кёнигсберг. С тех пор Лёбенихт стал лишь историческим районом города.

Первое упоминание о церковно-приходской школе Лёбенихта датируется 1441 г. [8, S. 204]. Ф. Гаузе пишет: «Большое значение Орден придавал школам. Поэтому система образования в Пруссии была развита лучше, чем в других землях Германии» [2, с. 36]. Первой по «рождению» Гаузе называет Кнайпхофскую (Соборную) школу (1296), второй — Альтштадтскую (1381), а третьей — Лёбенихтскую (1441). «Все три школы находились в непосредственной близости от церквей, к которым они относились», — констатирует он [Там же]. Вернер Гродде, выпускник гимназии, автор газетной статьи «Необходимость улучшить воспитание». 550 лет назад была основана реальная гимназия Лёбенихта в Кёнигсберге», писал: «В начале Реформации, параллельно с превращением орденского государства в герцогство Пруссия в 1525 году церковно-приходская школа Лёбенихта была реорганизована в латинскую школу» [10].

Другой выпускник той же школы Леопольд Бём с гордостью подчеркивал следующий факт: «Тогда я еще не имел представления о том, в какое древнее учебное заведение с давними традициями я попал. Оно было основано в 1441 году, то есть, за 103 года до Альбертины, основанной в 1544-м герцогом Альбрехтом и названной в его честь» [7, S. 6].

В иллюстрированном энциклопедическом справочнике «Кёнигсберг-Калининград» перечислены муниципальные и частные средние школы, лицеи, гимназии и «высшие школы»² Кёнигсберга. Последнее по срокам и программам обучения приравнивались к гимназиям. Всего в списке представлено 76 учебных заведений. Из их числа к началу XX в. гимназий и высших школ осталось 7 [4, с. 530—536], в том числе Лёбенихтская, которая в разных источниках именовалась то как гимназия (Gymnasium), то как высшая школа (Oberschule). Одно известно точно: статус гимназии Лёбенихтская школа получила в 1882 г. под руководством директора Александра Шмидта [8, S. 204].

Авторы справочника «Кёнигсберг-Калининград» пишут: «Курс обучения в гимназии был девятилетним... Гимназия занимала промежуточ-

¹ Авторы благодарят кандидата филологических наук, доцента БФУ им. И. Канта А. И. Васкиевич за перевод фрагментов книги О. Виттрина и за страноведческие комментарии (см. далее).

² «Высшие школы» (Oberschulen) представляли собой средние 8–9-классные учебные заведения.



ное положение между начальным и высшим образованием. Поступали в гимназию с 9 лет, заканчивали не ранее 18» [4, с. 530–531]. В реальности возраст выпускников был от 16 до 24 лет [25, S. 38, 42, 43].

Периодически Лёбенихтская гимназия выпускала «Программу обучения». В открытом доступе в сети Интернет нам удалось обнаружить программы за 1855–1859, 1884, 1885, 1887–1890, 1892 гг. [13–23] Традиционно в программах были следующие разделы: 1. Общий педагогический устав; 2. Распределение занятий в учебном году; 3. Период обучения; 4. Обзор уроков гимнастики и пения; 5. Распоряжения властей; 6. Хроника; 7. Статистические издания; 8. Собрания учебно-методических пособий; 9. Учебные пособия (см., напр.: [19]).

54

В. Гродде вспоминал об учебной программе первых лет: «В школе тогда было пять классов, и наиболее значительный объем занятий составляла латынь, 15–20 часов и более в отдельных классах, за ней следовали теология, иврит и греческий язык, на остальные предметы отводилось 1–2 часа. Физики, химии, рисования и физкультуры не было совсем, ведь два часа физики в четвертом классе предлагали не более чем сухое изложение естественной истории в аристотелевском духе, и существованию своему в одном-единственном классе были обязаны, вероятно, случайному любительскому интересу преподавателя» [10]. В основу учебного плана были положены филологические дисциплины – древние языки, которые рассматривались как незаменимое средство развития мышления и воспитания в духе гуманизма.

В годовом отчете гимназии за 1907 г. древние языки уже не значатся [11]. Наряду с традиционными предметами для обычных школ (религия, правописание, история, немецкий язык), в программах гимназии присутствуют английский и французский языки, несмотря на то что гимназия была реальной, и в ее программу обязательно включались физика, природоведение, география, рисование, химия и минералогия, «вычисление и математика» [9, 12–23].

В начальной школе (трехклассное образование) преподавалось всего четыре дисциплины: немецкий язык, религия, «вычисление и математика» и правописание. Математика как «царица наук» изучалась в трех начальных классах по 5 уроков в неделю, в старших шести классах – по 5–6, всего 47 уроков в неделю, распределенных по годам обучения. На второй позиции находился немецкий язык – 45 уроков, далее шел французский язык – 35, остальные предметы – от 4 до 19 уроков, меньше всего физика – 4 (по два урока в двух последних классах) [11, S. 3]. Можно предположить, что такой объем математики был связан и с профессиональными интересами руководителя данного учебного заведения, профессора математики Отто Виттрина.

Далее в отчете за 1907 г. шел «Обзор выполненных учебных заданий» [Ibid., S. 5]. Указывалось, что «в отчете за предыдущий год подробно описаны все учебные задания. Поэтому ниже приведены только сведения о чтении двух первых классов, темы эссе и задания для заключительного экзамена» [Ibid., S. 5]. Так, в 1907 г. для первых двух классов для чтения были предложены: «Песнь колокола» из пьесы Ф. Шиллера «Вильгельм Телль», а также его стихотворения, пьеса «Минна фон Барнхельм» Г. Э. Лессинга, поэма «Герман и Доротея» И. В. Гёте, стихи об освободи-



тельных войнах и прозаические произведения из «Сборника для чтения», «жизненные образы поэтов». Приведена тема эссе: «Чем Зигфрид привлекает наше внимание?» [Ibid.].

Из отчета мы узнаем, что в старших шести классах проводились уроки гимнастики, которые вели два старших преподавателя, один воспитатель и старший воспитатель [Ibid., S. 6]. Оказывается, преподаватели гимнастики не ограничивались занятиями в спортивных залах, а даже обучали учеников плаванию. Всего за один семестр научились «свободному плаванию» семеро (всего умело плавать 86 учеников, что составляло 33% от их общего числа) [Ibid.]. Младшим школьникам классный руководитель уделял два часа в дошкольных классах еженедельно, в VI классе¹ и в 1-й вокальной секции по два часа в неделю. В гимназии действовал факультатив «линейного рисования» (предположим, что так называли геометрию), который посещали «по желанию полгода» ученики первых трех классов [Ibid.]. В «Обзоре школьных учебников, которые будут использоваться, начиная с Пасхи 1907 года» встречается своеобразный «Сборник гимнов евангелической школы» [Ibid., S. 7].

Классные руководители вместе с учениками совершали поездки в соседние городки, которые имели историческую или курортную привлекательность. Например, 21 июня «в очень благоприятную погоду поехали на прогулку. I класс был в Бальге², II класс в Заркау³, III и IV классы в Нойкуруне⁴, Раушене⁵ и Варникене⁶, классы V и VI в Кранце⁷ и Швендлунде⁸, детском саду в Нойхаузене⁹» [Ibid., S. 9].

В отличие от так называемых «народных школ» (начальное обучение), учеба в гимназиях была платной. Впрочем, по воспоминаниям выпускника школы 1921 г. Л. Бёма, эта плата была необременительной: «Так называемые “неместные” не могли наслаждаться привилегией вносить плату за обучение в размере 32,50 марки, им приходилось вместо этого отстегивать 54 марки. Поскольку мои родные края находились в округе Растенбург (ныне Кентшин в Польше. — А. Я., В. О.), а мой отец был земледельцем и владел поместьем Глаубиттен недалеко от Коршена (ныне Корше в Польше. — А. Я., В. О.), ему приходилось раскошели-

¹ Под VI классом имеется в виду 1-й (начальный класс) гимназии (Sexta). Традиционно в Германии классы (годы обучения) обозначались латинскими цифрами. Когда обучение в гимназиях стало длиться 9 лет, были введены следующие обозначения, ряд которых упоминается далее: *Sexta* (1-й класс гимназии, или 5-й класс после 4-летнего обучения в начальной школе), *Quinta* (2-й класс гимназии), и далее *Quarta*, *Untertertia*, *Obertertia*, *Untersekunda*, *Obersekunda*, *Unterprima*, *Oberprima*. — Примеч. А. И. Васкиневич.

² Ныне также замок Бальга, самый древний на территории Калининградской области. Находится в руинированном состоянии.

³ Ныне пос. Лесной на Куршской косе на берегу Балтийского моря.

⁴ Ныне г. Пионерский на побережье Балтийского моря.

⁵ Ныне г. Светлогорск на побережье Балтийского моря.

⁶ Ныне пос. Лесной Зеленоградского района (недалеко от Балтийского моря).

⁷ Ныне г. Зеленоградск на побережье Балтийского моря.

⁸ Верховое болото у основания Куршской косы.

⁹ Ныне г. Гурьевск, «спутник» Калининграда.



ваться побольше, чем папашам из Кёнигсберга» [7, S. 6]. Интересно, что именно Лёбенихтская гимназия оказалась привлекательной и для других детей семейства Бём: «А с годами нас стало пятеро — братьев Бём, которым повезло черпать школьные премудрости в гимназии на Мюнхенхофплац. Я был третьим из них. Старший из шестерых братьев стал кадетом» [Ibid.], а сам Леопольд Бём — инженером. Также иностранные ученики платили чуть больше [11, S. 15].

Отчет за 1907 г. свидетельствует о том, что по крайней мере в этот период бедные ученики получали бесплатные учебники, пользовались временным освобождением от платы за обучение и имели льготы на школьные поездки за счет средств школы [Ibid., S. 13]. При гимназии в целях поддержки малоимущих учеников действовал Фонд бывших студентов, который возглавлял профессор Грубер. Что касается учебников, то гимназия их закупала. Периодически издавались труды собственных преподавателей отдельными книгами или брошюрами (методические пособия, научные исследования). В отчете за 1907 г. приводится список книг, изданных школой. Оказалось, что с 1869 по 1906 г. гимназия издала всего 23 труда, чуть меньше одного в год. Самым плодовитым оказался профессор П. Чиган — пять отдельных публикаций [Ibid., S. 17].

В. Гродде писал о первых годах учебного заведения: «Эта школа, видимо, была очень простой, в ней трудились один кантор и один учитель, чьи зарплаты, в соответствии с выделяемыми городом средствами, были наверняка не слишком привлекательны» [10]. Так, «с 1680 до 1690 г. количество учеников в пяти классах колебалось от 250 до 320 человек. Это объясняется тем, что в школе отсутствовал подготовительный класс без латинского языка. Большинство учеников проходило подготовку, беря частные уроки, после чего поступали в старшие классы латинской школы. Чтобы исправить это бедственное положение вещей, позже, до 1764 г., расположенная вблизи латинской школы церковь открыла немецкую школу с двумя классами образования, своего рода подготовительную школу» [Ibid.]. В межвоенный период, несмотря на экономические трудности, гимназия не потеряла учеников. Гродде отмечал: «В это послевоенное время с инфляцией возникли новые трудности. И все же в то время гимназию посещало от 500 до 600 учеников» [Ibid.].

Трудно судить о востребованности Лёбенихтской гимназии на всем протяжении ее существования, тем более с учетом того, что образование было платным, но два факта говорят о ее привлекательности. Судя по спискам учеников, регулярно публиковавшимся, почти половина из них были родом не из Кёнигсберга, а из других населенных пунктов Восточной Пруссии, значительное число — из других немецких земель, других стран и даже из России¹ (преимущественно еврейского происхождения: в гимназии преподавали иврит). Например, в 1907 г. приняли 53 ученика, а «78 заявлений о приеме пришлось отклонить из-за переполненности» [11, S. 9]. При поступлении в гимназию требовались «свидетельства

¹ Российский след в истории Лёбенихтской гимназии Кёнигсберга будет рассмотрен в отдельной статье.



о рождении и справки о прививках, а в случае, если поступал ученик из другого учебного заведения, необходимо [было] предъявить свидетельство об исключении» [Ibid., S. 15].

Всего в гимназии на 1907 г. было 12 преподавателей, из них — четыре профессора, в том числе на должности директора профессор Эссерт, остальные — на должности старшего преподавателя. Также на этой должности числились еще четыре лектора и три учителя начальных классов [Ibid., S. 4].

Помимо преподавательских званий и ученых степеней можно было получить ранг государственного служащего. Так, из отчета за 1907 г. узнаем, что профессору, доктору Груберу «присвоен чин советника четвертого класса» [Ibid., S. 7]. Долгое время возглавлявший Лёбенихтскую гимназию профессор О. Виттрин дослужился до ранга «тайного советника» [8, S. 341].

Существовала система повышения квалификации, причем даже с командированием в другой город. Из отчета за 1907 г. узнаем, что один из преподавателей прошел «курс повышения квалификации по французскому языку во Франкфурте на Майне с 15 по 27 октября» [11, S. 8]. В документе упоминается о том, какую сумму составляла учительская пенсия. К примеру, учительница Тромнау, выйдя на заслуженный отдых, получала 200 марок [Ibid.].

В. Гродде упоминал известных руководителей Лёбенихтской гимназии: «Школой тогда управлял д-р Александр Шмидт, известный знаток Шекспира. Он боролся, как и Квинтен Штайнбарт, чье имя носит подшефная школа в Дуйсбурге, за признание школы реальной гимназией. Обе школы получили эту привилегию в один и тот же день в 1882 году. <...> Выпускники реальной гимназии имели такое же право поступления во все университеты, как и выпускники уже существовавших гуманитарных гимназий. Имена следующих директоров школы всё еще на слуху; например, профессор Хуго Кляйбер, позаботившийся о том, чтобы в школе был спортивный зал и помещения для занятий естественными науками. Самым значимым директором с начала XX в. до 1921 г. был Отто Виттрин, которому известный кёнигсбергский историк профессор д-р Фриц Гаузе воздал должное в своей трехтомной истории города, назвав его школьным монархом в лучшем смысле слова» [10].

Как и во всякой школе, учителя были разными по характеру, манере преподавания и воспитания, отношению к ученикам. Вот что пишет об этом Л. Бём: «Моя школьная биография началась со второго класса [Quinta], где классный руководитель — мы называли его “старым Розе”, в отличие от его младшего коллеги, “мелкого Розе”, — подверг меня строгому экзамену. Он настолько дотошно объяснял нам правила пунктуации, что я помню их до сих пор... С четвертого класса появились параллельные классы. Волнительный вопрос для нас, третьеклашек: к какому учителю я попаду? К Артуру Менцу или к “мелкому Розе”? Я хотел попасть к Менцу, которым вскоре стал поистине восхищаться. Он преподавал немецкий, историю, природоведение. А еще он учил нас стенографии Габельсбергера. Конечно, я прошел этот курс. Мы никогда не забывали о его дне рождения 7 марта. На его венчание с барышней Яндер мы, по моей инициативе, всей толпой пришли в церковь. Я мно-



гим обязан Артуру Менцу» [7, S. 6]. Л. Бём описывает и других школьных учителей, самым оригинальным из которых — Оттокар Келерт, который «был нашим последним классным руководителем в старших классах. Мы любили его, каждый по-своему. В конце 1920-го он как-то появился в классе с картиной в раме. Он поставил ее на стул перед кафедрой, чтобы все могли ее видеть. Голова тигра с хищно горящими глазами. “Это ваш выпускной экзамен, дорогие ученики! Вы должны его выдержать!” Вот это идея!» [Ibid., S. 7–8].

Преподавали в Лёбенихтской гимназии такие выдающиеся кёнигсбержцы, как художник Эмиль Дёрстлинг (искусство), художник-пейзажист и литограф Юлиус Зимеринг (рисование), филолог Вальтер Франц (немецкий и другие языки). В свое время Лёбенихтскую гимназию окончили такие известные жители Кёнигсберга, как, например, скульптор Рудольф Зимеринг, геофизик Эмиль Вихерт, архитектор Фридрих Ларс.

Яркие впечатления у Л. Бёма остались от бала выпускников: «Был бал выпускников! Он состоялся в Штадтхалле, городском концертном зале возле моста у Замкового пруда¹. Наш директор Отто Виттрин пригласил мою маму на полонез, открывавший бал. Возглавлял шествие учитель физкультуры Петерс, а следом по красивому большому залу нестройной процессией двигались учителя и ученики со своими дамами. Новоиспеченные выпускники, украшенные бесчисленными Альбрехтами и красными, расшитыми золотыми нитями студенческими шапочками. Самый младший, Зигфрид Ригамер, носил красный цилиндр. Это был прекрасный праздник!» [Ibid., S. 8].

Школа дважды перестраивалась, она была расширена в 1581 г. и перестроена в 1644 г. [24, S. 153]. «11 ноября 1764 г. на Кёнигсберг обрушилось новое страшное несчастье. Пожар, разразившийся в Ластади, районе Альтштадта, перекинулся на Лёбенихт и превратил его и граничивший с ним Закхайм в пепел. Горящая башня церкви обрушилась на стоявшее рядом здание школы, ставшее добычей огня, как и дома пасторов и ратуша Лёбенихта, сгоревшая вместе с канцелярией, всеми документами и актами. Фридрих Великий оказал помощь. Из королевских средств он выделил на строительство новой школы 3459 талеров, так что уже 23 марта 1768 г. новое здание было торжественно открыто и смогло выполнять свою функцию», — писал В. Гродде [10].

Во время Наполеоновских войн, как известно, Кёнигсберг в 1807 г. был захвачен французами. Гимназия продолжала функционировать. Более того, как подчеркивал В. Гродде, «в это время в Кёнигсберге, первом городе Пруссии, проводилась большая школьная реформа. В ходе этой реформы — и это было важной вехой — бывшая латинская школа была преобразована в городскую старшую школу» [Ibid.].

Наконец, 29 апреля 1859 г., во время 600-летнего юбилея города Кёнигсберга, Лёбенихтская гимназия переехала в новое здание на площади

¹ Ныне Нижний пруд (Нижнее озеро). В здании бывшего Штадтхалле расположен Калининградский областной историко-художественный музей.



Мюнхенхоф. Школой тогда управлял директор, профессор Александр Шмидт. С тех пор на этом месте она располагалась вплоть до трагических событий 27 и 30 августа 1944 г. [1, с. 420].

В 1911 г. по инициативе Отто Виттрина на старом месте было начато строительство нового здания «одной из самых красивых гимназий города», как ее характеризовала исследователь Л. В. Лохова [5, с. 59]. В 1914 г. на площади Мюнхенхоф вновь была открыта Лёбенихтская реальная гимназия. На торжественном открытии, которое состоялось 12 июня 1914 г., присутствовали и выступали с торжественными речами директор гимназии Отто Виттрин, обер-бургомистр Зигфрид Кёрте, обер-президент провинции Людвиг фон Виндхайм. Долгожданное открытие гимназии широко освещалось в прессе, а торжественные мероприятия проходили в течение всего дня. В актовом зале состоялся концерт, а затем учителям и почетным гостям были представлены их новые кабинеты.

Новая Лёбенихтская гимназия стала настоящим украшением Кёнигсберга. Её здание было спроектировано архитектором Карлом Глаге [25, S. 61], залы украшали фрески Отто Эвеля, а входные порталы здания венчали четыре богато декорированные скульптурные композиции неизвестного автора. Фрагмент одной из четырех скульптурных композиций с фронтона Лёбенихтской гимназии хранится в музее «Фридландские ворота» в Калининграде. Остальные на данный момент считаются утраченными. В. Гродде отмечал: «За то время, когда Виттрин был директором, число учителей увеличилось до 19 профессоров, а число учеников — до 439 человек. Поэтому стало необходимым строительство нового корпуса и расширение старого здания школы. В новом облике предстали долгожданные помещения для уроков рисования, биологии, труда, физики, химии, вместе со школьной лабораторией, спортивный и актовый залы — такими, какими они остались в памяти по сей день... После 1921 г. гимназию в течение семи лет возглавлял д-р Отто Келер, уже тогда, вероятно, его должность называлась оберштудиендиректор — директор старшей школы» [10].

Леопольд Бём вспоминал об этом событии: «Я уже закончил третий класс (где классным руководителем был доктор Курт Райке), когда 12 июня 1914 г. состоялось торжественное открытие школы после значительной перестройки и расширения, начавшегося в 1911-м, — результата успешного сотрудничества ее директора, тайного советника Отто Виттризе¹ и кёнигсбергского обер-бургомистра доктора Зигфрида Кёрте. В преподавательский состав тогда уже входил доктор Пауль Хайнке, хорошо знакомый и гимназистам Штайнбарта как “папа Хайнке”, вручающий Альбрехтов² по кёнигсбергской традиции» [7, S. 6].

¹ В оригинале: *geheimer Studienrat*. В фамилии здесь явно опечатка. Очевидно, имеется в виду Отто Виттрин, директор гимназии, далее в тексте речи его фамилия упоминается правильно. — *Примеч. А. И. Васкиневич.*

² Альбрехтами назывались значки с портретом герцога Альбрехта, основателя Кёнигсбергского университета. Со временем значок превратился в символ «мулов» — учеников, выдержавших экзамен на аттестат зрелости, и носили его на студенческой шапочке «штюрмер» или на куртке.



«Она располагалась в начале улицы, носившей имя Хаманна, и поэтому в 1936 году на ее фасаде появилась памятная доска из ракушечной известняковой плиты работы скульптора Георга Фуга. Надпись гласила “Маг севера Иоганн Георг Хаманн родился 27 августа 1730 года в Кёнигсберге Прусском, умер 21 июня 1788 года в Мюнстере”», — писала журналистка и краевед Д. Таманцева [6]. В ее материале, основанном на беседе с краеведом Н. Чебуркиным, также упоминается, что «вплоть до 1944 года в актовом зале Лёбенихтской гимназии проходили православные богослужения» [Там же]. Действительно, в первой половине XX в. именно в Лёбенихтской гимназии собиралась и проводила службы греко-православная (русская) община, которая уже к 1925 г. насчитывала 605 членов [3, с. 142]. Службы в стенах Лёбенихтской гимназии не имели регулярного характера.

Д. Таманцева поясняет: «Надо сказать, что первыми православными в Восточной Пруссии были староверы — филипповцы, бежавшие от церковной реформы Никона в XVIII веке и обосновавшиеся в районе Мазурских озер. Позже в православную общину входили русские купцы, вынужденные из-за своих торговых дел подолгу жить в Кёнигсберге. После Первой мировой войны и Октябрьской революции в городе и его окрестностях осели десятки русских военнопленных: возвращаться в ставшую советской Россией им не хотелось. А вскоре к ним добавились и эмигранты первой волны» [6].

В 1918 г. школу коснулись революционные события. Вспоминает Леопольд Бём: «А осенью началась [Ноябрьская] революция, и в нашей школе обосновались подразделения красного морского флота. Занятия временно проводились — только во вторую смену — в школе для девочек в Штайндамме. Учителя рвали на себе волосы, не понимая, как пройти весь учебный материал» [7, S. 8].

В. Гродде отмечал, что «в последние военные годы школьные занятия всё больше ограничивались, а после разрушения школы в августе 1944 года при налете английских бомбардировщиков, уроки временно проводились только в четырех классах в высшей реальной школе имени Бесселя, а под конец, зимой 1944/45, до 22 января в помещениях фирмы Петерейт на скотном рынке» [10]. «После войны ее остатки использовались в качестве складских помещений. Затем экс-гимназию снесли... Известно, что профессор КГУ Лавринович пытался спасти если не все здание, то хотя бы памятную доску Хаманну. Не получилось» [6].

Руины Лёбенихтской гимназии использовались советскими кинематографистами во время съемок фильма «Разведчики», премьера которого состоялась 19 мая 1969 г. (реж. И. Самборский). А с 1978 г. на месте, где когда-то стояла Лёбенихтская гимназия, на Московском проспекте, рядом с рекой Преголей и Деревянным мостом, был возведен памятный знак морякам-балтийцам работы скульптора В. В. Моргунова.

В заключение выразим надежду, что обнаруженные исторические источники помогут продолжить изучение почти шестивековой истории Лёбенихтской гимназии.

Список источников и литературы

1. Восточная Пруссия. С древнейших времен до конца Второй мировой войны / В. И. Гальцов и [др.]. Калининград, 1996.



2. Гаузе Ф. Кёнигсберг в Пруссии. История одного европейского города. Реклингхаузен, 1994.
3. Довыденко Л.В. Кёнигсберг — русское зарубежье. Николай Сергеевич Арсеньев (1888—1977). Калининград, 2008.
4. *Кёнигсберг-Калининград* : иллюстрированный энцикл. справочник / под общ. ред. А.С. Пржедомского. Калининград, 2006.
5. Лохова Л.В. Страницы прошлого. Кёнигсберг — Калининград. Калининград, 1995.
6. Таманцева Д. «Русский Кёнигсберг» // Калининградские Новые колеса. 2003. 12 июня. №162. С. 16.
7. *550 Jahre Schule in Löbenicht* // Königsberger Bürgerbrief. 1991. №37. S. 6—8.
8. *Albinus R. Lexikon der Stadt Königsberg Pr. und Umgebung*. Leer, 1985.
9. *Einweihung der neuen Räume des Löbenichtschen Realgymnasiums* // Königsberger Hartungsche Zeitung. 1914. 12 Juni. Morgenausgabe/Abendausgabe. S. 3.
10. *Grodde W. „Die Notwendigkeit besserer Erziehung“*. Vor 550 Jahren das Löbenichtsche Realgymnasium gegründet // Das Ostpreußenblatt. 1991. 17. Aug. №33. S. 10.
11. *Jahresbericht über die Städtische Löbenichtsche Realschule zu Königsberg in Pr. für das Schuljahr von Ostern 1906 bis Ostern 1907*. Erstattet von dem Direktor Prof. Essert. Königsberg, 1907.
12. *Katalog der Schüler-Bibliothek der Löbenichtschen höheren Bürgerschule zu Königsberg i. Pr. nach Klassen und Wissenschaften geordnet von J. Erdmann, Rektor*. Beilage zum Oster-Programm 1892. Königsberg, 1892.
13. *Programm der Löbenichtschen höheren Bürgerschule zu Königsberg in Pr. mit welchem zur öffentlichen Prüfung Ihrer Zöglinge Dienstag den 1 April c. im Namen des Lehrer-Kollegiums ergebenst einladet der Rektor J. Erdmann*. Königsberg, 1884.
14. *Programm der Löbenichtschen höheren Bürgerschule zu Königsberg in Pr. mit welchem zur öffentlichen Prüfung Ihrer Zöglinge Dienstag den 27 März 1888 im Namen des Lehrer-Kollegiums ergebenst einladet der Rektor J. Erdmann*. Königsberg, 1888.
15. *Programm der Löbenichtschen höheren Bürgerschule zu Königsberg in Pr. mit welchem zur öffentlichen Prüfung Ihrer Zöglinge Freitag den 1. April 1887 im Namen des Lehrer-Kollegiums ergebenst einladet der Rektor J. Erdmann*. Königsberg, 1887.
16. *Programm der Löbenichtschen höheren Bürgerschule zu Königsberg in Pr. mit welchem zur öffentlichen Prüfung Ihrer Zöglinge Freitag den 27. März im Namen des Lehrer-Kollegiums ergebenst einladet der Rektor J. Erdmann*. Königsberg, 1885.
17. *Programm der Löbenichtschen höheren Bürgerschule zu Königsberg in Pr. mit welchem zur öffentlichen Prüfung Ihrer Zöglinge Freitag den 28. März 1890 im Namen des Lehrer-Kollegiums ergebenst einladet der Rektor J. Erdmann*. Königsberg, 1890.
18. *Programm der Löbenichtschen höheren Bürgerschule zu Königsberg in Pr. mit welchem zur öffentlichen Prüfung Ihrer Zöglinge Freitag den 8. April 1889 im Namen des Lehrer-Kollegiums ergebenst einladet der Rektor J. Erdmann*. Königsberg, 1889.
19. *Programm der Löbenichtschen höheren Bürgerschule zu Königsberg in Pr.* Königsberg, 1892.
20. *Programm der Löbenichtschen höheren Bürgerschule zu Königsberg in Pr. mit welchem zur öffentlichen Prüfung ihrer Schüler Dienstag, den 30. März c. im Namen des Lehrer-Collegiums ergebenst einladet der Director Dr. Schmidt*. Königsberg, 1858.



21. *Programm* der Löbenichtschen höheren Bürgerschule zu Königsberg in Pr. mit welchem zur Einweihung ihres neuen Gebäudes Freitag, den 29. April c. um 11 Uhr Vormittags im Namen des Lehrer-Collegiums ergebenst einladet der Director Dr. Schmidt. Königsberg, 1859.

22. *Programm* der Löbenichtschen höheren Bürgerschule zu Königsberg in Pr. mit welchem zur öffentlichen Prüfung ihrer Schüler Montag, den 6. April c. im Namen des Lehrer-Collegiums ergebenst einladet der Director Dr. Schmidt. Königsberg, 1857.

23. *Programm* der Löbenichtschen höheren Bürgerschule, durch welches zur Einführung des Directors Herrn Dr. Schmidt und zur öffentlichen Prüfung der Schüler Mittwoch, den 4. April c. Vormittags von 8½ bis 1 Uhr und Nachmittags von 3 bis 6 Uhr ergebenst eingeladen wird. Königsberg, 1855.

24. *Wiese L.* Das höhere Schulwesen in Preussen; historisch-statistische Darstellung. Berlin, 1902. Bd. 4 : 1874–1901(1902).

25. *Witrien O.* Aus der Vergangenheit des Löbenichtschen Realgymnasiums zu Königsberg i. Pr. nebst der Beschreibung des Schulgebäudes: Festschrift zur Einweihung des Erweiterungsbaues am 12. Juni. Königsberg, 1914.

Об авторах

Андрей Анатольевич Ярцев — д-р ист. наук, директор, МАУК «Музей «Фридландские ворота», Калининград, Россия.

E-mail: fvdirector@klgd.ru

Владимир Валерьевич Олексин — науч. сотр., МАУК «Музей «Фридландские ворота», Калининград, Россия.

E-mail: oleksin2002@mail.ru

A. A. Yartsev, V. V. Oleksin

FROM THE HISTORY OF THE LÖBENICHT GYMNASIUM IN KÖNIGSBERG

Municipal museum “Friedlander Gate”, Kaliningrad, Russia

Received 5 November 2024

Accepted 20 November 2024

doi: 10.5922/vestnikhum-2024-4-5

To cite this article: Yartsev A. A, Oleksin V. V., 2024, From the history of the Löbenicht gymnasium in Königsberg, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №4. P. 52–63. doi: 10.5922/vestnikhum-2024-4-5.

The article traces the history of one of the oldest elite educational institutions in Königsberg — the Löbenicht Real Gymnasium, which was attended by engineers, bankers, architects, administrators and others famous in Königsberg and beyond. The evolution of the status of the gymnasium is traced, starting from the parochial school of Löbenicht to the leading real gymnasium in East Prussia, which was attended not only by the inhabitants of the region, but also by other countries, including Russia. Changes in the educational programme of the school, the organisation of the educational process, and the quality of the teaching staff are analysed.



The article may be of interest to researchers of the history of Königsberg-Kaliningrad, students of history faculties, researchers of the history of pedagogical science, including the history of pedagogy in Germany.

Keywords: Königsberg, Löbenicht, Löbenicht Realgymnasium, history of education

The authors

Prof. Andrey A. Yartsev, Director, Municipal museum "Friedlander Gate", Kaliningrad, Russia.

E-mail: fvdirector@klgd.ru

Vladimir V. Oleksin, Research Officer, Municipal museum "Friedlander Gate", Kaliningrad, Russia.

E-mail: oleksin2002@mail.ru

О. Д. Попова

ОБРАЩЕНИЯ ГРАЖДАН В СИСТЕМЕ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ В 1960—1970-е ГОДЫ

Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина, Россия

Поступила в редакцию 27.06.2024 г.

Принята к публикации 23.10.2024 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2024-4-6

64

Для цитирования: *Попова О. Д.* Обращения граждан в системе делопроизводства исполнительной власти в 1960—1970-е годы // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2024. №4. С. 64—77. doi: 10.5922/vestnikhum-2024-4-6.

Проанализированы комплексы документов, которые формировались в архивах областной исполнительной власти в связи с обращением граждан в различные инстанции. Показано, что основная работа по обращениям граждан проводилась на уровне местной исполнительной власти, большинство писем возвращалось в исполком для решения вопроса. Тематика таких обращений касалась в первую очередь конкретных повседневных нужд граждан: обеспеченность электрическим светом, доступность продуктов, решение коммунальных проблем. Работа в архивах Краснодарского края, Нижегородской области и Санкт-Петербурга позволила оценить источниковый потенциал данных документов по истории повседневности. Важную информацию несут комплексы документов, которые образовались по каждому конкретному письму: от сопроводительных писем из редакции газет или центрального органа власти до объяснительных писем низовых структур исполнительной власти. Привлечение такого комплекса позволяет более детально проследить механизм взаимодействия общества и власти, выявить участников диалога, а также проследить временные этапы диалога. На примере приведенных документов можно увидеть, что обращения граждан в различные органы власти позволяют не только выявить мозаичность социального пространства в 1960—1970-е гг., неравномерность протекания процессов в решении повседневных бытовых проблем граждан, но и ответить на вопрос, почему порой гражданам приходилось годами обивать различные пороги для удовлетворения элементарных бытовых нужд.

Ключевые слова: письма граждан, исполнительная власть, диалог власти и общества, советская повседневность

Введение

Обращения граждан — источник, к которому современные отечественные историки проявляют большой интерес. Как отмечает один из первых исследователей этого вида документов А. К. Соколов, обращения граждан — это один из документов, свойственных именно для Рос-



сии. В других странах такой большой пласт подобного рода документов не формировался: «Еще в старой России сложились иллюзии низов в отношении власти, некие фантомы коллективного сознания, основанные на вере людей в царя, в добрых начальников» [18, с. 358]. Письма руководителям государства писали всегда — И. В. Сталину, Н. С. Хрущёву, Л. И. Брежневу, другим государственным деятелям — А. И. Микояну, А. Н. Косыгину, Е. А. Фурцевой и др.

В настоящее время обращения граждан рассматриваются исследователями как источник для анализа специфики российской ментальности [14], механизмов взаимодействия власти и общества [5; 9], специфики социальных воззрений различных групп [6; 16]. Эти же документы являются очень ярким источником по истории повседневности. Здесь письмо выступает как свидетельство, в котором отражена та или иная проблема бытования в разных аспектах: жилищные условия, обеспеченность продовольствием или промышленными товарами и др. Эти источники отражают и пути решения возникшей проблемы, и в целом взаимодействие между обществом и властью.

А. Я. Лившин отмечает, что, рассматривая «письма во власть», следует говорить о способе политического взаимодействия, о форме организации властно-управленческих отношений, методе диалога «верхов» и «низов» [8, с. 26]. И здесь очень важно проследить, как разрешались нужды граждан: обращение во власть было надежным способом решения вопроса или полная надежд переписка с различными инстанциями становилась частью повседневной рутины?

Настоящая статья посвящена обращениям граждан в конце 1950-х — начале 1960-х гг. Цель статьи — проанализировать «письма во власть» в системе делопроизводства исполнительной власти. Такой подход позволяет глубже изучить роль обращений граждан в системе выстраивания диалога власти и общества. Представляется, что исследование писем в комплексе с перепиской, сопроводительными письмами и ответами из разных учреждений позволит не просто проследить проблемы повседневной жизни общества, но и определить, как власти реагировали на обращения граждан, а также понять, насколько эффективным было обращение рядового гражданина в высокие инстанции. Важно выявить наиболее информативные документы в таком диалоге.

Основным объектом изучения стали комплексы обращений граждан в делопроизводстве исполнительной власти, которые сохранились в архивах Нижегородской области, Краснодарского края и Санкт-Петербурга. Речь идет не просто об отдельном изолированном письме как таковом, а именно о комплексе документов: письмо и возникавшая вокруг этого обращения переписка между различными структурами. Обращение к региональным архивам позволяет одновременно проследить еще один важный аспект — отношения между центром и провинцией.

Трансформация повседневной жизни граждан в 1950—1960-е годы

Период конца 1950-х — начала 1960-х гг. выбран неслучайно. В это время происходили существенные перемены в повседневной жизни советского общества. Впервые бытовые условия жизни стали целенаправ-



ленным объектом заботы государства: начались массовое строительство жилья, газификация городов и поселков, электрификация. Тридцать первого июля 1957 г. было принято постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР, которое дало старт массовому жилищному строительству. Если в 1950-х гг. фонд жилья составлял 513 млн м², то в 1964 г. — 1182 млн м² [19, с. 52]. Пятнадцатого августа 1958 г. было принято постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «О дальнейшем развитии газовой промышленности и газоснабжения предприятий и городов СССР» [13], которое для многих рядовых граждан означало перспективу смены керосинок и дровяных печей на газовую горелку.

Однако, как указывает А. В. Подсвинова, в СССР процессы урбанизации носили не только мобилизационный, плановый характер — ее мозаичность была обусловлена исключительно производственной необходимостью [15, с. 266]. Нельзя не согласиться с мнением М. Г. Мееровича, что в СССР «урбанизация была лишь побочным “продуктом” расширения инфраструктуры ресурсодобычи, возведения предприятий по переработке, обогащению и перегрузке сырья; следствием развертывания систем транспорта и энергетики, нуждавшихся в управленческих и технических центрах», и поэтому формирование элементов городской культуры в городах-новостройках или жилых поселках, включенных в промышленное производство, фактически не происходило [11, с. 12]. Все достижения городского образа жизни — электрификация, газификация — в первую очередь отвечали нуждам промышленности, но никак не самих граждан. Поэтому особенность всех российских модернизационных процессов — это их неравномерность и противоречивость, особенно если это касалось повседневной жизни людей. Факты успехов индустриализации соседствуют с данными, что многие граждане жили в тяжелых жизненных условиях.

Обращения граждан в органы власти в этот период относятся к категории жалоб, которые очень ярко показывают, что многим гражданам приходилось только грустно вздыхать, глядя на успехи урбанизации в стране. При этом надежды на улучшение ситуации не предвиделось. Например, в своем обращении жители села Савочкино Ленинградской области в ноябре 1960 г. жаловались: «У нас в деревне Савочкино есть учащиеся, которые учатся в две смены, а также много пенсионеров, которые не только не могут телевизор посмотреть, но и даже газету почитать. А между прочим, живем мы за 20 км от Ленинграда, когда все кругом электрифицировано. Просим Вас наладить электросвет. Смешно в атомный век сидим с керосиновой лампой. Просим ответить на наше письмо» [4, л. 242]. Таким образом, расстояние между двумя пространствами с совершенно разными условиями жизни — метро, водопроводом, светлыми проспектами, электричеством, с одной стороны, и керосиновой лампой, водой из колодца, отсутствием канализации — с другой, — составляло всего 20 км.

Большой комплекс обращений сохранился в Государственном архиве Российской Федерации в фонде Совета министров СССР, некоторые из них были адресованы лично Никите Сергеевичу Хрущёву как председателю этого органа. Документы указывают на имевшиеся недостатки в жизни людей этого периода. Например, рабочий Мальников из города



Иванова в своем обращении пытался донести до адресата сложное положение дел с продуктами в городе в начале 1960-х гг.: «Реальная заработная плата рабочего средней специальности составляет 25—27 рублей в день старыми деньгами, а один килограмм мяса в городе Иванове уже дошел до 40 рублей старыми деньгами. Что дальше делать? В магазинах отсутствуют всякие жиры, даже маргарина и того нет. Во время посещения г. Иванова Косыгиным в позапрошлом месяце для его встречи выбросили в магазины мясо и масло, которые пролежали два дня. С отъездом Косыгина стало пусто, очковтирательство выплывает на глазах 500 тыс. края текстильщиков. Просто краснеть приходится за такое изобилие. Просим Вашего вмешательства. Эта картина тянется с начала осени 1960 года» [3, л. 32].

Документы, отложившиеся в фонде Совета министров, содержат богатую подборку писем. Возникает закономерный вопрос: какова была реакция власти на подобные обращения? Были какие-то действия с ее стороны? Подборки писем, которые хранятся в документах фонда не всегда дают ответ на этот вопрос, однако обращения граждан, осевшие в документах региональных архивов исполнительной власти, не только ярко демонстрируют то, насколько результативной была отправка письма в высокие инстанции, но и позволяют проследить, как складывался механизм взаимодействия власти и отдельного человека в ходе работы с такими обращениями.

Однако возникает еще один вопрос: насколько объективно жалобы отражали картину жизни провинции? Жалоба — это всегда обращение к негативу — как правило, к определенной проблеме, с которой столкнулись граждане. Может быть, это исключение из всей очень благополучной картины? На первый взгляд может показаться, что обращение к этому документу искажает реальность с упором на негативную картину мира в противовес позитивным партийным отчетам. Однако именно эти документы показывают неравномерность протекания социальных процессов в нашей стране. Даже в крупных городах блага цивилизации были доступны не всем. Например, проверка квартирного вопроса в 1961 г. показала, что в одной Москве более трех миллионов человек живут в очень плохих условиях: ютятся в переполненных подвалах, ветхих бараках, заброшенных заводских корпусах. А при распределении нового жилья необходимые новые метры порой получали не самые нуждающиеся, а приближенные к власти. По данным Э. Кулави́га, в 1960 г. 6 тыс. служащих Госплана и других правительственных комитетов получили 42 тыс. м² жилья, в то время как 56 тыс. рабочих — только 27 тыс. м² [7, с. 135].

М.Н. Федченко отмечает, что в социальной сфере не было более явной несправедливости, чем та, которая происходила при распределении жилья. Честному и добросовестному работнику можно было десятилетиями стоять в очереди [19, с. 53]. Причиной ситуации, когда добросовестный работник оказывался без жилья, автор называет факт, что тот был «не угодник и не подхалим у начальства». Однако на практике набор причин нерешенности многих социальных вопросов и мозаично-



сти быта советского общества весьма разнообразен. Именно обращения граждан могут продемонстрировать сущность этой мозаичности и показать ее причины.

Обращения граждан: участники диалога и делопроизводство исполнительной власти

Следует отметить, что работа с письмами граждан на местах велась в обязательном порядке. Обязательным был учет обращений, велась статистика и готовилась обзорная аналитическая записка, где обобщались наиболее часто поднимаемые проблемы. Например, за январь 1961 г. в приемную председателя крайисполкома Краснодарского края поступило 1230 обращений, из них 713 через центральные органы и печать. Самый большой массив жалоб (241) — по жилищным вопросам [1, д. 1673, л. 4].

68

В процессе анализа обращений можно четко обозначить участников этого диалога: автор, основной адресат — орган власти, либо орган центральной печати (например, газета «Правда», журнал «Крокодил») либо высшее государственное лицо. В лице власти могли выступать государственные структуры разного уровня, а также руководители различного ранга, вплоть до руководителя государства. Однако еще одним участником такого диалога в большинстве случаев выступали и местные органы власти — областного и районного уровня, так как большинство писем, написанных даже на самый высокий уровень, так или иначе оказывалось на уровне областной и местной исполнительной или партийной власти. Отметим, что все письма подписывались чиновниками, и мы можем видеть конкретные фамилии участников переписки и их должности.

Рассмотрим структуру комплекса документов, который формировался в системе делопроизводства исполнительной власти вокруг конкретного обращения. Для примера возьмем обращение учительницы села Николаевка Щербинского района Краснодарского края Ольги Петровны Гончаренко в газету «Сельская жизнь».

Если письмо было направлено в высокие инстанции — например, в центральную газету, — то, как уже отмечалось, оно возвращалось назад, в органы исполнительной власти. Как правило, возвращался оригинал письма, хотя иногда вместо него приходила копия. При нем всегда был сопроводительный бланк организации, куда автор обращался, в данном случае — редакции газеты «Сельская жизнь». Обычно такие бланки были датированы, на них ставились входящий номер и даты отправки и поступления в органы исполнительной власти, также стандартной была фраза «Просим принять меры и о результатах сообщить редакции и автору». Подписывались такие бланки заместителем редактора по отделу писем [1, д. 1703, л. 128]. Такой заполненный бланк бывает очень полезен, поскольку позволяет проследить по датам скорость движения бумаг, а также, если само письмо автора написано от руки и имеет неразборчивую подпись, — правильно прочесть фамилию автора письма, которая, по всей видимости, еще сверялась с надписью на конверте, который оставался в редакции.

Само письмо было рукописным (дата отсутствовала) и начиналось словами «Дорогая редакция!». Автор стеснялась своего обращения: «Уже



несколько раз я принималась за это письмо (оно мне кажется грубым и несдержанным)». Основное, что волновало автора, — это бытовые удобства, которые в селе доступны неравномерно: «Это недовольство людей неодинаковыми условиями нашей жизни, не только в пределах края или района, но и в пределах села $\frac{1}{3}$ пользуется водопроводом и электрическим светом, а это дает им возможность включить электрический утюг, электропечь, телевизор, радио и еще многое, как освещенный двор. В нашем селе лишённые ранее всех перечисленных благ с завистью смотрят на первых» [Там же, л. 130]. Традиционно в таких письмах содержание просьбы очень часто связывалось с тем или иным идеологическим моментом, апелляцией к курсу правительства. В данном случае бытовые удобства, а вернее их несовершенство автор связывала с ожиданиями коммунизма: «Мы хорошо себе представляем, коим должно быть коммунистическое завтра. Как бы мы хотели, чтоб мамы и мы сами не стирали руками белье, не тащили для себя и для домашнего скота воду из 30-метрового колодца, не готовили обеды в печи в закопченных кастрюлях, не проверяли при керосиновых лампах ученические тетради, не ходили по колену в грязи, почти все времена года» [Там же, л. 129 об.].

Рядом с письмом собиралась и вся переписка между различными уровнями исполнительной власти и другими учреждениями по поводу этого обращения. Очень часто задействовались райисполкомы. И в этом случае редакция направила письмо в крайисполком 24 марта, а тот направил запрос по сути обращения 3 апреля в инстанцию ниже. Ответ на бланке Щербиновского районного Совета депутатов трудящихся Краснодарского края от 30 апреля 1962 г. за подписью председателя райисполкома И. Жмурко заведующему приемной по жалобам и заявлениям крайисполкома свидетельствовал, что Щербиновский райисполком проверил письмо гражданки Гончаренко О.П. и установил, что факты, изложенные в письме, имеют место. Село Николаевка действительно полностью не электрифицировано, водопровод проведен не по всем улицам, но коммунальных колодцев в селе Николаевка вполне достаточно [Там же, л. 127].

Девятнадцатого мая 1962 года за подписью председателя крайисполкома заявителю и в редакцию «Сельская жизнь» ушел такой ответ: «Сообщаем, что факты, изложенные в письме гр. Гончаренко О.П. о недостатках в коммунальном обслуживании населения села Николаевка Щербинского района имеют место, меры по улучшению принимаются» [Там же, л. 126].

Однако комплекс документов, собранный в крайисполкоме Краснодарского края, свидетельствует, что порой редакция газеты не удовлетворялась простым формальным ответом с мест. В этом же деле хранится повторное письмо этой учительницы, в котором она писала в ту же газету: «Уважаемая редакция! Месяца четыре назад я обращалась к Вам с жалобой и просьбой помочь посодействовать электрифицировать наше село. Через какое время я получила от Вас сообщение, что это мое письмо направлено в Краснодарский крайисполком для принятия мер и просили меня сообщить Вам о принятых мерах и я охотно выполняю Вашу просьбу» [Там же, л. 252]. На этом письме стоит дата — 14 мая 1962 г. То есть редакция не стала дожидаться ответа местной власти и написала



самой заявительнице. В этом же письме Гончаренко подробно рассказывает, как местная власть попыталась реализовать обещанные меры по улучшению.

Вся работа свелась к тому, что в село было завезено 22 столба, которых не хватило на все село, неразрешимой оказалась проблема электрического провода. Его власти найти не смогли, поэтому жители скинулись по 5 рублей с дома и на черном рынке у спекулянтов купили необходимый провод. Соответственно другие полторы сотни домов оставались без света. И Гончаренко сетовала, что она сама живет на краю села, до ее дома необходимо вкопать еще 50 столбов. Заканчивала она свое письмо словами: «Трудно верить даже в то, что в мой дом при таких обстоятельствах проведут свет даже к концу семилетки. Я собираю деньги на телевизор и не теряю надежду на будущее. Дорогая редакция. Помогите, пожалуйста хотя бы разобраться[:] и везде так?» [Там же, л. 253].

Это второе письмо опять оказалось в крайисполкоме, правда в сопроводительном бланке газеты «Сельская жизнь» от 21 мая указывалось, что это повторное письмо. Для подготовки ответа на него чиновники исполнительной власти подключили специалистов из Краснодарского краевого отделения «Сельхозтехники» (письмо от 26 мая), которые в своем ответе от 2 июня 1962 г. сообщали, что для электрификации села Николаевка будет разработана техническая документация в 1963 г., после утверждения которой и будет осуществляться электрификация села [Там же, л. 250], о чем было сообщено 14 июня в редакцию газеты и самой заявительнице. Таким образом переписка по этому вопросу заняла почти 6 месяцев, а вот когда все жители этого села получили свет в свои дома — неизвестно.

При этом можно заметить, что самыми информативными письмами являются ответы именно с уровня низовых структур власти. Крайисполком Краснодара требовал с низовых структур конкретного ответа по существу. Например, краевая власть не была удовлетворена отпиской заместителя председателя Северского райисполкома на жалобу Н. Ф. Ермакова по поводу плохого обустройства поселка Афипского следующего содержания: «Афипским поселковым советом намечены мероприятия по благоустройству поселка» [1, д. 1701, л. 147]. На такой ответ последовало повторное сердитое письмо заведующего приемной по жалобам: «Ответ райисполкома на жалобу Ермакова является бюрократической отпиской», далее следовало требование сообщить о конкретных мероприятиях — что сделано по вопросам, указанным в письме [Там же, л. 146]. В повторном письме райисполком сообщал о проведенном расширенном заседании исполкома Афипского поселкового совета, на котором были намечены мероприятия по благоустройству поселка. Хотя содержание этих конкретных мероприятий оставалось туманным.

В случае с письмом тов. Клименко о проблемах электрификации хутора «Красная Поляна» именно письмо местной власти дает понимание, в чем заключалась проблема: колхоз осуществил установку необходимых столбов, но в село не было поставлено необходимое оборудование (провода и трансформаторы), руководство колхоза неоднократно обращалось в краевые организации с просьбой оказать помощь в его приобретении, но такой помощи не получило [1, д. 1703, л. 334]. В Москву



же и заявителю ушел более лаконичный ответ: «Электрификация села задерживается из-за отсутствия необходимого оборудования» [Там же, л. 333]. Как видим, свою роль крайисполком в решении этого вопроса увел в тень и спрятался от ответа. Подробные ответы с мест областная исполнительная власть требовала не для того, чтобы дать подробный ответ заявителю, а с тем, чтобы снять ответственность с себя.

В целом следует отметить, что проблема электрификации — это одна из часто поднимаемых проблем в обращениях граждан в 1950–1960-е гг. Как отмечают И.Н. Лопаткин и Р.Р. Хисамутдинова, серьезной проблемой для проведения сплошной электрификации в провинции было то, что власть частично возложила обязанность осуществлять электрификацию на руководство колхозов за счет собственных средств, которых часто не хватало [10, с. 136]. Согласно постановлению ЦК КПСС и Совета министров СССР от 21 февраля 1961 г., в малонаселенных районах строительство межрайонных и районных электростанций признавалось нецелесообразным, при этом строительство межколхозных и колхозных электростанций и низковольтных электросетей в колхозах должно было производиться государственными строительными организациями за счет средств колхозов [12, с. 721]. В этом аспекте обращения граждан являются очень важным источником, который не только демонстрирует мозаичность этого процесса, но и позволяет определить, с какими проблемами приходилось сталкиваться руководству колхозов в решении этих задач. В данном случае комплекс документов наглядно показывает, что проблема состояла не только в нехватке финансов, но и в дефиците оборудования, которое не могли приобрести правления колхозов, а областная власть не оказывала здесь существенной помощи.

Кто прав? Проблема достоверности текста

Также существенным вопросом при работе с письмами является проблема достоверности изложенных фактов. Как уже отмечалось, жалоба — это всегда негатив. И всегда возникает вопрос: насколько правы авторы письма, излагая те или иные факты? Позиция заявителей и ответы чиновников могли не совпадать и демонстрировать совершенно противоположную позицию заявителя и власти.

В качестве примера приведем обращение жительницы Горьковской области, которая обратилась в облисполком летом 1968 г. с требованием выделить ее двум дочерям бесплатные путевки в поселковый лагерь, мотивируя это тем, что сама является инвалидом 3-й группы и имеет маленький оклад. В письме она пыталась использовать такие обороты речи, которые формировали представления о практически голодном существовании детей: «Теперь у меня 2 девочки находятся не в лагере, а дома, что они видят одну сухую норму, а эти директора 20 школы и 9 школы безобразничают нахально, так что через них дети голодают» [2, д. 820, л. 191 об.]. Однако ответ председателя исполкома горсовета от 21 июня 1968 г. в областной исполком свидетельствовал о том, что школьные власти совсем не были безучастны к проблеме этой семьи: де-



вочкам выделили путевки на вторую смену в поселковый лагерь, и при этом в течение учебного года обе девочки были обеспечены бесплатным питанием [Там же, л. 189].

В другом письме жители села Отрадного Мгинского района Ленинградской области жаловались в журнал «Крокодил» в декабре 1960 г., что на 16-й линии имеется только один колодец, вода в котором непригодна для питья. Ответ же чиновника на данное заявление гласил: «Колодец на 16 линии из бетонных колец диаметром 1,0 метра верх крышки требует ремонта, общего ведра нет, глубина более 3-х метров. Вода на вид светлая, имеет привкус фтора, вода пригодна как питьевая. При опросе населения жалоб на воду не поступило» [4, л. 251].

72

Безусловно возникает вопрос: кто излагает более правдивую позицию? Представляется, что здесь большая роль должна принадлежать именно анализу ответов, которые давала исполнительная власть с мест. Эти ответы позволяют увидеть, насколько глубоко чиновники пытались вникнуть в суть излагаемой проблемы. Например, жители села Молдовка Адлерского района жаловались, что на улице Калинина были построены три дома, которые имели туалеты и ванны, но не были подключены к городской канализации, так что нечистоты сливались в выгребную яму, отчего на огородах и улице образовались зловонные лужи [1, д. 2190, л. 60]. В ответе заместителю председателя Краснодарского крайисполкома заместитель председателя исполкома горсовета утверждал, что дома оборудованы выгребной канализацией и отмечал: согласно договору, Адлерским участком спецхозяйства с января 1972 г. жидкие нечистоты в этих домах вывозятся ежедневно [Там же, л. 62]. Если в случае с обращением жителей села Отрадного еще можно говорить о субъективной стороне оценки качества воды, то во втором случае представляется, что заявителями описано реальное положение дел. Вряд ли жители улицы Калинина начали бы втягиваться в тяжбы с местной властью, если бы не испытывали постоянного неудобства: «в огороде стоит озеро из нечистот, деревья гибнут, в воздухе стоит вонь» [Там же, л. 60]. Местная власть вместо того, чтобы изучить причину и выявить возможные недостатки устройства выгребной ямы, «на голубом глазу» убеждала, что всё в порядке и нечистоты вывозятся. Можно предположить, что такой ответ был дан из кабинета, а на место никто даже не выезжал.

При этом для выявления правдой стороны очень важен контекст, в котором находится тот или иной ответ. Например, в случае с жалобой жителей села Отрадного заявители одновременно обращали внимание на отсутствие в селе бани и канализации: «Детей приходится возить на пригородном поезде в бани города Ленинграда, но это не очень легко» [4, л. 250]. Чиновник соглашался с фактом отсутствия бани, но при этом не видел в этом проблемы, так как имелась «баня при Механическом заводе от центра поселка в 2—3 км. Мощность бани на 28 мест, работает в неделю 4 дня, два дня моются мужчины и два дня женщины», а канализацию вообще считал ненужной, так как «больших 2—4 этажных зданий нет, а имеются в основном одноэтажные деревянные домики (частный сектор), при которых имеются выгребные уборные» [Там же, л. 251]. Представляется, что и в этом случае мы имеем дело не с субъективной



оценкой качества воды, а с бюрократическим формализмом, если чиновник считал вполне нормальным посещение не очень большой по размеру бани в другом поселке.

Зачастую граждане получали на свою просьбу или проблему совершенно формальный отказ со стандартной формулировкой: «не представляется возможным из-за отсутствия средств» или «не планируется». В этом отношении весьма показательны обращения жителя города Горького Мячева Григория Ивановича, который в письме на имя заместителя председателя Горьковского облисполкома Крохина М. В. в 1961 г. жаловался на формальные отписки исполнительной власти. Судя по письму, Мячев жил в аварийном доме, который стоял в плане на снос, а жильцов планировалось переселить, но дожидаться этого радостного события они не могли. При этом в доме было очень холодно, все усилия печного отопления уходило на ветер. По словам автора письма, он с пониманием относился к тому, что всех сразу переселить невозможно, но при этом просил произвести работы по утеплению дома. На обращения была получена формальная отписка: «Дом аварийный, переселить не представляется возможным, а ремонтировать аварийные дома запрещено» [2, д. 6981, л. 182]. Как свидетельствуют дальнейшие обращения заявителя, решения вопроса на уровне областной власти тов. Мячев не получил, и с этим вопросом обращался уже к председателю Совета министров РСФСР Д. С. Полянскому. В своем обращении Мячев жаловался: «Сжигаю за зиму по 12–15 кубометров дров, а температура не поднимается выше 12 градусов, и это в эту сравнительно теплую зиму» [Там же, л. 184]. Следующее письмо, адресованное на сей раз редактору газеты «Известия» А. И. Аджубею, свидетельствует, что и из Совета министров РСФСР он получил такую же формальную отписку: «Мне понятно, что невозможно читать тов. Полянскому все письма, поступающие на его имя, но почему тогда лица, коим поручено принимать решения по корреспонденции, поступающей на его имя, бюрократически отписываются, иначе прилагаемый ответ расценивать нельзя» [Там же, л. 185]. При этом заявитель отмечал, что подобные ответы наносят вред авторитету советской власти: «такие действия и ответы убивают веру в справедливость, сеют сомнения в возможность обратиться к членам Правительства». В конце письма он заявлял: «Я обратился к Вам А. И. за помощью, уж не за улучшением жилищных условий или положительного ответа, а помочь изжить не нужные и даже обидные ответы, которые я получил от заведующего группой писем Совета Министров РСФСР тов. Назарова» [Там же, л. 185]. Как видим, все эти неоднократные обращения в разные высокие инстанции были переправлены опять на уровень областной власти и оказались в одной папке с письмами.

Обращения граждан и эффективность диалога

Анализ такого комплекса документов позволяет проанализировать сам механизм диалога, оценить стремление власти объяснить свои шаги. Исполнительная власть, принимая определенные решения, порой совершенно не торопилась общаться с народом, разъяснять те или иные действия, причины введенных запретов и начинала контактировать с



населением только после того, как граждане обращались в высокую инстанцию. Характерный пример — обращение в редакцию газеты «Сельская жизнь» жителей города Белореченского Краснодарского края, которые в недоумении интересовались, почему власти летом 1971 г. запретили горожанам продавать овощи пассажирам на местном железнодорожном вокзале и вывозить сельскохозяйственную продукцию в близлежащие и другие города, а также почему были установлены низкие закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию [1, д. 2168, л. 93—94]. Вопросы граждан выглядели очень красноречиво: «Почему местная власть решила отменить частную собственность?» и при этом в качестве тяжелой артиллерии использовались предстоящие выборы: «И с какой же душой вся моя семья и звено, а в нем не менее 25 человек (я имею тех кто постоянно ходит на работу), будем отдавать голоса во время голосования в Верховный Совет, так и местные органы?» [Там же, л. 94]. Надо отметить, что власть очень внимательно отнеслась к этим угрозам, в копии письма они подчеркнуты черной ручкой. Народ в этот период хорошо знал, на какие болевые точки нужно давить. Копию письма сопровождают два документа: письмо в Белореченский райисполком за подписью председателя крайисполкома С. Медунова и письмо председателя Белореченского райисполкома Н. Морозова уже заместителю председателю крайисполкома. Из этих документов очень четко видна причина ограничений: запрет на продажу сельскохозяйственной продукции был введен из-за угрозы распространения ящура, вспышка которого произошла в мае 1971 г. в Крыму, Грузии, Ростовской области. Письмо Н. Морозова также свидетельствует, что запрет на продажу продукции на перроне станции был введен в целях предупреждения несчастных случаев. В этом же письме сообщалось, что с автором письма В. Б. Гарбузовым была проведена беседа, в которой было разъяснено насчет ящура, и дано обещание организовать место торговли овощами [Там же, л. 97].

При этом следует отметить, что вспышки ящура в СССР происходили периодически, и, собственно, не держались в глубокой тайне. В других регионах в широкой печати на эту тему даже публиковались отдельные статьи, которые разъясняли опасность этой инфекции. Например, публикация «Ящур — опасная болезнь» в газете «Гатчинская правда» в 1959 г. разъясняла, что одной из мер борьбы с ящуром был карантин на ввоз и вывоз продуктов: «В хозяйствах неблагополучных по ящурю, устанавливается карантин, запрещающий ввоз и вывоз восприимчивых к ящурю животных, сырых продуктов животноводства, мяса, молока, а также грубых кормов» [17]. Представляется, что неслучайно в фильме «Кавказская пленница», который снимался в 1966 г., эпидемия ящура использовалась как повод для мнимых прививок — образ опасной болезни не должен был вызвать вопросов у малообразованных злоумышленников. В случае с вспышкой в Белореченском в 1971 г. власти очень слабо работали с населением. Если даже предположить, что гражданам сообщалось об эпидемии ящура и объяснялись причины запрета вывоза сельхозпродукции, этой работы явно было недостаточно. Понятно, что запрет затрагивал серьезные имущественные интересы жителей, планировавших получить дополнительный доход, о чем они, собственно, и



писали в письме: «Все свободное время мы не идем в кино, ни в театр, а в другой раз и не поспишь. Ведь в колхозе работа с утра до вечера, да и дома вырастить пораньше и продать подороже, если не в своем городе, то в другом» [1, д. 2168, л. 93]. И в данной ситуации власти должны были предвидеть негативную реакцию населения — ведь людям хочется жить счастливо здесь и сейчас.

Следует констатировать, что процесс принятия непопулярных решений (а власть иногда вынуждена их принимать; более того, наше общество еще хорошо помнит множество непопулярных решений в ковидные времена) требует особой работы с общественным мнением, просвещения населения, выработки адекватных мер по компенсации убытков. Возможно, в данном случае требовалось заранее оповестить население о планах устройства рынка, но исполнительная власть ограничилась бюрократическим переключиванием бумаг.

Заключение

Обращения граждан в различные структуры власти в 1950—1960-е гг. являются ярким свидетельством неравномерности протекания социальных процессов. Достижения урбанизации доходили до советских граждан с разной скоростью. При этом письма показывают, что люди не могли достичь внятного понимания причин различных условий жизни, хотя расстояние между цивилизацией и «керосиновой лампой» могло составлять всего несколько километров. Ментальные реакции общества весьма характерны и демонстрируют специфику сложившегося общественного сознания к 1960-м гг. Одновременно комплексный подход к анализу текста письма как элемента делопроизводства исполнительной власти позволяет проследить механизм взаимоотношения общества и власти. Бюрократические механизмы четко фиксировали этапы прохождения писем по инстанциям и решения конкретных советских чиновников по содержанию обращений. Весьма информативно включение в анализ всех, даже вспомогательных, сопроводительных документов. Так или иначе итог обращения мог быть различным — не всегда письмо даже в самые высокие инстанции помогало решать проблему.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01217 «Советская повседневная жизнь в письмах граждан во власть 1950 – 70-х годов», <https://www.rscf.ru/project/24-28-01217/>.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 687. Оп. 3.
2. Государственный архив Нижегородской области (ГАОНО). Ф. 3074. Оп. 1.
3. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5446. Оп. 95. Д. 1125.
4. Государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 7179. Оп. 56. Д. 742.
5. Даренская И. В. «Письма во власть» как источник анализа отношений власти и общества в 1920—30-е гг. // Запад, Восток и Россия: Вопросы всеобщей истории. Екатеринбург, 2013. Вып. 15. С. 31—36.



6. Кедров Н. Г. Крестьянские «письма во власть» как форма политической репрезентации (на материалах северной деревни 1930-х гг.) // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы: источники и методы исследования. 2011. №1. С. 337–343.

7. Кулавиг Э. «Дайте на достойное жилье!» Проблемы жилищного строительства в СССР в эпохи Н. Хрущева // Эстетика «оттепели» / под ред. О. В. Казаковой. М., 2013. С. 134–143.

8. Лившин А. Я. Настроения и политические эмоции в Советской России. 1917–1932. М., 2010.

9. Лившин А. Я. Эффективность реквизиционной и налоговой политики в 1917–1927 годах в письмах «во власть» // Вестник Пермского университета. История. 2020. №3 (50). С. 139–150.

10. Лопаткин И. Н., Хисамутдинова Р. Р. Электрификация оренбургского села в 1959–1965 годы // Известия Юго-Западного государственного университета. Сер.: История и право. 2023. Т. 13, №4. С. 133–148.

11. Меерович М. Г. Уникальность урбанизации в СССР // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2015. №2 (49). С. 9–16.

12. Об электрификации сельского хозяйства СССР в 1961–1965 годах : постановление Совета министров СССР от 21 февраля 1961 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам : в 5 т. М., 1968. Т. 4 : 1953–1961 гг. С. 720–726.

13. О дальнейшем развитии газовой промышленности и газоснабжения предприятий и городов СССР (извлечение) : постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР от 15 августа 1958 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам : в 5 т. М., 1968. Т. 4 : 1953–1961 гг. С. 442–455.

14. Петрова Т. М. Критический анализ дискурса советских дневников и «писем во власть» как инструмент для изучения общественных настроений о Н. С. Хрущеве (1953–1964 годы) // Исторический курьер. 2022. №6 (26). С. 135–145.

15. Подсвинова А. В. Особенности формирования малых городов России в условиях догоняющей модернизации: проблемы и специфика управления // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2016. №4. С. 265–270.

16. Рожков А. Ю., Мамонтова О. А. Письма «во власть» как исторический источник изучения социальных проблем студенчества в Советской России 1920-х гг. // Общество: философия, история, культура. 2019. №1 (57). С. 85–93.

17. Сергапольцев Д. Яшур – опасная болезнь // Гатчинская правда. 1959. №105. 30 мая. С. 3.

18. Соколо А. К., Бокарев Ю. П., Борисова Л. В. Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика / под. ред. А. К. Соколова. М., 2004.

19. Федченко М. Н. Повседневная жизнь советского человека (1945–1991). Курган, 2009.

Об авторе

Ольга Дмитриевна Попова – д-р ист. наук, профессор кафедры истории России и методики обучения истории и обществознанию, Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина.

E-mail: od-popova@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5131-7970>



O. D. Popova

**CITIZENS' APPEALS WITHIN THE SYSTEM
OF DOCUMENTATION MANAGEMENT
OF THE EXECUTIVE AUTHORITIES IN 1960s – 1970s**

Ryazan State University named for S. Yesenin, Russia

Received 27 June 2024

Accepted 23 October 2024

doi: 10.5922/vestnikhum-2024-4-6

77

To cite this article: Popova O.D., 2024, Citizens' appeals within the system of documentation management of the executive authorities in 1960s – 1970s, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №4. P. 64 – 77. doi: 10.5922/vestnikhum-2024-4-6.

The article studies complexes of documents that were compiled in the Executive Authorities' Archives and that are connected with citizens' appeals to different authorities. The author reveals that it was the local executive bodies that chiefly processed citizens' appeals, most of which were returned to the Executive Committee for them to be finally solved. Such applications concerned first of all citizens' particular daily needs, such as electricity and food products supply, public utilities. The data collected from the Krasnodar Region Archive, The Nizhny Novgorod Region Archive and The Saint Petersburg Archive allow considering what constitutes the principal sources of the documents on the history of everyday life. The important information can be found in the complexes of documents, each of which concerns a particular type of letter, such as covering letters from an editorial office or the central governmental body, and explanatory letters of local governmental bodies. Such complexes make it possible to trace the mechanism of the interaction between government and society, to single out the participants of this dialogue and its duration. The mentioned documents show that citizens' appeals to different authorities can reveal the mosaic pattern of the social space in 1960–1970s, moreover it ascertains how much time it took to solve everyday problems and why people had to knock on every door to get their simple needs satisfied.

Keywords: citizens' appeals, executive authorities, a dialogue between the government and the citizens, Soviet everyday life

The author

Prof. Olga D. Popova, Professor of (and Head of) Department of Russian History and History and Social Studies Teaching Methodology, Ryazan State University named for S. Yesenin, Russia.

E-mail: od-popova@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5131-7970>

УДК 327+339.564:37

М. Н. Лисогор

**ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ
ЭКСПОРТА ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ**

78

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Поступила в редакцию 15.05.2024 г.

Принята к публикации 27.11.2024 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2024-4-7

Для цитирования: Лисогор М. Н. Внешнеполитическое измерение концепции экспорта высшего образования // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2024. №4. С. 78–88. doi: 10.5922/vestnikhum-2024-4-7.

Объектом исследования являются международные отношения в контексте образовательной миграции. Теоретическая основа включает в себя концепции «мягкой силы» и «умной силы», интернационализации образования, культурного обмена и научной дипломатии. Рассмотрены исторические аспекты, а также современные тенденции в развитии высшего образования и международных отношений. Определены состояние и динамика экспорта образовательных услуг с точки зрения распространения «мягкой силы» в российской внешней политике. Обоснована важность экспорта образования как способа воздействия на политические элиты и общества. Сделан вывод о важности повышения качества образования как экспортного продукта России для того, чтобы укрепить его ценность на международном уровне и, соответственно, улучшить имидж России как дружественного государства.

Ключевые слова: экспорт образования, дипломатия знаний, научная дипломатия, образовательная миграция, интернационализация образования

Вопросы экспорта высшего образования, как правило, рассматриваются с позиции экономического расширения рынка или с позиции увеличения политического влияния государства-экспортера. Центральными понятиями в рассуждениях о проблемах экспорта высшего образования выступают «мягкая сила» и «умная сила». В терминах современной теории международных отношений экспорт высшего образования оказывается не самостоятельным направлением внешнеэкономической и политической деятельности государства, а всегда подчиненным другим задачам. Одновременно сложности концептуализации этих ключе-



вых понятий затрудняют артикуляцию конкретных прикладных задач экспорта высшего образования. Является ли высшее образование наиболее важным и мощным силовым ресурсом современного государства?

Джозеф Най ввел понятие «мягкая сила» в конце 1980-х гг. Сейчас его часто (и нередко манипулятивно) используют политические лидеры, журналисты и ученые по всему миру. «Мягкая сила» заключается в способности привлекать и убеждать. В то время как «твердая сила» — способность принуждения — вырастает из военной или экономической мощи страны, мягкая сила возникает из привлекательности культуры, политических идеалов и политики. «Твердая сила» остается решающей в мире государств, пытающихся защитить свою независимость, и негосударственных группировок, готовых прибегнуть к насилию.

Логическое противопоставление «твердой» и «мягкой силы» в международных делах не является чем-то инновационным для XXI столетия. Е. В. Пименова пишет:

Основные принципы внешней культурной политики как инструмента влияния на международную повестку стали изобретением гораздо более раннего периода. По большому счету прообраз «мягкой силы» в нашем нынешнем понимании сложился в колониальную эпоху, когда перед метрополиями впервые встала долгосрочная задача формирования местной лояльной элиты на покоренных территориях. Ее подготовка и воспитание осуществлялись посредством экспорта образовательных стандартов, культурных норм, языка, ключевых принципов государственного управления. Элементы целенаправленной внешней культурной политики можно усмотреть и в еще более раннюю эпоху: примером доколониальной «мягкой силы» может служить христианское миссионерство в VII—XIV вв. Тогда речь шла о расширении ареала христианской веры, а соответственно, и сфер политического влияния Рима и Константинополя [16, с. 59].

Известно, что основным компонентом германской «мягкой силы» на рубеже XIX—XX вв. были образование и наука. А. В. Торкунов прямо пишет о том, что «Советский Союз долгое время успешно использовал высшее образование в качестве инструмента геополитики и “идеологического оружия” в условиях блокового противостояния и холодной войны еще задолго до возникновения самого понятия» [21, с. 88—89]. В связи с этим небезынтересен опыт ФРГ и ГДР в эпоху идеологического противоборства. Е. В. Пименова описывает его так: «Самым значительным шагом во внешней культурной политике стало создание в 1951 г. Гёте-института — организации, призванной работать в сфере продвижения немецкого языка и немецкой культуры за рубежом, активно работающей и сегодня. ГДР стремилась не отставать от ФРГ в этом вопросе. В 1956 г. в Лейпциге на базе университета Карла Маркса был создан Гердер-институт (Herder-Institut). Он задумывался как полный аналог Гёте-института, противопоставляя при этом свою деятельность «культурному империализму», пропагандируемому ФРГ» [16, с. 61].

Первый масштабный рейтинг «мягкой силы» государств был составлен в 2010 г. журналом «Монокль» совместно с британской независимой благотворительной организацией *The Institute for Government* [8, с. 423].



Ныне ведущий рейтинг — это *Global Soft Power Index* [1, с. 198]. В 2020 г. в этой системе Россия заняла десятое место, в 2021 г. потеряла три позиции и заняла 13-е место, а в 2022 г., после начала специальной военной операции на Украине, была исключена из рейтинга [7, с. 37].

В 2004 г. Дж. Най ввел в научный оборот понятие «умная сила» (*smart power*). Он применил это понятие для того, чтобы скорректировать неверное восприятие «мягкой силы» как единственного средства эффективной внешней политики [15, с. 59]. Для более глубокого понимания практики реализации «мягкой силы» следует учитывать содержание «умной силы», которая предполагает рациональное распределение ресурсов между *soft power* и *hard power* [8, с. 421]. По большому счету эти понятия до сих пор остаются, скорее, несовершенными метафорами, нежели фундаментальными понятиями современной теории международных отношений. Вместе с тем большинство политиков и политологов интуитивно верно понимают содержательные различия этих понятий.

Министр иностранных дел России (в 1998—2004 гг.) И. С. Иванов отмечает, что в условиях снижения значимости традиционных инструментов внешней политики для повышения международного влияния страны необходим переход к «умной» внешней политике с акцентом на использование нематериальных активов, таких как образование [10].

Смещение фокуса внимания на гуманитарные аспекты внешней политики и дипломатии требует глубокой проработки. Как отмечает М. М. Лебедева, «человеческий фактор стал важнейшей составляющей военно-политической и международно-экономической проблематики... однако современные исследования социальной и гуманитарной проблематики пока не отвечают той роли, которую приобрел сегодня человек в мировой политике» [12, с. 7]. Действительно, «мягкая сила» сегодня выглядит как глобальное явление, атрибут современной внешней политики.

Малые страны и даже некоторые микросоударства, лишённые возможностей «твёрдой силы», обращаются к специфическим инструментам «силы мягкой». Г. Холик выделяет следующие ее разновидности:

экономическая «мягкая сила» (*economic soft power*) — инвестиционная и финансовая привлекательность государства; гуманитарная «мягкая сила» (*human capital soft power*) — привлекательность образовательной системы, научной и технологической деятельности; культурная «мягкая сила» (*cultural soft power*) — международное признание культурного наследия государства; расширение межкультурных коммуникаций; популяризация национального языка; туристическая привлекательность; политическая «мягкая сила» (*political soft power*) — развитие политических институтов демократии; защита прав человека; дипломатическая «мягкая сила» (*diplomatic soft power*) — эффективность переговорного процесса; способность к предотвращению агрессии; нейтрализация угроз [см.: 24; цит. по.: 8, с. 420—421].

Примечательно, что частью каждой из разновидностей «мягкой силы» так или иначе выступает образование.

Дж. Найт полагает, что «международное высшее образование традиционно не считается игрой победителей и проигравших — оно ориен-



тировано на обмен и партнерство и основывается на сильных сторонах стран /высших учебных заведений и научно-исследовательских учреждений. Кроме того, оно дает решения и преимущества для всех игроков, заранее признающих, что выгоды будут отличаться среди участников процесса» [25, р. 48]. Отсюда возникает резонный вопрос: в какой мере образование само по себе может выступать в качестве силового ресурса?

По всей видимости, ответ на этот вопрос стоит искать в инструментализме публичной и культурной дипломатии. В широком контексте «культурная дипломатия — это государственная политика, направленная в рамках внешней политики на экспорт репрезентативных данных национальной культуры и на взаимодействие с другими странами в этой же культурной сфере» [19, с. 31]. В.А. Долинский отмечает, что «в международном академическом сообществе существует консенсус относительно международных образовательных обменов как ключевого инструмента публичной дипломатии» [6, с. 57]. Дж. Найт выдвигает концепцию «дипломатии знаний» (knowledge diplomacy) и оперирует понятиями рынка образовательных услуг [26]. Р.О. Райнхардт полагает трансграничный оборот образовательных услуг «инструментом международного научно-технического сотрудничества» [17, с. 386].

Ведущая мировая тенденция в сфере высшего образования — его интернационализация. В самом общем виде под интернационализацией понимается процесс, реализуемый на национальном, секторальном и институциональном уровнях, при котором цели, функции и организация предоставления образовательных услуг приобретают международное измерение [11, с. 98]. Этот процесс подразумевает активизацию международных связей субъектов образовательной деятельности, сближение национальных образовательных пространств и увеличение поля сопряжения интересов государств и неправительственных организаций в сфере образования. Соответственно, выделяют два крупных аспекта интернационализации: внутренний — адаптация национальных систем образования к новым условиям проницаемости границ и внешний — собственно экспортно-импортные трансграничные поставки образовательных услуг различного типа. «Необходимо отметить, что развитие стратегии интернационализации образования в Российской Федерации в целом реализуется с учетом мировых тенденций. Основные формы поддержки интернационализации российской высшей школы реализуются по программно-целевому принципу» [3, с. 10].

И.И. Жуковский выделяет три крупных этапа интернационализации образования: этап фондов, этап международных университетов и этап массовых онлайн-курсов [9, с. 27]. С нашей точки зрения, эти этапы, возникая в указанном хронологическом порядке, породили институты, ныне существующие одновременно и в какой-то мере порождающие избыточную конкуренцию предложения. При этом «...негативным моментом является то, что всем государственным программам по интернационализации не хватает “прозрачности”. Более того, отсутствует единый методологический подход к оценке их эффективности» [3, с. 10].

Сугубо экономический подход к процессам интернационализации образования как к экспорту образовательных услуг, потребляемых в момент их производства, далеко не в полной мере отражает сущность



самого явления и тем более не способен объяснить преференциальный характер отношений производителя и потребителя. «Относительно экспорта образования исследователи отмечают неопределенность этого понятия. В целом речь идет о включении иностранных обучающихся в образовательное пространство того или иного государства. При этом значение имеет ряд сопутствующих обстоятельств: повышение международного влияния, прибыль от образовательной деятельности, повышение престижа страны и ее образовательной системы и др.» [23, с. 139]. Возможным представляется рассмотрение экспорта образования в качестве важной составляющей «мягкой силы» — воздействия посредством культуры и образования на определенные общности, включая распространение ценностных установок, мировоззренческих позиций, позитивного отношения к стране — поставщику образовательных услуг. Также стоит принимать в расчет, что строгая эконометрика в отношении экспорта образования, как правило, не выдерживает капиталистической критики. Например, «рассмотрение финансовых выгод от иностранных обучающихся для университетов не учитывает издержек от их обучения. Вопросы “мягкой силы” обладают значительной спецификой, и их связь с экспортом образования не всегда безусловна. Также не является безусловной гарантией экономического роста поиск его источников за пределами этого общества» [Там же, с. 140]. Таким образом, мы приходим к общему выводу о слабости понятия «экспорт образования» как экономической категории.

Российский опыт наглядно иллюстрирует значительный перевес в пользу международно-политической интерпретации концепции экспорта образования по сравнению с политэкономической интерпретацией. Р. О. Райнхардт, сопоставляя содержание российских внешнеполитических концепций, выделяет два крупных этапа в формировании экспортно-ориентированной образовательной политики России. «Для первого (1996 — середина 2000-х годов) характерен переход от либеральной парадигмы к реалистской, определенная политизация, постановка во главу угла национальных интересов. Второму этапу (середина 2000-х — 2016 годам) присуща переориентация на экономическое изменение международного научно-технического сотрудничества при четком формировании научной дипломатии как концепта в его современном виде» [17, с. 385].

Политические и экономические задачи изначально ставились перед субъектами экспортной деятельности в сфере образования. Вместе с тем в течение всего первого десятилетия XXI в. ясности в расстановке приоритетов не наблюдалось. Маркетинговая стратегия российских вузов зачастую ограничивалась выполнением плана конгрессно-выставочной деятельности, для многих участников такая активность за пределами национальных границ стремительно теряла привлекательность в силу возрастающих затрат. «Стратегия расширения возможностей предполагает увеличение экспортного потенциала отечественного образования не только как одной из весомых статей дохода государственного бюджета за счет комплексного решения ряда задач административно-организационной, нормативно-правовой, финансово-экономической, учебно-методической направленности, но и применения технологии



“мягкой силы”» [3, с. 9]. Перенос веса в сторону государственнической позиции позволил сформулировать российским агентам внешней образовательной деятельности смыслы активности за рубежом.

Без сомнения, участники международного научно-образовательного взаимодействия следуют внешнеполитической парадигме «материнского» государства и сформируют внешнеполитическую повестку дня в регионах своего присутствия. Соответственно, рациональной моделью поведения для государств является обеспечение своего наибольшего научно-образовательного присутствия в приоритетном с точки зрения внешней политики регионе, а для участников международного научно-образовательного сотрудничества — максимально следовать векторам внешней политики «материнского» государства [9, с. 24].

Ближе к концу первого десятилетия нового века оформились основные субъекты российской экспортно-образовательной деятельности и начала (хотя и медленно) выстраиваться целостная инфраструктура экспорта образования.

Среди проявляющих в настоящее время наибольшую активность субъектов реализации «мягкой силы» России выделим следующие: органы федеральной государственной власти, прежде всего — Российский МИД и Россотрудничество; негосударственные институции и неправительственные общественные объединения, такие как Институт Содружества независимых государств, Институт стратегических оценок и анализа, Совет по внешней и оборонной политике (СВОП), фонд «Политика», фонд развития гражданского общества и др.; средства массовой информации, в первую очередь — МИА «Россия сегодня»; ведущие университеты: МГУ им. Ломоносова, МГИМО, СПбГУ, РУДН и др.; религиозные организации: Русская православная церковь, Центральное духовное правление мусульман, Совет муфтиев России, Координационный центр мусульман Северного Кавказа и др.; организации социально-культурной деятельности, которые проявляют явно недостаточную инициативу [22, с. 95].

Процессы глобализации и интернационализации образовательных продуктов привели к тому, что за последние годы резко возросла роль университетов в политической, экономической, культурной и социальной сферах. Большое количество стран мира используют модель глобального научно-исследовательского университета (global research university), которая способствует созданию, созданию и распространению новых научных знаний, навыков и умений, а также их эффективному использованию в научно-технической, научной, инновационной и управленческой деятельности.

И. И. Жуковский полагает, что «пик присутствия филиалов разнообразных российских государственных (19 филиалов) и негосударственных (18 филиалов) университетов за рубежом пришелся на 2006 год. В то же время как формат получения образования, так и качество работы подавляющего большинства указанных филиалов, не позволяют отнести эти образовательные инициативы к категории релевантных: общего с настоящими международными университетами, которые ока-



зывают влияние на политический климат в двусторонних отношениях, имели немного» [9, с. 32]. Стоит согласиться с оценкой И. И. Жуковского, что «релевантными к рассматриваемой категории “международного университета” могут являться только существующие четыре российско-национальных (славянских) университета, идеология создания которых предусматривает создание российского международного университета, самостоятельно работающего в принимающей юрисдикции» [Там же]. Эксперты отрасли чаще всего называют наиболее успешным опыт филиала МГУ в Астане и Кыргызско-славянского университета им. Б. Н. Ельцина [5, с. 579]. Наряду с российскими университетами заметными игроками в деле продвижения российских образовательных продуктов являются Фонд Горчакова, Фонд «Русский мир», РСМД, Росмолодежь [6, с. 59]. Ведущим инструментом реализации «мягкой силы» РФ за рубежом — в целом и на пространстве СНГ — в частности, является компания Россотрудничество (Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству), учрежденное в 2008 г. [17, с. 394].

Ближе к концу второго десятилетия XXI в. российскими властями были приняты некоторые документы стратегического планирования в области экспорта образования. В 2017 г. началась реализация проекта «Экспорт образования». «Ключевая цель проекта — повышение привлекательности и конкурентоспособности российского образования на международном рынке образовательных услуг и, таким образом, решение задачи наращивания несырьевого экспорта Российской Федерации» [20, с. 19]. В 2019 г. была принята Стратегия развития экспорта услуг до 2025 г., в которой немалое значение придано экспорту образования, прежде всего в страны постсоветского пространства.

В развитие национальных проектов в 2021 г. была запущена Стратегическая инициатива Правительства Российской Федерации «Россия — привлекательная для учебы и работы страна». Данный проект курирует Министерство экономического развития России. Данная инициатива предполагает достижение следующих эффектов: повышение качества миграционного потока, упрощение доступа к госуслугам для иностранцев и улучшение имиджа России в мире. Мероприятия инициативы направлены на наращивание потока иностранцев в Россию для учебы и работы. В частности, предусматривается грантовая поддержка иностранных студентов [23, с. 143].

Несмотря на существующую институциональную инфраструктуру, Россия добилась относительно скромных успехов в продвижении экспорта образования даже на постсоветском пространстве. «В 1990 г. в Советском Союзе проходили обучение 126,7 тыс. студентов из зарубежных стран (при том что страны СНГ на тот момент входили в состав СССР и в данную статистику не попадали), что составляло 10,8 % иностранных студентов во всем мире. После 1991 г. количество иностранных студентов резко сократилось (73,1 в 1995/96 гг.), что было связано с уменьшением территории и социально-экономическим кризисом» [5, с. 578].



По предположению А.В. Торкунова, выдвинутому в 2012 г. число иностранных студентов в России к 2025 г. могло бы составить до 8 млн чел. [21, с. 86]. Активная политика привлечения иностранных студентов позволила к 2017 г. превзойти показатели СССР почти вдвое – 240 тыс. чел., правда почти 57 % прибыли из государств СНГ [5, с. 579]. Еще через 5 лет общее количество иностранных студентов в стране составило 395 263 чел. Это пиковый показатель. Уже в 2022 г. число иностранных студентов уменьшилось более чем на 40 тыс. чел. По оценке экспертов, в 2023 г. число студентов-иностранцев не превышало 356 тыс. чел. [4]. По данным исследовательского проекта *Project Atlas*, Россия на 2023 г. занимала шестое место в мире по количеству иностранных студентов [18]. При этом отставание от лидеров – США, Великобритании и Канады – значительное, более чем в два раза. Если США контролируют порядка 25 % мирового рынка образовательных услуг, то России принадлежит чуть больше 6 %. Россия по числу иностранных студентов на 2016 г. была сопоставима с Францией или Австралией [2, с. 19] и остается таковой до сих пор. Согласно указу президента В.В. Путина «О национальных целях развития РФ», количество иностранных студентов в РФ к 2030 г. должно вырасти до 500 тыс. чел. По мнению министра науки и высшего образования В.Н. Фалькова, для увеличения этого показателя в 1,4 раза нужно искать новые решения [4].

«Если реалистично смотреть на вещи, лишь ведущие российские университеты являются глобально конкурентоспособными, а значит, способны привлекать наиболее перспективных абитуриентов и предоставлять им образование мирового уровня. Большинство же такими не являются. В результате получается, что российский бюджет оплачивает обучение не самых высокопотенциальных студентов в не самых лучших университетах» [6, с. 58]. В свое время Д.В. Ливанов констатировал, что российская сторона неоднократно получала жалобы от принимающих государств по поводу низкого качества образовательных услуг в филиалах российских вузов [13]. «Низкое качество подготовки иностранных студентов отрицательно сказывается на имидже российского образования. На бюджетной основе необходимо принимать иностранных студентов на условиях конкурсного отбора. Обеспечить возможность трудоустройства лучших иностранных студентов на территории РФ и упростить для них порядок получения российского гражданства» [14, с. 159]. «Не очень прозрачным выглядит механизм отбора иностранных студентов в российские университеты. В отличие от похожих зарубежных программ, нет четко обозначенных публичных процедур и критериев отбора. Это не только снижает качество непосредственного процесса отбора привлекаемых студентов, но и в принципе существенно снижает привлекательность программ: наиболее сильные кандидаты выбирают более прозрачные программы, что уже на первом этапе снижает конкурентоспособность пула потенциальных участников» [6, с. 58].

Существенным препятствием конвертации привлекательности российского высшего образования в реальное политическое влияние на постсоветском пространстве выступает изменение восприятия России. Различные социологические опросы, проводившиеся в странах СНГ, выявляют не только твердую тенденцию на падение ее авторитета, но и



негативное восприятие России как дружественного государства. «Такие настроения не могут не отразиться на политике правящих структур в этих странах, независимая или же “многовекторная” политика которых, в свою очередь, приводит к ужесточению российской политики. Клубок противоречий между странами только растет, что и может привести к радикальной смене внешнеполитического вектора многих бывших про-российских государств» [7, с. 37].

Анализ факторов, препятствующих успешной реализации «мягкой силы» через механизмы экспорта высшего образования, показывает жесткую зависимость деятельности субъектов экспорта от факторов, которые ими не контролируются. Экспорт образования как часть культурной дипломатии, выполняющей функцию «мягкой силы», находится почти в полной зависимости от политической конъюнктуры и не может претендовать на статус самостоятельного силового ресурса государства. Функциональное назначение экспорта образования во внешней политике — решение долгосрочных задач гуманитарного характера. Само по себе увеличение или уменьшение числа иностранных студентов в стране или зарубежных филиалов университетов определяет качество институциональной инфраструктуры, но не может выступать единственным критерием оценки успешности экспорта. Природа образования как услуги, имеющей длительные потребительские свойства, позволяет рассматривать ее как механизм «мягкой силы», который со временем утрачивает меру своего воздействия, нуждается в постоянной поддержке потребителей. Спецификация экспорта образования по регионам — непереносимое условие его успешности, поэтому ее недоучет (по всей видимости, даже странового уровня) пока не позволяет России достичь значимых успехов на постсоветском пространстве при наличии значительного потенциала, часто несопоставимого с другими международными акторами.

Список литературы

1. Антюхова Е. А. Образование как «мягкая сила» в современных зарубежных и российских политологических исследованиях // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23, №4. С. 197–209.
2. Бобыло А. М. Политика интернационализации высшего образования в странах АТР как инструмент «Мягкой силы» (на примере США, КНР, Сингапура и РФ) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2017. №1 (40). С. 18–29.
3. Бондаренко В. В., Заугаров В. В., Селезнев П. С., Юдина В. А. Концепция совершенствования университетского обучения иностранных студентов в Российской Федерации в рамках политики «мягкой силы» // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2018. №5 (35). С. 6–18.
4. В российских вузах обучается почти 356 000 иностранцев, и их становится больше. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2024/05/27/1039611-v-rossiiskih-vuzah-obuchaetsya-pochti-356-000-inostrantsev> (дата обращения: 28.05.2024).
5. Герасимова В. А. Инструменты и ресурсы «мягкой силы» России на пространстве СНГ // Постсоветские исследования. 2018. Т. 1, №6. С. 574–582.



6. Долинский А. В. Образовательные обмены в публичной дипломатии: российский и зарубежный опыт // Вестник МГИМО-Университета. 2014. №2 (35). С. 56–62.
7. Енгоян А. Сущность «мягкой силы» России в странах СНГ // Вестник Ереванского университета. Международные отношения, политология. 2024. Т. 15, №1 (43). С. 29–41.
8. Ефанова Е. В. Инструменты «мягкой силы» во внешней политике государства // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Политология. 2018. Т. 20, №3. С. 417–426.
9. Жуковский И. И. Эволюция моделей международного научно-образовательного сотрудничества в контексте современных внешнеполитических стратегий // Балтийский регион. 2015. №3. С. 23–37.
10. Иванов И. С. Какая дипломатия нужна России в XXI веке? // Россия и мусульманский мир. 2012. №5. С. 5–15.
11. Концепция экспорта образовательных услуг Российской Федерации на период 2011–2020 гг. // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2010. Т. 5, №1. С. 96–106.
12. Лебедева М. М. Развитие социальной и гуманитарной проблематики в международных исследованиях: российский ракурс // Вестник МГИМО-Университета. 2018. №1 (58). С. 7–25.
13. Ливанов Д. В. Филиалы вузов РФ, дающие некачественное образование, закроют // РИА-Новости. 2014. 16 июля. URL: <http://ria.ru/abitura/20140716/1016172695.html> (дата обращения: 05.05.2024).
14. Мартышенко Н. С. Система образования как важнейший инструмент «мягкой силы» приграничного региона // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2018. Т. 7, №2. С. 156–160.
15. Най Дж. Будущее власти. М., 2014.
16. Пименова Е. В. Закат «мягкой силы»? Эволюция теории и практики soft power // Вестник МГИМО-Университета. 2017. №1 (52). С. 57–66.
17. Райнхардт Р. О. Эволюция концептуальных основ российской научной дипломатии 1996–2016 годов // Научный диалог. 2020. №3. С. 385–401.
18. Россия заняла шестое место в мире по числу иностранных студентов // Ведомости. 2023. 13 марта. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2023/03/13/966139-rossiya-zanyala-6-e-mesto-po-chislu-inostrannih-studentov> (дата обращения: 11.06.2023).
19. Табаринцева-Романова К. М. «Новые» виды дипломатии XXI в.: культурная дипломатия в современном международном дискурсе // Дискурс-Пи. 2019. Т. 16, №3 (36). С. 26–37.
20. Тарасова А. А. Особенности составляющих элементов «мягкой силы» России // Евразийский журнал региональных и политических исследований. 2020. №1 (20). С. 18–23.
21. Торкунов А. В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // Вестник МГИМО (У). 2012. №4. С. 86–89.
22. Чимаров С. Ю. К вопросу о российском облике политики «мягкой силы» // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2018. Т. 216. С. 93–99.
23. Шишков В. В. Государственная политика Российской Федерации по привлечению иностранных студентов 2008–2021 гг. // Власть и управление на Востоке России. 2023. №3 (104). С. 137–146.



24. Holyk G. G. Paper Tiger? Chinese soft power in East Asia // *Political Science Quarterly*. 2011. Vol. 126, №2. P. 223 – 254.
25. Knight J. Knowledge diplomacy in international relations and higher education. Cham, 2022.
26. Knight J. Moving from soft power to knowledge diplomacy // *International Higher Education*. 2015. №8. P. 8 – 9.

Об авторе

Максим Николаевич Лисогор – асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.
E-mail: MLISOGOR@kantiana.ru

88

M. N. Lisogor

THE FOREIGN POLICY DIMENSION OF THE CONCEPT OF EXPORTING HIGHER EDUCATION

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 15 May 2024

Accepted 27 November 2024

doi: 10.5922/vestnikhum-2024-4-7

To cite this article: Lisogor M. N., 2024, The foreign policy dimension of the concept of exporting higher education, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №4. P. 78 – 88. doi: 10.5922/vestnikhum-2024-4-7.

The object of the study is international relations in the context of educational migration. The theoretical basis of the study includes the concepts of “soft power” and “smart power”, internationalisation of education, cultural exchange and scientific diplomacy. Historical aspects, as well as modern trends in higher education and international relations are considered. The state and dynamics of the export of educational services in the context of “soft power” in Russian foreign policy are determined. The author emphasizes the importance of education export as a way to influence political elites and societies, and also comes to the conclusion about the importance of improving the quality of education as an export product of Russia in order to increase its value at the international level, and accordingly, improve the image of Russia as a friendly state.

Keywords: export of education, knowledge diplomacy, scientific diplomacy, educational migration, internationalisation of education

The author

Maksim N. Lisogor, PhD Student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.
E-mail: MLISOGOR@kantiana.ru

А. П. Овчарук

МИЛИТАРИЗАЦИЯ БАЛТИЙСКОГО РЕГИОНА БЛОКОМ НАТО И РИСКИ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН, Москва, Россия

Поступила в редакцию 25.04.2024 г.

Принята к публикации 01.10.2024 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2024-4-8

Для цитирования: Овчарук А. П. Милитаризация Балтийского региона блоком НАТО и риски безопасности России // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2024. №4. С. 89 – 102. doi: 10.5922/vestnikhum-2024-4-8.

Исследована динамика развития отношений стран Балтийского региона, а также влияние на них НАТО и США в условиях формирующегося полицентричного миропорядка. Определены основные риски и угрозы российской региональной безопасности в настоящее время, предложены меры по их локализации и нейтрализации. Спрогнозировано развитие международной обстановки в Балтийском море на среднесрочную перспективу, дана оценка возможным последствиям военной эскалации альянса в регионе для безопасности Калининградской области – стратегически важного субъекта Российской Федерации. На основании результатов данного эмпирического исследования сделан вывод, что государства Балтийского региона – члены НАТО в последнее время изменили свои подходы к обеспечению безопасности на Балтике. В условиях ухудшения для них военно-политических позиций в украинском кризисе они стали форсировать расширение альянса, укреплять его инфраструктуру, проводить активную милитаристскую и провокационную политику, готовиться к вооруженному конфликту с Россией, в том числе с возможным применением ядерного оружия. Это негативно отражается на всей европейской безопасности и существенно ухудшает положение Калининградской области, окруженной враждебными странами. В ходе исследования использовались разные современные методики политической науки с целью выявления признаков наиболее важных рисков, способных нанести России ощутимый политический и экономический ущерб в Балтийском регионе. Для качественного беспристрастного научного анализа происходящих в регионе тенденций, вызовов и угроз безопасности России возникает необходимость в совершенствовании индикативной системы оценки их уровня опасности, определения пороговых значений и направлений развития ситуации в жизненно важных системах, что позволило бы принимать наиболее правильные управленческие решения. В отечественной науке балтийской тематике посвящено немало работ, но в последние годы отмечается заметное снижение публикаций, особенно фундаментальных исследований. Зарубежное научное сообщество рассматривает данную проблему тенденциозно и односторонне, а поэтому не дает объективных и выверенных оценок обстановки. Актуальность темы обусловлена рос-



сийскими стратегическими интересами в Балтийском регионе, непредсказуемостью и быстрой динамикой развития военно-политической ситуации, которая требует постоянного научного осмысления.

Ключевые слова: Балтийский регион, Калининградская область, риски и угрозы безопасности России, НАТО, США

Введение

Балтийский регион, к которому в научной литературе относят Россию, Германию, Данию, Латвию, Литву, Польшу, Финляндию, Швецию и Эстонию, в последние десятилетия сохранял спокойную обстановку и успешно развивался во всех направлениях с перспективой стать международной платформой для сотрудничества, способного благодаря геоэкономическому положению всех региональных государств значительно улучшить их жизненный уровень. Однако с расширением ЕС и НАТО за счет балтийских стран, а также под влиянием США [24, р. 45–46] ситуация начала стремительно меняться в худшую сторону и стала «достаточно сложной» [12, с. 4]. Страны Балтийского региона в современных военно-политических отношениях «приобретают особое значение для НАТО, поскольку они обеспечивают альянсу потенциальный контроль над Балтийским морем и делают проблематичным для России свободный доступ к Калининграду» [1, с. 28].

По оценке заместителя министра иностранных дел России А. В. Грушко, «из транспортного перекрестка регион Балтики превращается в транспортный тупик» и здесь создаются «предпосылки к военному противостоянию» [16]. Сегодня регион сталкивается со все большим числом вызовов и угроз, исходящих в первую очередь со стороны стран Балтии и Польши, которые провоцируют войну против России и в любой момент могут создать критическую ситуацию для Калининградской области, что требует особого внимания и принятия российским руководством упреждающих мер.

Стратегия НАТО в отношении Балтийского региона за последнее десятилетие изменилась, особенно после февраля 2022 г., когда началась масштабная трансформация европейской системы безопасности. Основные тенденции создания новых военных угроз здесь, как отмечают военные специалисты, уже наметились. Заметным становится рост в них доли морской составляющей, укрепляются авиабазы США, приоритет отдается применению на море высокоточного оружия, воздушных, надводных и подводных БПЛА и др. [3]. Свою активность в регионе натовцы объясняют необходимостью «сдерживания» России, поскольку она усиливает свой военный потенциал в Калининградской области, способный поразить военные объекты альянса и территории балтийских стран.

В настоящее время США и НАТО рассматривают регион в качестве одной из приоритетных зон своего военного влияния и постоянного присутствия, пытаются выдвинуть оттуда Россию, где она имеет стратегические интересы во всех областях — политике, экономике, торговле, энергетике, безопасности. В этих целях они активно осуществляют милитаризацию региона, создавая риски безопасности российским субъ-



ектам — Санкт-Петербургу, Калининградской и Ленинградской областям. Региональные страны не хотят принять аксиому, согласно которой без России решить масштабные проблемы и обеспечить безопасность в Балтийском море невозможно. Осложнившиеся отношения между Россией и объединенным Западом стали серьезной преградой на пути к сотрудничеству, и их восстановление потребует многих лет. Поэтому необходим постоянный мониторинг развития военно-политических и экономических процессов в регионе.

Эксперты считают, что существуют реальные риски превращения Балтики из «моря мира» в прошлом в зону военно-политической напряженности и экономического упадка, прекращения приграничного сотрудничества, дальнейшего разрушения системы международных связей в торговле, экологической и социальной сферах. При явном росте военно-политической напряженности Балтика — это «очень хрупкий и уязвимый регион», поскольку здесь не только размещена критически важная инфраструктура России, стран ЕС и НАТО, но и пересекаются общие интересы международного и межрегионального сотрудничества [8].

Все нынешние действия НАТО в Балтийском море, его проливах и заливах направлены на оказание на Россию политического и психологического давления, запирание торгового судоходства и кораблей российского Балтийского флота, закрытие воздушного пространства над морем, ограничение стратегической деятельности на севере Европы в целом, а в случае военного конфликта — блокирование Калининградской области с моря и на суше. Безответственные политики зарубежных стран своими заявлениями и действиями создают риск ограниченного ядерного конфликта в регионе. Натовские стратеги все еще верят, что в современных условиях ведения войны с применением новых видов вооружений, игнорируя нормы международного права, можно добиться своих агрессивных целей. С этим мнением не согласны западные ученые, которые считают, что в случае возникновения в Балтийском регионе военного конфликта мобилизационная способность России может не позволить НАТО своевременно и эффективно отреагировать на него обычными военными средствами [19].

Согласно Морской доктрине Российской Федерации защита российских национальных интересов в Балтийском море является приоритетной. В доктрине определены основные риски и угрозы безопасности в регионе: высокая концентрация оружия, расширение альянса за счет стран Балтики, их стремление ограничить доступ России к логистическим маршрутам, изменить международные нормы морского права и др. Серьезные риски создают санкционная и ограничительная политика европейских стран, а также значительная еще зависимость внешней торговли России от морской логистики и трубопроводов в Балтийском море. Складывающаяся в регионе обстановка свидетельствует о том, что эти и другие риски уже стали вызовами, которые ведут к ухудшению международных отношений, а в дальнейшем и к угрозам нанесения серьезного ущерба российским национальным интересам.



США и НАТО – главная угроза безопасности Балтийского региона

Анализ обстановки в регионе Балтийского моря показывает, что даже в самые сложные периоды Холодной войны она была «стабильной, а концентрация войск и вооружений значительно ниже», чем сейчас, и только с началом украинского кризиса (с 2014 г.) «произошла заметная активизация военно-морских флотов и военно-воздушных сил», инициируемая США и НАТО [17, с. 15]. Последняя стратегия национальной безопасности США от 12 октября 2022 г. по-своему определяет мировой порядок, направленный не на «строительство будущего», а на «возвращение в прошлое» во главе с несменяемым американским лидером, продолжающим политику «сдерживания» России [7, с. 36–37]. При этом западные аналитики считают нападение России на членов НАТО в среднесрочной перспективе «крайне маловероятным», но в последнее время премьер Польши Д. Туск, министр обороны Великобритании Г. Шэппс и другие официальные лица заявляют, что мир находится «в предвоенном» состоянии и необходимо готовиться к войне с русскими. Эту риторику западных политиков и военных необходимо рассматривать как попытку оправдать милитаризацию Балтийского региона и морально подготовить свои страны к войне.

Российская Федерация не дает поводов для подобных выводов руководства стран НАТО. Как замечает эксперт Д. Данилов, Россия «более гибко подходит к определению рисков и угроз», рассматривая расширение инфраструктуры альянса на восток в качестве «военной опасности», тогда как она сама в натовских документах определена в качестве «прямой военной угрозы» [13]. Данная установка пугает всех балтийских членов НАТО, и они всерьез готовятся к мнимому нападению на них России. Практика показывает, что наибольшую угрозу в регионе представляет сам блок во главе с США, которые проводят экспансионистскую политику расширения альянса и реализации американских планов, игнорируя законные российские интересы на Балтике и дестабилизируя здесь военно-политическую и экономическую обстановку. По оценкам западных экспертов, при такой эскалации конфликта «из-за геостратегической взаимозависимости в равной степени может пострадать весь регион от Арктики и Северной Атлантики до Балтийского моря» [21, S. 4].

О подготовке НАТО к возможной войне с Россией в Балтийском регионе заявляют отдельные российские политические наблюдатели, ссылаясь на ряд «очевидных факторов» [14], в частности на расширение блока к российским границам за счет Швеции и Финляндии с целью создания дополнительной напряженности у России и на стремление превратить Балтику во внутреннее море альянса, проведение им вблизи российских границ постоянных военных маневров с участием региональных членов НАТО. Например, в ходе проведенных в 2023 г. военно-морских маневров *Northern Coasts* («Северное побережье»), *Freezing Winds* («Ледяные ветры») силами НАТО были отработаны совместные операции против России по боевому применению высокоточного оружия на Балтике, блокированию Балтийского флота и недопущению переброски российских военных резервов из Белоруссии в Калининградскую область, защите подводной инфраструктуры и противоминной борьбе.



Кроме того, были осуществлены диверсии в Балтийском море — в 2022 г. на обеих нитках газопровода «Северный поток», в 2023 г. на газопровode *Balticconnector*, также были повреждены российский телекоммуникационный кабель «Балтика», проложенный в экономической зоне Финляндии между Санкт-Петербургом и Калининградом, и телекоммуникационный подводный кабель между Швецией и Эстонией. Данные объекты напрямую затрагивают стратегические интересы России и безопасность ее подводной критической инфраструктуры в Балтийском море. Все это означает, что альянс готовится не к обороне, а к нападению, и своими действиями провоцирует Россию на ответные меры, чтобы создать условия для возможного применения *casus belli*.

Проявляемый в последнее время особый интерес НАТО к российским островам на Балтике Большой Тютерс, Мощный, Гогланд и к военному «освоению» территории Финляндии, ее побережью, Финскому заливу, Аландским островам дополнительно свидетельствует о том, что альянс готовится контролировать всю надводную и подводную обстановку Балтийского моря. Более того, натовские генералы уже требуют формирования «военного Шенгена» для альянса, который создал бы свободное передвижение военных и вооружений по территориям всех его членов. Они также прямо заявляют о необходимости использования финских Аландских островов, эстонского острова Сааремаа, шведского Гогланда и датского Борнхольма для контроля НАТО за Балтикой и более эффективного сдерживания России [20], что создает новые риски для ее национальной безопасности.

В Европе не осталось международных институтов, способных повлиять на сохранение безопасности в регионе, создать условия для многостороннего диалога. США и НАТО нейтрализовали работу таких важных региональных институтов, как Комиссия по защите морской среды района Балтийского моря (ХЕЛКОМ), Союз государств Балтийского моря (СГБМ), из которого Россия исключена, и др. В среднесрочной перспективе сохранится риск безопасности в регионе, связанный с политикой НАТО после завершения украинского кризиса. Уровень его опасности будет зависеть от степени антироссийской военно-политической конфронтации альянса, наращивания им своего потенциала, совершенствования транспортной инфраструктуры для поставок вооружений и военнослужащих, продолжения милитаризации Балтийского региона, а также от способности блока все же занять конструктивную позицию по вопросам европейской безопасности в целом. Пока на этот вопрос нет однозначного ответа, но его необходимо учитывать в дальнейшей внешнеполитической деятельности России и применять эффективную тактику в отношении Североатлантического альянса.

Военный потенциал американских сателлитов в Балтийском море

Анализ политики восьми стран Балтийского региона показывает, что серьезные военно-политические угрозы безопасности России исходят практически от всех них. Их инфраструктура, присутствие натовских военнослужащих и вооружений сегодня представляют собой единый



платцдарм НАТО для наблюдения, возможного нападения и ведения войны с Россией на Балтийском театре военных действий. Политическое руководство данных стран продолжает развивать воинствующую антироссийскую риторику, активно сотрудничает с американцами по многим военным направлениям. В соответствии с указаниями США и НАТО страны региона быстрыми темпами перевооружают свои армии, увеличивая военные расходы, общая сумма которых превысила 170 млрд долл. США [4, с. 40–41].

Вместе с тем увеличение военных расходов европейскими странами нисколько не укрепляет их обороноспособность, так как эти средства уходят и будут уходить на укрепление ВПК США, который сохранит за собой монополию военной промышленности НАТО. Именно в этих целях американцам нужна милитаризация Европы, требуется надуманный образ «общего врага». Страны региона не учитывают свои финансовые возможности для такой милитаризации. По российским экспертным оценкам [10, с. 24–25], в 2025 г. в региональных странах начнется экономический спад, вызванный различными факторами риска, в том числе антироссийскими санкциями и энергозависимостью, что может снизить их военные амбиции.

Сравнительная оценка военных потенциалов стран Балтийского региона показывает, что все они, за исключением Польши, имеют слабые армии, которые самостоятельно не в состоянии вести ни оборонительную, ни наступательную войну. Поэтому США способствуют вооружению своего ведущего европейского сателлита – Польши, которая должна стать региональным хабом поставок в Европу американского сжиженного природного газа и вооружений, препятствовать возможному развитию российско-европейских связей и блокировать Россию в Балтийском море [6, с. 38–39]. Под предлогом экзистенциальной угрозы России для всех стран Балтийского региона Польша активно модернизирует и трансформирует свои вооруженные силы, ускоренными темпами наращивает военный потенциал бронетехники, артиллерии, сухопутных, военно-воздушных и морских сил, покупая современные вооружения за рубежом в рекордных и превышающих потребности объемах.

Амбициозные планы Польши довести расходы на оборону до 5 % и создать боеспособную 300-тысячную армию пока представляются трудновыполнимыми, поскольку это потребует колоссальных финансовых и экономических средств на ее содержание и подготовку, которых нет и не предвидится, если не рассчитывать на помощь Запада. Такая армия явно нужна не для обороны самой Польши, а, скорее, для наступательных действий. Кроме того, поляки пытаются убедить руководство НАТО и США разместить у себя ядерное оружие якобы для «сдерживания Москвы», что вписывается в западную концепцию ограниченного ядерного конфликта, в котором частично допускается применение ядерного оружия малой мощности [9]. В связи с этим российские эксперты не исключают размещения в Польше и на Балтике американского тактического ядерного оружия, гиперзвуковых и баллистических ракет, сокращающих подлетное время к территории России. Такое размещение создает серьезные риски военного конфликта и даже ядерной



войны в регионе [4]. Несомненно, реализация этих целей имела бы для Польши последствия ядерного возмездия. В любом случае такой прогнозируемый сценарий должен учитываться в российском стратегическом планировании для принятия всех необходимых мер, чтобы исключить его реализацию.

Активно вооружается и Германия, особое внимание уделяя укреплению военно-воздушных сил. В частности, она дополнительно намерена приобрести 70 самолетов *Eurofighter*, 35 F-35A и 60 тяжелых транспортных вертолетов CH-47F *Chinook* [22]. В случае военного кризиса она станет центром для переброски войск на территории восточных союзников по НАТО [19], в том числе в Балтийский регион. Дания поддерживает компактные, но эффективные силы, делая приоритетными участие в более крупных операциях альянса и выполнение всех взятых на себя обязательств перед НАТО, чтобы сохранить свой статус основного союзника.

В странах Балтии активно модернизируется постсоветская инфраструктура: аэропорты, морские порты, железнодорожные сообщения, которые планируется использовать для доставки военнослужащих и военных грузов. В краткосрочной перспективе альянс намерен дополнительно усилить свой военный контингент и увеличить поставки вооружений в Латвию, где базируется его передовая группа. Совершенствуется противовоздушная оборона средней дальности, логистическая система, береговая оборона, кибербезопасность. Литва приняла на вооружение от НАТО два самолета AWACS, которые уже ведут разведку передвижения российских войск на границе. К 2025 г. в стране будут постоянно дислоцироваться около 5 тыс. военнослужащих бундесвера. Состоящие на вооружении Эстонии поставленные НАТО РСЗО HIMARS и оперативно-тактические ракеты ATACMS позволяют полностью контролировать акваторию Балтийского моря.

Швеция активизировала работу по укреплению своих вооруженных сил, усилила противовоздушную оборону американской системой *Patriot*, ориентировала свою оборонную промышленность на экспорт и способна обеспечить собственную армию необходимым современным оборудованием для подводных лодок и военных самолетов. Вступление в блок Финляндии и Швеции, по мнению западных экспертов, «фундаментально» повлияло на систему безопасности на Балтике [23, р. 2]. Северная Европа становится более интегрированным пространством, а Балтийское море, за исключением Финского залива и Калининградской области, будет полностью контролироваться альянсом [22].

Несомненно, ускоренная милитаризация НАТО своего балтийского плацдарма [18], дальнейшее наращивание военно-технических возможностей будут только усиливать напряженность в регионе и создавать серьезную угрозу военно-политического и экономического конфликта на северных рубежах России [15], в результате которого Калининградская область и Финский залив могут стать новыми горячими точками в регионе. Чтобы не допустить этого, необходимо на федеральном уровне задействовать все имеющиеся возможности, принять меры дипломати-



ческого, военно-политического и экономического характера по обеспечению безопасности Балтийского региона и снижению уровня его милитаризации странами НАТО.

Безопасность Калининградской области в фокусе милитаризации Балтики

Вследствие трансформации международных отношений Калининградская область в последние десятилетия превратилась из периферийного субъекта Российской Федерации в стратегически важный политический, военный и внешнеэкономический регион. Руководители балтийских стран серьезно озабочены созданием в Калининградской области мощной военно-морской «крепости», которая «играет огромную роль в проецировании силы России» [16] и представляет «смертельную» угрозу их безопасности. Этот фактор они активно используют в своих нарративах о необходимости дальнейшего расширения присутствия на Балтике вооруженных сил НАТО и США.

96

Если еще не так давно Калининградская область рассматривалась балтийскими государствами в качестве российского субъекта с благоприятными условиями для развития взаимовыгодного и долгосрочного экономического сотрудничества, то в настоящее время — как военно-стратегический опорный пункт России против них. Такое не соответствующее действительности убеждение у них сложилось не в результате отношений между населяющими регион народами, а в связи с проводимой руководством этих стран антироссийской политикой. В результате этого Калининградская область вместо выгодного регионального проекта экономической интеграции в Балтийском регионе вновь начинает приобретать геостратегическое военное значение, становится зоной с «очень высоким» уровнем геополитических и геоэкономических рисков, вызванных прежде всего ее «особенным экономико-географическим положением» и формой экономического развития региона в последние 30 лет: «чрезмерная открытость и зависимость от мировой экономики и экспортно-импортных операций» [11, с. 34].

Экономика Калининградской области сегодня испытывает трудности на многих направлениях. В первую очередь это касается топливно-энергетического комплекса, в котором сохраняется еще высокая зависимость от транспортировки энергоресурсов через западноевропейские страны, отсутствуют необходимые генерирующие мощности, низкий уровень капиталовложений и др. Немало проблем в промышленности, которая почти полностью зависит от ввоза сырья и материалов, поступающих из России, что сказывается на стоимости товаров из-за нестабильной транзитной политики соседних стран, которая в последнее время особенно ужесточилась. Требуется серьезного совершенствования транспортная инфраструктура с учетом того, что порты бассейна Балтийского моря являются участниками международных торговых транспортных коридоров с оборотом более 1 млн т груза в год [5, с. 131].

Одним из важных факторов риска для безопасности области сегодня является ее удаленность и отделенность от основной части Российской Федерации международными морскими водами, а по суше — странами



ЕС и НАТО. Эти вызовы требуют принятия конкретных мер и ответов, поскольку их игнорирование для Калининградской области «было бы непредусмотрительным как с точки зрения обеспечения ее жизнедеятельности и комплексного развития, так и национальной безопасности России в целом» [2, с. 3]. В этом направлении уже многое делается. Правительство России приняло стратегические планы развития Калининградской области и Калининграда на долгосрочную перспективу. Эти планы ориентированы на достижение политических и экономических интересов на внутрироссийском, региональном и международном уровне. Стратегией предусмотрено развитие Калининграда как «оазиса креативного предпринимательства», базирующегося на новых информационных технологиях, информационно-образовательных и туристических кластерах, кинопродукции, издательском деле, рекламном производстве и др.

В области сформировалось устойчивое экономическое положение, которое не уступает другим европейским странам региона. По словам бывшего губернатора Калининградской области А.А. Алиханова, делается все необходимое, чтобы сохранить морской транзит и увеличить приток рабочей силы в нее для реализации новых крупных социально-экономических проектов. В нынешних условиях санкций и военно-политических угроз область показывает уверенный экономический рост в отсутствие прежнего сотрудничества с региональными странами, у которых, напротив, наблюдается спад макроэкономических показателей. Решаются вопросы устойчивой системы безопасности, прежде всего в экономической и транспортной сфере, перестраиваются другие отрасли экономики для замещения производства санкционных товаров, растут инвестиции [16]. Благодаря незамерзающим портам Балтийского моря, в настоящее время Калининградская область успешно осуществляет внешнюю торговлю. Здесь дислоцируется Балтийский флот, имеющий стратегическое значение для обеспечения обороноспособности России и области. Флот осуществляет контроль воздушного и морского пространства, способен защитить российские интересы на Балтике.

Российский субъект зависит от транзитной экспортной внешнеэкономической деятельности, что пытаются использовать во враждебных целях соседние страны Балтийского региона. Они преследуют цель блокировать область, в том числе путем военного устрашения. Риски такой блокады высоки, и официальные заявления прибалтийских политиков об изоляции Калининградской области являются согласно международному праву актом войны и военной агрессии против России. Если гипотетически эта цель Запада будет осуществлена, то Калининградская область с населением более 1 млн чел. может оказаться отрезанной от России со всеми вытекающими из этого последствиями. Опасным остается блокирование сухопутных границ и логистики на погранпереходах с Литвой, что также может привести к серьезным негативным последствиям для области.

Вместе с тем, по оценкам российских военных специалистов, Калининградская область имеет военное превосходство над соседями. Располагая выходом в Балтийское море, она способна ограничивать многие операции натовских сил, защищаться и наносить ракетные удары по



военным объектам недружественных стран Балтийского региона, что остается главным сдерживающим фактором в милитаристских планах НАТО в настоящее время.

Заключение

Комплексный анализ складывающейся политической, военной, экономической обстановки в Балтийском регионе свидетельствует о том, что НАТО в среднесрочной перспективе не откажется от различных форм давления на Россию с целью ее дискредитации и снижения эффективной морской деятельности. Вместе с тем Североатлантический альянс пока не готов к прямой полномасштабной конфронтации с Россией в данном регионе. Сдерживающими факторами являются ядерное оружие, геостратегическое положение Российской Федерации, наличие Балтийского флота, торговля, поставки энергоресурсов и др.

НАТО усилит свое противостояние с Россией путем дальнейшей милитаризации региона, что будет определять характер поведения альянса в будущем. Он не откажется от мероприятий по блокированию деятельности России на Балтике и провокаций с целью проверки ее готовности к вооруженному конфликту. США, со своей стороны, продолжат политику, направленную на достижение превосходства американских военно-морских сил на Балтике и повышение боеспособности региональных стран на море.

Правительства всех стран Балтики будут расширять свое военное участие в мероприятиях альянса, перевооружать национальные военно-морские и военно-воздушные силы, усиливать наблюдение и контроль за обстановкой, опираясь на американский промышленный потенциал и натовское военное присутствие в регионе. Они продолжают практику торгово-экономической и логистической блокады Калининградской области во всевозможных формах, будут совершать новые враждебные акции в отношении российской собственности, находящейся в международных территориальных водах Балтийского моря. Все это будет создавать серьезную угрозу безопасности России в целом и Калининградской области в частности, которая в результате военной экспансии альянса не по собственной воле оказалась в окружении неприятеля и является «заложником» дальнейших отношений между Россией, ЕС и НАТО [12, с. 19].

Лидирующую роль в Балтийском регионе будет стремиться играть Польша. Используя членство в НАТО и ЕС, а также поддержку США, она продолжит увеличивать численный состав и перевооружение армии современными видами западного оружия, повышать боеспособность, ориентированную на возможное участие в войне с Россией. В результате такой политики Польша может обрести одну из сильнейших армий Европы, что осложнит военно-стратегическую обстановку в регионе.

Расширение инфраструктуры блока за счет Финляндии и Швеции позволит ему укрепить военно-технический потенциал, логистику и тем самым ограничить возможности России в Балтийском море, а также создать условия для блокады Финского залива. В регионе продолжится регулярное проведение альянсом военно-морских учений, в ходе кото-



рых будут отрабатываться боевые задачи нанесения ядерных ударов по России как реальному противнику. Милитаризация Балтийского моря сохранит значительные риски военных столкновений, способных выйти из-под контроля и привести к серьезному локальному кризису. В данных обстоятельствах создается опасность превращения Балтийского региона в один из основных театров военных действий НАТО против России с возможным ограниченным применением ядерного оружия.

США и их сателлиты по НАТО продолжат политику отказа от каких-либо конструктивных диалогов и контактов с Россией. Оснований для утверждений, что в краткосрочной перспективе отношения между Россией и НАТО будут восстанавливаться, пока нет. Санкционная политика Запада со временем смягчится, но не прекратится. Ухудшение военно-политической обстановки в Балтийском регионе будет оказывать негативное воздействие на развитие торгово-экономических связей между Россией и прибрежными странами. Трансграничная энергетическая логистика в Балтийском море в условиях жесткой конкуренции за лидерство в вопросе доступа к ресурсам сохранит риск высокого уровня опасности и потребует международного реформирования.

В складывающейся обстановке недооценка рисков агрессивной политики США и НАТО на Балтике имела бы для России опасные военно-политические и экономические последствия. Велением времени на среднесрочную перспективу становится необходимость ускоренными темпами укреплять российский морской и военный потенциал в регионе, способный противостоять и иметь техническое военное превосходство перед противником, чтобы не допустить возникновения регионального военного конфликта, а тем более полномасштабной войны.

Список литературы

1. *Арбатова Н.К.* Страны Балтии и стратегическая автономия Европейского союза // *Мировая экономика и международные отношения.* 2023. Т. 67, №8. С. 26–36.
2. *Ворожеина Я.А.* Внешняя политика Республики Польша в отношении Калининградской области Российской Федерации : дис. ... канд. полит. наук. Калининград, 2018.
3. *Евменов Н.А., Пучнин В.В., Ещенко Я.В.* Основные тенденции изменения характера и содержания военных угроз Российской Федерации с океанских и морских направлений // *Военная мысль.* 2023. №5. С. 21–24.
4. *Европейские исследования и современные международные отношения : аналитический обзор выступлений участников конференции «Европейские исследования: политика, экономика, безопасность» 26 апреля 2023 г. в рамках Форума «Россия, Европа, мир» / Институт Европы РАН ; отв. ред. Ал.А. Громько.* М., 2023.
5. *Ефимова Е.Г., Воловой В., Вроблевская С.А.* Морские порты Восточной Балтики и транзитная политика Российской Федерации: конкуренция или сотрудничество? // *Балтийский регион.* 2021. Т. 13, №3. С. 125–148. doi: 10.5922/2079-8555-2021-3-7.
6. *Зверев Ю., Межевич Н.* Вызовы региональной безопасности: балтийский вектор // *Международная жизнь.* 2021. №1. С. 28–43.



7. Иванов И. Перестройка международной системы: состояние и перспективы // Международные отношения: грани настоящего и будущего / под ред. И. С. Иванова, И. Н. Тимофеева, Е. О. Карпинской, Е. А. Солодухиной, С. М. Гавриловой ; Российский совет по международным делам. М., 2023. С. 5—126.

8. *Интервью* директора ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН Ф. Г. Войтоловского. URL: https://t.me/imemo_ran/1387 (дата обращения: 02.03.2024).

9. Климов В. А. Системы ПРО и концепция ограниченной ядерной войны // *Мировая экономика и международные отношения*. 2022. Т. 66, № 8. С. 16—24. doi: 10.20542/0131-2227-2022-66-8-16-24.

10. Ланко Д. А. Возможности экономического взаимодействия России с государствами Балтийского региона: рабочая тетрадь № 78 / под ред. Е. О. Карпинской, Н. С. Вяхиревой, М. С. Лазовича, С. М. Гавриловой ; Российский совет по международным делам. М., 2023.

11. Лачининский С. С. Геоэкономические риски регионов Российской Балтики в условиях обостряющейся геополитической обстановки // *Балтийский регион*. 2022. Т. 14, № 2. С. 23—37. doi: 10.5922/2079-8555-2022-2-2.

12. Маркушина Н. Ю. Меняющиеся контуры безопасности и баланс сил в Балтийском регионе: значение для России: рабочая тетрадь № 76 / под ред. Е. О. Карпинской, Н. С. Вяхиревой, М. С. Лазовича, С. М. Гавриловой ; Российский совет по международным делам (РСМД). М., 2023.

13. *Материалы «круглого стола» на тему «Вопросы безопасности в Балтийском регионе»* // *Россия сегодня*. 22.11.2023. URL: <https://pressria.ru/20231122/955844373.html> (дата обращения: 14.03.2024).

14. НАТО готовится к противостоянию с Россией в Балтийском море. О предстоящих учениях в Балтийском море и коварных планах НАТО в отношении России. 2023. 8 сент. URL: <https://overclockers.ru/blog/vokrugsveta/show/107749/nato-gotovitsya-k-protivostoyaniyu-s-rossiej-v-baltijskom-more?ysclid=lo08u7phto504998500> (дата обращения: 16.12.2023).

15. Овчарук А. П. НАТО превращает Балтийское море в регион нестабильности. 2022. URL: <https://www.imemo.ru/news/events/text/nato-turns-the-baltic-sea-into-a-region-of-instability> (дата обращения: 28.03.2024).

16. *Примаковские чтения*. Сессия 7. Балтика: опасные воды? [2023]. URL: <https://www.imemo.ru/files/File/ru/PrimakovReadings/2023/Session7.pdf> (дата обращения: 02.03.2024).

17. Худoley К. К. Регион Балтийского моря в условиях обострения международной обстановки // *Балтийский регион*. 2016. Т. 8, № 1. С. 7—25.

18. Цедилина Е. Балтийский плацдарм НАТО // *Россия и новые государства Евразии*. 2017. № 4 (37). С. 61—76.

19. Brauß H., Rácz A. Russia's strategic interests and actions in the Baltic Region / *The German Council on Foreign Relations Report*. 2001. № 1. URL: https://dgap.org/sites/default/files/article_pdfs/210107_Report-2021-1-EN.pdf (дата обращения: 02.03.2024).

20. Coffey L. NATO needs a new strategy for the Baltic Sea / *Hudson Institute*. 2022. URL: <https://www.hudson.org/international-organizations/nato-needs-new-strategy-baltic-sea> (дата обращения: 01.09.2024).

21. Swistek G., Pau M. Einleitung Geopolitik im Ostseeraum Die «Zeitenwende» im Kontext von kritischer maritimer Infrastruktur, Eskalationsgefahren und deutschem Führungswillen / *SWP-Aktuell 2023/A 06*, 30.01.2023. doi: 10.18449/2023A06.



22. *The Military Balance 2023* / The International Institute for Strategic Studies. L., 2023.

23. *Van Wijnngaarden J.* Sea change: the rapid evolution of Baltic security after Russia's invasion of Ukraine : Preliminary draft report / NATO Parliamentary Assembly Defence and Security Committee (DSC). 2023. 16 April. URL: <https://www.nato-pa.int/document/2023-baltic-security-report-van-wijnngaarden-019-dsctc> (дата обращения: 01.09.2024).

24. *Zigba R.* Where does NATO's enlargement lead to? // *Transatlantic Policy Quarterly*. 2023. Vol. 22, №1. P. 39–51. <https://doi.org/10.58867/IBIS9578/ECLI2582>.

Об авторе

Александр Петрович Овчарук — канд. экон. наук, ст. науч. сотр., Группа оценки рисков Центра изучения стратегического планирования, ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН, Москва, Россия.

E-mail: oapetrovich@imemo.ru

101

A. P. Ovcharuk

NATO MILITARISATION OF THE BALTIC REGION AND RISKS SECURITY OF RUSSIA

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Received 25 April 2024

Accepted 1 October 2024

doi: 10.5922/vestnikhum-2024-4-8

To cite this article: Ovcharuk A. P., 2024, NATO militarisation of the Baltic region and risks security of Russia, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №4. P. 89–102. doi: 10.5922/vestnikhum-2024-4-8.

The article examines the dynamics of the development of relations between the countries of the Baltic region, the influence of NATO and the United States on them in the conditions of the emerging polycentric world order. The main risks and threats to Russian regional security at the present time are identified, and measures to localize and neutralize them are proposed. The development of the international situation in the Baltic Sea in the medium term is predicted, and the possible consequences of the military escalation of the alliance in the region for the security of the Kaliningrad Region, a strategically important subject of the Russian Federation, are assessed. Based on the results of this empirical study, it is concluded that NATO member states in the Baltic region have recently changed their approaches to ensuring security in the Baltic. As their military and political positions deteriorated in the Ukrainian crisis, they began to force the expansion of the alliance, strengthen its infrastructure, pursue an active militaristic and provocative policy, and prepare for an armed conflict with Russia, including the possible use of nuclear weapons. This has a negative impact on the entire European security and significantly worsens the situation of the Kaliningrad region, surrounded by hostile countries. In the course of the study, various modern methods of political science were used to identify signs of the most



important risks that could cause significant political and economic damage to Russia in the Baltic region. For a qualitative, unbiased scientific analysis of the trends, challenges and threats to Russia's security taking place in the region, there is a need to improve the indicative system for assessing their level of danger, determining thresholds and directions for the development of the situation in vital systems, which would make it possible to make the most correct management decisions. There are many works devoted to the Baltic theme in Russian science, but in recent years there has been a noticeable decrease in publications, especially fundamental research. The foreign scientific community views this problem tendentiously and one-sidedly, and therefore does not provide objective and verified assessments of the situation. The relevance of the topic is caused by the presence of Russian strategic interests in the Baltic region, the unpredictability and rapid dynamics of the military-political situation here, which requires constant scientific coverage.

Keywords: Baltic region, Kaliningrad region, risks and threats to Russian security, NATO, USA.

The author

Dr Alexander P. Ovcharuk, Senior Researcher, Risk Assessment Group of the Center for the Study of Strategic Planning, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

E-mail: oapetrovich@imemo.ru

А. А. Никлаус

**СТРАТЕГИИ ОПТИМИЗАЦИИ
ВНУТРИРЕГИОНАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА
КАК ПРАКТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ
ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА**

Московский психолого-социальный университет, Москва, Россия

Поступила в редакцию 19.08.2024 г.

Принята к публикации 17.11.2024 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2024-4-9

103

Для цитирования: Никлаус А. А. Стратегии оптимизации внутрирегионального пространства как практическая реализация внутренней политики государства // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2024. №4. С. 103–113. doi: 10.5922/vestnikhum-2024-4-9.

Проанализированы стратегии оптимизации внутрирегионального пространства в контексте реализации внутренней политики государства. Исследование сфокусировано на сравнении централизованных и децентрализованных подходов к управлению региональным развитием, а также на их влиянии на социально-экономическое положение регионов. Для оценки эффективности различных управленческих моделей в работе используются институциональный метод исследования и компаративный анализ. Основные выводы подчеркивают важность гибкого подхода к управлению внутрирегиональным пространством государства вне зависимости от формы политического устройства. Этот подход должен учитывать уникальные условия каждого региона, а также необходимость баланса между национальной интеграцией и региональной автономией для достижения устойчивого развития страны. Охарактеризованы процессы освоения и развития новых территорий в системе приоритетов региональной политики современного государства. Изучение теоретических, методологических и прикладных аспектов, затрагивающих процессы и механизмы освоения новых территорий государством, безусловно, актуально. Представлена классификация типов освоения по критерию функциональной цели освоения новых территорий, а также типология на основании хронологического критерия. Рассмотрены ресурсный, институциональный и сетевой подходы к освоению территорий.

Ключевые слова: регион, региональная автономия, внутрирегиональное пространство, управленческие стратегии, внутренняя политика, оптимизация регионального управления, централизация и децентрализация, национальная интеграция

Введение

В современном мире вопросы эффективного управления внутрирегиональным пространством становятся все более актуальными для многих государств. Оптимизация подходов к использованию региональных



ресурсов и инфраструктуры, реализации социальных программ является ключевой задачей внутренней политики, направленной на устойчивое развитие страны и повышение качества жизни населения.

Территория большинства государств обычно разделяется на политические зоны, то есть территориальные сегменты, которые на локальном уровне отражают политические отношения «центр – регион» при наличии в регионах собственных административных центров и подчиненных им территорий (областей, районов) с разной степенью централизации и децентрализации [12].

В ограниченном политико-правовом контексте термин «регион» относится к административно-территориальным единицам [9]. В более широком понимании регион может охватывать территории без административных границ, охватывая природно-климатическую зону или историко-культурный район. С позиции государственного управления регион определяется как географически обусловленная область, где функционируют административные органы [22]. Интерес для нас с точки зрения исследования политических региональных пространств представляют те регионы, которые имеют свои органы власти, интегрированные в общегосударственную систему и связанные с центральным правительством. Региональные центры власти служат посредниками в переносе управленческих указаний из центра и в то же время они могут в определенной степени независимо управлять своими территориями в пределах установленных законом полномочий.

Одним из основных вопросов в разработке стратегии управления внутрирегиональным пространством является выбор между централизацией и децентрализацией. Централизация предполагает управление регионами из одного центра, что может способствовать унификации политических и социально-экономических стратегий в масштабах всего государства. Однако децентрализация предоставляет регионам больше автономии в решении локальных проблем, что может быть более эффективно в условиях различий в экономическом и социальном развитии разных территорий.

Экономическая и географическая структура региона определяется распределением производственных сил, балансом между ключевыми экономическими секторами, наличием экономических узлов и окраин, а также сферами, которые формируют специализацию региона. Одним из основных аспектов успешной интеграции региона в национальное социально-политическое пространство является развитие его инфраструктуры, особенно транспортной. Это способствует укреплению общенациональной идентичности жителей региона, способствует распространению местной продукции как на внутреннем, так и на внешнем рынке [5].

В то же время экономическое планирование на региональном уровне также должно включать в себя разработку и реализацию проектов, направленных на развитие инфраструктуры, поддержку местного бизнеса и создание новых рабочих мест. Оптимизация регионального пространства в этом контексте предполагает интеграцию региональных экономик в общенациональную и глобальную экономические системы, выступая одним из основных факторов повышения конкурентоспособности экономики страны в целом.



Важной частью стратегий оптимизации является разработка и реализация эффективной социальной политики, направленной на обеспечение равного доступа к образованию, здравоохранению и социальной защите. Здесь важно создать механизмы адаптации федеральных социальных программ к специфике каждого региона, учитывая местные потребности и возможности.

Повышению уровня эффективности управления внутрирегиональным пространством в значительной мере способствуют современные технологии. Использование цифровых методов управления в политическом поле, здравоохранении, образовании и других сферах жизни обеспечивает оперативный доступ к разного рода услугам, улучшает их качество и снижает текущие затраты [2].

В эпоху глобализации и регионализации эффективность управления внутрирегиональным пространством становится особенно важным для реализации внутренней политики государств. Оптимизация пространственного управления не только способствует более эффективному распределению ресурсов, но и расширяет возможности социально-экономического развития регионов. В этой связи цели данной статьи — анализ стратегий оптимизации внутрирегионального пространства, рассматриваемых через призму практической реализации внутренней политики государства, изучение различных подходов к централизации и децентрализации в управлении региональными пространствами, оценка воздействия этих стратегий на социально-экономическое развитие регионов, сравнение успешных практик оптимизации в разных странах и культурных сообществах.

Методы исследования

Для достижения поставленных целей использовались следующие методы исследования:

- компаративный анализ правовых и административных документов различных унитарных и федеральных государств;
- качественный анализ данных о социально-экономическом развитии регионов разных стран: анализ документов, интервью с ключевыми заинтересованными сторонами и кейс-стади конкретных регионов. Эти подходы помогают понять, как реализуется политика на местах, каковы мнения и ожидания населения и местных властей. Качественный анализ может выявить неочевидные проблемы и потребности, которые не всегда заметны при статистическом анализе;
- сравнительный анализ: сравнение различных регионов или стран может выявить лучшие практики и эффективные стратегии управления. Этот метод помогает определить факторы успеха или неэффективности тех или иных стратегий, формируя необходимый опыт для будущего планирования.

Результаты исследования

Территориальное устройство любой страны представляет собой способ структурирования ее составных частей, что находит отражение в правовом статусе территорий и формах взаимодействия между цен-



тральной властью и региональными администрациями. Существуют разные формы территориально-политического устройства государства, преимущественно разделяемые на унитарные и федеративные; также в отдельную подгруппу следует выделить регионалистские модели управления [3].

В унитарном государстве власть централизована, страна делится на административные единицы, не обладающие статусом политически независимых. Унитарные системы варьируются по уровню автономии региональных органов власти от центрального правительства и по сферам полномочий, предоставляемых местным органам для управления локальными отраслями [10]. Эти государства могут быть классифицированы как централизованные, частично децентрализованные и децентрализованные.

В строго централизованных унитарных системах региональное управление осуществляется чиновниками, назначенными центральным правительством, при этом выборные местные органы власти обычно отсутствуют. Административные должностные лица в таких системах либо прямо назначаются вышестоящей властью, либо выбираются на основании рекомендаций от местных законодательных органов.

В некоторых странах Европы, таких как Болгария и Польша [18], региональное звено государственной структуры власти лишено выборных представительных органов. Вместо этого административные функции в этих регионах выполняют должностные лица, которых назначает центральное правительство [21] (например, в Польше это воеводы, а в Болгарии — руководители областей).

В странах с относительно децентрализованной унитарной формой управления, таких как Франция, власть делится между назначенными чиновниками из центра (префектами) и избранными на местном уровне представителями власти (мэрами и советами департаментов). Хотя муниципальные органы обладают определенными полномочиями, действия центральных представителей могут значительно ограничивать их свободу инициатив, включая возможность вмешательства в местное управление [8].

В децентрализованных унитарных государствах, например в Великобритании, нет чиновников, назначаемых правительством. Управление на местах осуществляется через выборные органы, такие как советы графств. Взаимодействие центрального правительства с местными органами власти происходит благодаря косвенному влиянию, например посредством бюджетного финансирования и кредитного контроля [1].

В административно автономных регионах местные представительные органы не имеют полномочий для законодательных инициатив, но вправе выпускать нормативные акты в рамках своих полномочий. От других территориальных единиц, не обладающих автономным статусом, они отличаются расширенными правами на использование национального языка (в том числе в образовании, медиа и прочих сферах) и учетом культурных и иных традиций местного населения. По такому принципу функционируют автономные области Китая, которые в поли-



тическом измерении имеют формат административных автономий [7] и отличаются очевидной спецификой и в естественно-географическом, и в экономическом отношении [20].

Регионалистское государство представляет собой форму политической организации, где вся территория, а не только отдельные ее части, состоит из автономных единиц, многие из которых обладают специфическим политико-правовым статусом. Такие государства также известны как государства автономий [11]. Отличие регионалистского государства от сложного унитарного государства (с автономией) и от федерации заключается в том, что территория такого государства полностью состоит из автономных образований [4, с. 228].

Если федерации формируются на основе договоров, регионалистские государства часто берут начало из унитарных образований по решению центральных властей, при этом автономия регионов носит несколько искусственный, октроированный характер [13].

Регионалистское государство характеризуется следующими признаками:

1) унитарность государственного строения закреплена на уровне конституции;

2) регионы обладают определенным уровнем территориальной (политической) автономии;

3) в регионах представитель центральной власти, такой как губернатор или комиссар, обычно назначается центральным правительством;

4) существуют асимметрия и различия в статусах автономий [3]. В Испании, например, различают автономии с «широкими» полномочиями, такие как Каталония, Андалусия, Страна Басков, и автономии с «узкими» полномочиями, которые представляют большинство автономных сообществ. В Италии пять из двадцати областей имеют специальный статус, предоставляющий им широкие автономные права.

Регионализм, таким образом, может проявляться и как централизованная система, и как децентрализованная.

В современной политологии вопросы централизации и децентрализации в управлении региональными пространствами занимают центральное место при анализе государственного устройства и административной политики. Эти методы демонстрируют различные подходы к разделению полномочий и ресурсов между национальным правительством и местными управленческими структурами, которые имеют свои плюсы и минусы, варьирующиеся в зависимости от уникальных исторических, экономических и социальных контекстов каждой страны [5].

Так, централизация предполагает концентрацию административных полномочий и ресурсов в руках центрального правительства. В таких системах решения принимаются на национальном уровне, действует единый механизм управления, который стандартизирует политические процедуры и реализацию общегосударственных проектов по всей стране. Преимущество такого подхода состоит в единообразии политики оптимизации регионального пространства, когда централизация обеспечивает consistency и предсказуемость политического управления (что особенно важно в кризисных ситуациях), возможность для центрального правительства более эффективно распределять ресурсы исходя из об-



щенациональных интересов, уменьшение региональных диспропорций (поскольку централизованное управление позволяет сокращать экономическое и социальное неравенство между регионами).

Вместе с тем основным недостатком централизованной системы как управленческого подхода является отсутствие гибкости, излишне централизованная система неспособна быстро реагировать на текущие проблемы регионального развития. Кроме того, замедлять процесс управления могут высокий уровень бюрократизации, длительные сроки ожидания принятия решений по важным вопросам, ограничение местного самоуправления, что снижает мотивацию регионов к внедрению инноваций и совершенствованию управленческих механизмов.

108

Децентрализация как система выстраивания внутренней политики государства, напротив, позволяет регионам иметь большую автономию в принятии решений и управлении локальными ресурсами, полномочия передаются от центрального правительства к региональным и местным органам власти. Преимущества децентрализации очевидны: это увеличение общей эффективности жизнедеятельности региона, укрепление демократических институтов, повышение уровня доверия к власти, ускорение модернизации экономики и методов управления, большая свобода в инновационном развитии.

При этом чрезмерная децентрализация может привести к фрагментарности территорий государства, неоднородности национальной политики, усилению региональных диспропорций, коррупции, неэффективному или неконтролируемому использованию ресурсов.

Выбор стратегий оптимизации внутрирегионального пространства, основанных на централизации либо децентрализации, зависит от многих факторов, включая исторические традиции, культурные особенности, экономическое развитие и политическую стабильность страны [6]. Более того, внутренняя политика самого государства может меняться в разные периоды в зависимости от текущей социально-политической ситуации, и это может самым прямым образом влиять на региональные стратегии, что усложняет их анализ, но предоставляет возможность выявить общие тенденции и успешные мировые практики.

Если рассматривать стратегии оптимизации внутрирегионального пространства в рамках централизации, можно привести пример унитарной Франции, которая представляет собой классический образец централизованного управления, где значительная часть административных, финансовых и политических решений принимается в Париже. Это обеспечивает единство и согласованность в национальной политике, что способствует стабильности и предсказуемости экономического развития. Однако такая модель также может приводить к недостаточному учету региональных особенностей и замедлению инновационных инициатив на местах. В той же унитарной Франции регионы с уникальными экономическими и культурными условиями зачастую испытывали затруднения из-за стандартизированных подходов, которые не учитывали местного контекста, что приводило к социальному недовольству и усилению региональных диспаритетов [16].

И наоборот, Германия и Швейцария являются примерами стран с высокой степенью децентрализации [17]. В Германии земли обладают



значительной автономией, что позволяет им разрабатывать собственные проекты в сфере образования, культуры, социальной политики, то есть учитывать местные нужды и возможности. Опыт Швейцарии с ее уникальной системой кантонов демонстрирует, каким образом широкая децентрализация способствует социальной гармонии и экономическому процветанию, основанному на прямой демократии и местном самоуправлении.

Можно вспомнить и другие успешные практики оптимизации внутрирегионального пространства специфическими методами, основанными скорее на традиционных, исторически обусловленных политических стратегиях. Так, в Испании децентрализация, особенно в таких автономных сообществах, как Каталония и Страна Басков, привела к значительному экономическому росту и культурному возрождению. Однако эта модель также породила и серьезные политические проблемы, включая стремление некоторых регионов к независимости [15].

Однако в Китае быстрому экономическому росту и значительному улучшению жизненного уровня населения способствовала скорее централизованная модель управления. Данный подход также имеет свои негативные последствия, в частности региональные экономические дисбалансы и ограничения в местном самоуправлении.

Анализ опыта разных стран по оптимизации внутрирегионального пространства показывает, что регионы с высоким уровнем автономии часто демонстрируют более высокие темпы экономического роста. В частности, в таких федеративных странах, как Германия и США, децентрализация полномочий способствовала развитию местной экономики за счет адаптации политик к специфике регионов. Региональные правительства, используя свои полномочия, внедряли инновационные программы в области технологий, образования и местного бизнеса, что способствовало повышению конкурентоспособности.

Успешной реализации внутренней политики государства может способствовать интеграция региональных и национальных стратегий. Например, в Южной Корее централизованные инвестиции в научные и технологические исследования в определенных регионах стимулировали развитие высокотехнологичных индустрий, что оказало положительное воздействие на экономику всей страны [19].

Более того, регионы с активной социальной политикой и поддержкой инноваций способны быстрее адаптироваться к изменениям и эффективнее решать социальные проблемы. Например, в Нидерландах местные власти активно сотрудничали с некоммерческими организациями и бизнесом для решения проблем жилья и образования, что способствовало повышению качества жизни населения.

Анализ мирового опыта показывает, что нет универсальной стратегии управления внутрирегиональным пространством, которая была бы одинаково эффективной для всех стран. Важнее соблюдать баланс между централизацией и децентрализацией, адаптируя управленческие стратегии к уникальным условиям каждого региона. Это требует глубокого понимания местных особенностей, активного вовлечения сообществ и постоянного мониторинга результатов реализуемых политических стратегий.



Обсуждение результатов

Исследование показало, что стратегии оптимизации внутрирегионального пространства, основанные на децентрализации, способствуют усилению местной инициативы и более эффективному использованию местных ресурсов. Однако также было выявлено, что централизованные подходы могут быть более предпочтительными в контексте обеспечения равного доступа к основным услугам и реализации национальных проектов.

Универсальной модели оптимизации территориального пространства политического образования, которая идеально подходила бы для всех стран или всех регионов внутри одной страны, нет. Стратегически правильный выбор между основными подходами — централизацией и децентрализацией — зависит от множества факторов, включая исторический опыт, культурные традиции, экономическое положение, политическую структуру страны. Важно, чтобы каждая страна адаптировала эти модели с учетом своих политических условий. В странах с высоким уровнем регионального разнообразия и значительными различиями в экономическом развитии регионов децентрализация может способствовать лучшей адаптации политики центральной власти к местным условиям. Однако для обеспечения общенационального согласия и равенства регионов в общегосударственной системе необходимы механизмы централизованного планирования и контроля.

Централизованное управление обеспечивает единообразие и стандартизацию общегосударственной политики, что крайне важно для стран с ограниченными ресурсами и высоким уровнем коррупции. Однако децентрализация способствует большей гибкости в решении локальных проблем, что может стимулировать инновации и развитие экономики [14].

Исследование выявило взаимосвязь между выбранной моделью управления (централизованной или децентрализованной) и ее влиянием на социально-экономическое развитие регионов. Регионы с большей автономией часто демонстрируют более высокие показатели в области инноваций и экономического роста. Это объясняется возможностью автономий быстрее реагировать на изменения в экономической среде и адаптировать общегосударственную политику к местным условиям. Тем не менее такая модель может привести к увеличению региональных диспаритетов, если более благополучные регионы продолжают усиливать свои преимущества в ущерб менее развитым.

Очевидна роль государства в сбалансированном развитии регионов, в обеспечении равных возможностей для всех регионов. Это включает в себя не только распределение финансовых ресурсов, но и поддержку при формировании общей институциональной среды, которая должна способствовать развитию предпринимательства, образования и здравоохранения.

Результаты исследования также актуализируют значимость изучения и адаптации международных практик управления региональным развитием. Модели, успешные в одних странах, могут быть исследованы и модернизированы с целью их использования в других с учетом локаль-



ных условий — социальных, экономических, культурных и национальных. Так, исследование влияния инфраструктурных проектов на региональное развитие в других странах может подсказать государственным органам, какие проекты наиболее выгодны и в какие регионы следует направлять дополнительные ресурсы.

Разработка стратегии оптимизации внутрирегиональных пространств в рамках большой страны — это всегда многоаспектная задача, реализация которой требует комплексного подхода. Успех внутренней политики государства в значительной мере зависит от того, насколько эффективно оно сможет использовать ресурсы и потенциал каждого региона, обеспечивая при этом его устойчивое развитие.

Выводы

Оптимизация внутрирегионального пространства представляет собой сложный процесс, который требует глубокого анализа и адаптации к динамично изменяющимся условиям для реализации эффективной внутренней политики. Исследование стратегий оптимизации становится важным инструментом для понимания того, как государство может эффективно управлять своими ресурсами, стимулировать экономическое развитие и улучшать качество жизни населения.

Применение чужого опыта может иметь решающее значение для формулирования собственной эффективной внутренней политики. Требуется разработка адаптивных политических инструментов, которые будут способствовать гармоничному развитию всех регионов в рамках единой государственной стратегии.

Список литературы

1. Алимухамедов С. Децентрализация системы государственного управления в зарубежных странах: сравнительно-правовой анализ // Общество и инновации. 2023. Т. 4, №9/S. С. 185–199.

2. Гаджиметов Б.Э., Щукин О.С., Яковлева И.К. Внедрение цифровых технологий в процесс государственного управления регионом // Современная экономика: проблемы и решения. 2021. Т. 11. С. 122–135.

3. Гульгоров В.И. Регионалистское государство и его место среди форм государственного устройства // Экономика, управление, право и социум : сб. матер. IV Межрегиональной науч.-практ. сетевой Интернет-конференции, Симферополь, 20 декабря 2020 года / сост. С.В. Шефель, С.В. Землячев. Симферополь, 2020. С. 122–128.

4. Дементьев А.В. Монография «Испания. Современное нестабильное общество»: взгляд в прошлое и ключ к пониманию современных проблем страны // Ибероамериканские тетради. 2024. Т. 12, №2. С. 225–231.

5. Иващенко О.Д. Роль государственного регулирования в управлении социально-экономическим развитием территорий // Механизмы управления социально-экономическими системами: теория и практика : матер. VI Респ. интернет-конф. (Донецк, 16 ноября 2023 г.). Донецк, 2023. С. 178–180.

6. Исаев А.М. Централизация и децентрализация федеративных правоотношений в современной России: опыт количественного анализа // Молодежный



научный потенциал в юриспруденции XXI века: от теории к практике : сб. ст. III Всерос. межвузовской студенческой науч.-практ. конф., Москва, 14 октября 2020 года. М., 2020. С. 69–75.

7. Кондрашова Л. И. Реформа административно-территориального устройства КНР: вчера, сегодня и завтра // 40 лет экономических реформ в КНР : сб. ст. / сост. П. Б. Каменнов ; отв. ред. А. В. Островский. М., 2020. С. 60–75.

8. Лебедева М. Л. Французское региональное политическое пространство: концептуально-теоретическая характеристика // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. №5. С. 1343–1353.

9. Маскатулин М. М. Проблемы в терминах и понятиях административно-территориальных образований в системе территориального устройства регионов Российской Федерации // Научная сессия ГУАП : сб. докл. : в 3 ч. Санкт-Петербург, 09–13 апреля 2018 г. СПб., 2018. Ч. 3. С. 288–289.

10. Назаретян Д. Г. Территориальные автономии в унитарных государствах на постсоветском пространстве: деволюция полномочий в сфере межбюджетных отношений // Власть. 2022. Т. 30, №4. С. 171–180.

11. Осипов Р. А. Регионалистское (региональное) государство – новая форма национально-государственного и административно-территориального устройства (теоретический аспект) // Сборник статей по материалам VII Всероссийской конференции молодых ученых. Сургут, 30 октября 2020 года. Сургут, 2021. Т. 2. С. 201–202.

12. Павлов Ю. В., Хмелева Г. А. Концепция региональной агломерационной политики // Экономика, предпринимательство и право. 2023. Т. 13, №2. С. 297–316.

13. Панов П. В. Многоликий регионализм // Вестник Пермского университета. Сер.: Политология. 2020. Т. 14, №1. С. 102–115.

14. Пирогова Е. В. Формирование инновационных кластеров как механизм развития инновационного потенциала региона // Вестник академии знаний. 2020. №5 (40). С. 380–385.

15. Anderson P. Decentralisation at a crossroads: Spain, Catalonia and the territorial crisis // Federalism as a tool of conflict resolution / ed. by S. Keil, E. Alber. Abington ; N. Y., 2021. P. 14–27.

16. Balme R., Bonnet L. From regional to sectoral policies: The contractual relations between the state and the regions in France // The end of the French unitary state?: Ten years of regionalization in France (1982–1992) / ed. by J. Loughlin and S. Mazey. L., 1995. P. 51–71.

17. Gaskell J., Stoker G. Centralized or decentralized? Which governance systems are having a “good” pandemic? // Democratic Theory. 2020. Vol. 7, №2. P. 33–40.

18. Janicki W. Contemporary administrative division and historically shaped regional borders: a comparative analysis in Poland // Human Geographies. 2020. Vol. 14, №1. P. 39–58.

19. Jung Y., Kim E., Kim W. The scientific and technological interdisciplinary research of government research institutes: network analysis of the innovation cluster in South Korea // Policy Studies. 2021. Vol. 42, №2. P. 132–151.

20. Liu Y., Zhou Y. Territory spatial planning and national governance system in China // Land Use Policy. 2021. Vol. 102. 105288. P. 1–9.

21. Moodie J. R., Wøien Meijer M., Salenius V., Kull M. Territorial governance and smart specialisation: empowering the sub-national level in EU regional policy // Territory, Politics, Governance. 2023. Vol. 11, №7. P. 1392–1412.

22. Smith B. C. Decentralization: The territorial dimension of the state. L., 1985.

**Об авторе**

Анна Александровна Никлаус — канд. полит. наук, доц., Московский психолого-социальный университет, Москва, Россия.

E-mail: nicklaus.anna@gmail.com

A. A. Niklaus

**STRATEGIES FOR OPTIMISING INTRAREGIONAL SPACE
AS A PRACTICAL IMPLEMENTATION OF DOMESTIC STATE POLICY**

Moscow Psychological and Social University, Russia

Received 19 August 2024

Accepted 17 November 2024

doi: 10.5922/vestnikhum-2024-4-9

113

To cite this article: Niklaus A. A., 2024, Strategies for optimising intraregional space as a practical implementation of domestic state policy, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №4. P. 103–113. doi: 10.5922/vestnikhum-2024-4-9.

The article is devoted to the analysis of strategies for optimising intraregional space in the context of implementing domestic state policy. The study focuses on comparing centralized and decentralized approaches to managing regional development, as well as their impact on the socio-economic situation of the regions. To assess the effectiveness of various management models, the paper uses an institutional research method and comparative analysis. The main findings emphasize the importance of a flexible approach to managing the intraregional space of the state, regardless of the form of political structure, which would take into account the unique conditions of each region, as well as the need for a balance between national integration and regional autonomy to achieve sustainable development of the country. At the same time, the article presents the characteristics of the processes of development and development of new territories in the system of priorities of regional policy of the modern state. The study of theoretical, methodological and applied aspects affecting the processes and mechanisms of development of new territories by the state is certainly relevant. The author of the article presented a classification of development types according to the criterion of the functional purpose of the development of new territories, as well as a typology based on the chronological criterion. Resource, institutional and network approaches to the development of territories are considered.

Keywords: region, regional autonomy, intraregional space, management strategies, domestic policy, optimisation of regional management, centralisation and decentralisation, national integration

The author

Dr Anna A. Niklaus, Associate Prof., Moscow Psychological and Social University, Russia.

E-mail: nicklaus.anna@gmail.com

Л. С. Жирнова, Н. И. Курбанов, Н. Д. Тихонов

КОГНИТИВНОЕ КАРТОГРАФИРОВАНИЕ ГРАНИЦЫ
ЗАПАДНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ:
ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

Московский государственный институт международных отношений МИД

России (Университет), Россия

Поступила в редакцию 18.07.2024 г.

Принята к публикации 19.10.2024 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2024-4-10

114

Для цитирования: Жирнова Л. С., Курбанов Н. И., Тихонов Н. Д. Когнитивное картографирование границы Западной и Восточной Европы: трансформация представлений // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2024. №4. С. 114–123. doi: 10.5922/vestnikhum-2024-4-10.

Представлены результаты использования когнитивного картографирования в изучении представлений о границе Западной и Восточной Европы. Данная граница претерпела трансформации в постсоветский период и продолжает переосмысливаться в настоящий момент в соответствии с чаяниями ряда постсоветских стран и расширением евроатлантических интеграционных процессов. В основу исследования легло анкетирование студентов-первокурсников МГИМО, которым предлагалось обозначить на карте соответствующую границу и ответить на вопрос о том, как часто они путешествуют и считают ли они Россию европейской страной. Прошло три волны исследования: в 2022 (до начала СВО), 2023 и 2024 гг. Изучение представлений именно этой группы студентов является особенно интересным, поскольку в будущем именно они могут составить ядро российской дипломатии. Согласно ответам респондентов, «основная» граница Западной и Восточной Европы пролегла по следующему маршруту: российско-финляндская граница – Финский залив – Балтийское море – польско-немецкая граница – чешско-немецкая граница – чешско-австрийская граница – австрийско-словацкая и австрийско-венгерская границы. В целом эта картина сохранилась на протяжении всех трех лет, хотя в 2023 и 2024 гг. отмечаемая граница стала более четкой, в частности количество случаев отнесения Хорватии к Восточной Европе, а стран Балтии – к Западной стало минимальным. При этом те респонденты, которые чаще путешествуют, были склонны давать более детализированную и менее шаблонную картину границы. Также наметились неожиданные различия в ответах опрошенных в зависимости от их пола: женщины оказались более склонны придвигать границу Восточной Европы ближе к России.

Ключевые слова: Западная Европа, Восточная Европа, когнитивное картографирование, граница, конструктивизм



Представления об очертаниях политической карты мира зачастую воспринимаются как данность и не относятся к числу рефлекслируемых. Однако при более внимательном рассмотрении границы привычных географических наименований оказываются неожиданно вариативными. Вышесказанное в полной мере справедливо для границы Западной и Восточной Европы. Зачастую большее внимание уделяется восточной границе Европы в целом, однако граница Западной и Восточной Европы в политическом и общественном дискурсе фигурирует и как граница между более и менее благополучными странами, а также как граница условной зоны российского влияния. В последние десятилетия эта граница трансформируется под влиянием расширения зоны евроатлантической интеграции, а также усилий ряда восточноевропейских государств, которые не хотят ассоциироваться с социалистическим прошлым. В этой связи представляется актуальной задача изучения представлений об этой границе.

Настоящее исследование посвящено образу границы Западной и Восточной Европы в представлениях студентов-международников, то есть будущих российских дипломатов. Особенность используемого подхода заключается в применении методик когнитивного картографирования. Однако прежде чем перейти к изложению результатов исследования, необходимо представить общий обзор эволюции идеи деления европейского континента на запад и восток.

Восточная Европа: обзор представлений

Проблема разграничения Западной и Восточной Европы уходит своими корнями в глубь веков, на протяжении которых она достаточно подробно исследовалась как российскими, так и зарубежными историками, политологами и философами. Впервые единое европейское пространство оказывается разделено на Восток и Запад при императоре Диоклетиане в 285 г., а окончательно Римская империя была разделена между сыновьями императора Феодосия I Великого в 395 г. по его завещанию. Примечательно, что в «Слове на смерть Феодосия Великого» роль императора в этом процессе сведена к воспроизведению имевшихся правовых норм [1], следовательно процесс формирования истоков разделения единого европейского пространства на Восток и Запад был завершён уже к концу IV в.

На Западе Римское государство угасло в 476 г., тогда как Восточная Римская империя пережила своего соседа почти на тысячу лет, но после правления Юстиниана I смогла сохранить непосредственно на европейском континенте лишь небольшие владения в его восточной части. Укреплению представления о различиях между «Востоком» и «Западом» способствовала сначала Великая Схизма, а затем нашествия татаро-монголов и турок-осман, которые смогли в той или иной форме получить контроль над большей частью европейского континента на Востоке. В результате идея «Западной Европы» начинает использоваться в целях борьбы против сначала Византии и православия, а затем исламского мира [13]. «Восток» европейского континента постепенно начинает и



в Восточной Европе ассоциироваться с чем-то диким и неизведанным: так, польский автор Матвей Меховский в «Трактате о двух Сарматиях» стремится представить Польшу как последний оплот Европы перед «открытыми войсками короля Польского» землями, сравнивая польскую колонизацию этих земель с португальской в Индии и Южной Америке. При этом к «Европейской Сарматии» Меховский причисляет области «руссов, литовцев и москвов» [5, с. 47–48].

К концу XVIII – началу XIX в. границы между Востоком и Западом Европы перестают совпадать с политическими или религиозными: фактически вся территория, которую можно было бы обозначить как «Восточная Европа», оказывается поделена между четырьмя монархиями: Габсбургов, Гогенцоллернов, Романовых и Оттоманов. По мнению современного итальянского философа Дж. Агамбена, в результате этого сформировались особенности самовосприятия восточных европейцев, для которых государственная идентичность была шире, чем национальная принадлежность [10]. В этот период классики геополитики пытаются провести разграничения между регионами Европы, ссылаясь на роль географического расположения пространства проживания для развития народа, что отражено в трудах Карла Риттера [18, S. 15–16] и Фридриха Ратцеля [7, с. 110]. В дальнейшем, уже после Первой мировой войны, геополитики переосмыслиют разделение Востока и Запада Европы, обращаясь ко всему европейскому (а отчасти даже евразийскому) пространству как к чему-то единому, что прослеживается в работах Карла Хаусхофера [8, с. 377], который к тому же предупреждал против разделения Востока Европы (в первую очередь России) и *Abendland* (историческое название Западной Европы в немецком языке) [9, с. 113].

Во второй половине XX в. граница между Западом и Востоком в Европе проходит наиболее явно за всю историю данных регионов. Страны блока НАТО понимались как Западная Европа, страны ОВД – как Восточная. Стоит отметить, что в преамбуле Варшавского договора создание ОВД рассматривалось как ответ на образование «западноевропейского союза» [3, с. 290]. В силу этого вопрос границ между «Западом» и «Востоком» Европы не был столь актуальным для ученых-международников.

Попытки переосмыслить существовавшее разделение Европы на Восток и Запад все же предпринимались восточноевропейскими диссидентами, которые вместо понятия «Восточная Европа» предлагали термин «Центральная Европа». В первую очередь здесь стоит упомянуть чешского писателя Милана Кундеру и его статью «Трагедия Центральной Европы», в которой он выделяет Чехословакию, Польшу и Венгрию в отдельный регион, отличающийся культурно, исторически и политически как от Восточной Европы (тогда представленной исключительно СССР), так и от Западной [16, р. 36]. Сейчас на репрезентацию непосредственно Центральноевропейского региона в Европе по большей части претендуют страны Вишеградской четверки, отказывающиеся считать себя «Востоком» Европы.

После окончания Холодной войны проблема установления границ между Востоком и Западом Европы снова приобретает актуальность в



научном и общественном дискурсе в связи с процессом евроинтеграции, расширения НАТО на Восток и поисками экс-социалистическими странами своей новой идентичности. С одной стороны, определяющими здесь во многом остаются послевоенные ориентиры. Статистическая комиссия ООН и сегодня рассматривает в качестве Восточной Европы в основном те страны, которые по итогам Второй мировой войны оказались в советской сфере влияния [19], в то время как НАТО определяет эти государства как «Восточный фланг» [20]. В то же время, к примеру, странам Балтии в 2017 г. удалось добиться изменений в статистической классификации ООН и перейти из категории Восточной в категорию Северной Европы [11]. Хотя Латвия, Литва и Эстония значительно уступают другим странам Северной Европы по основным экономическим показателям, их руководство считает, что ребрендинг позволит привлечь больше инвестиций и дистанцироваться от клейма отсталости и зависимости от России, тесно ассоциирующегося с понятием Восточной Европы.

Научное сообщество также стало уделять больше времени вопросу осмысления границы Восточной Европы. Этой теме посвящена ставшая классической работа Ларри Вульфа «Изобретая Восточную Европу» [2]. Также исследованием стран данного региона в контексте его восприятия занимался Рик Фаун [12], а проблематике интеграции Восточной Европы в ЕС посвящена работа Сами Моизио [17]. Актуальной представляется и вопрос российского восприятия границ в Европе, но в первую очередь здесь исследуется не дихотомия Западной и Восточной Европы, а именно восточная граница Европы, чему, к примеру, посвящено исследование В. А. Колосова и М. В. Зотовой о восприятии европейского региона в целом в России [4]. Можно также выделить исследование И. В. Мирошниченко, которое, как и нынешняя работа, построено на обобщении представлений молодежи [6].

Методология исследования

В основу исследования положен конструктивистский подход в международных отношениях, который рассматривает границы как государств, так и регионов не как данность, а как продукт представлений людей. В логике данного подхода «объективные» предпосылки существования таких границ не имеют веса сами по себе, а становятся существенными, только если закрепляются в представлениях соответствующих групп [14]. Представления о границах отражены в дискурсе, и для их изучения используются методики дискурс-анализа, которые позволяют выявить устойчивые фрагменты нарратива, раскрывающие особенности изучаемого объекта [15]. В данном случае в качестве нарратива рассматривались картографические отображения границы Западной и Восточной Европы, подготовленные респондентами.

В качестве респондентов были выбраны первокурсники факультета международных отношений МГИМО МИД России. Эта группа представляется релевантной по нескольким причинам. С одной стороны, эти студенты выбрали специальность, связанную с внешней политикой и дипломатией, что свидетельствует об их интересе к международным



отношениям и политической географии. Более того, в будущем именно представления этой группы могут сыграть важную роль в формировании внешней политики России, поскольку именно данный факультет является основной кузницей кадров для российского МИД. С другой стороны, исследование проводилось на первом курсе, когда представления студентов еще не были в некоторой степени стандартизированы учебной программой.

Анкетирование проводилось на протяжении трех лет: 16 февраля 2022 г. (110 чел.), 27 февраля 2023 г. (80 чел.) и 19 февраля 2024 г. (73 чел.). Респондентам было предложено нарисовать на карте границу между Западной и Восточной Европой. Поскольку исследование направлено на выявление представлений, а не на проверку знаний географии, респондентам была представлена карта с подписанными странами.

С точки зрения демографических аспектов анкетирования, по возрасту большого разнообразия не наблюдалось: опрашивались студенты-первокурсники, большинству из них 18 лет — более 76 % в 2022 г., почти 74 % в 2023 г., 75 % в 2024 г. По половому признаку респонденты распределились почти поровну: девушки составили почти 60 % респондентов в 2022 г., 47,5 % в 2023 г. и 45 % в 2024 г. Более трети опрошенных — из Москвы (в 2024 г. их доля поднялась до 46,5 %), остальные представляют еще более тридцати регионов России. Иностранцев среди респондентов немного (Казахстан, Таджикистан, Белоруссия и Кыргызстан).

Кроме основного вопроса анкета содержала дополнительные пункты содержательного характера: как часто респонденты выезжают за границу и считают ли они Россию европейской страной (по шкале от -5 до 5). Эти вопросы соответствуют двум основным гипотезам исследования — о том, что на проведение границы в том или ином месте будет влиять опыт заграничных путешествий и восприятие европейской идентичности России.

Для упрощения процедур агрегирования данных в первую очередь анализировались результаты по 12 странам (Финляндия, Польша, Чехия, Австрия, Венгрия, Хорватия, Италия, Греция, Болгария, Румыния, Украина, Армения), поскольку граница чаще всего проводилась именно вдоль этих государств. С 2023 г. для уточнения границы на севере была добавлена Эстония. Когда респондент включал ту или иную страну в регион Восточной Европы, она получала 1 балл. Если не включал — 0 баллов. Отдельной сложностью при систематизации данных стала некоторая неточность расположения крайних точек границ. Для разрешения этой проблемы был использован отдельный методологический механизм: если граница заканчивалась посередине карты (очень часто такая ситуация наблюдалась со Словенией) и было неясно, включает ли респондент Хорватию или нет, от последней точки отметки респондента вниз и вправо проводились воображаемые вертикальная и горизонтальная линии, и все соседние страны, расположенные справа и сверху, автоматически получали +1 балл. Такой шаг позволял более четко проследить границу. Затем для каждой страны баллы суммировались и рассчитывалась пропорция по каждому из параметров. На заключительном этапе происходило сравнение полученной информации с данными других лет.



Основные результаты

Результаты анкетирования независимо от года проведения исследования подтверждают, что граница между Западной и Восточной Европой понимается молодым поколением будущих международных работников неоднозначно. Ответы респондентов оказались достаточно вариативными, причем на севере Европы эта вариативность была меньше, чем на юге. «Основная граница», по мнению респондентов, в 2022 г. пролегла по маршруту: российско-финляндская граница — Финский залив — Балтийское море — польско-немецкая граница — чешско-немецкая граница — чешско-австрийская граница — австрийско-словацкая и австрийско-венгерская границы. Одни страны, к примеру Франция и Германия, всегда относились респондентами к числу западноевропейских, другие, к примеру Хорватия и Словения, иногда оказывались на западе, а иногда на востоке. Так как в части анкет страны Балтии и Польша оказывались в числе западноевропейских государств, российский эксклав Калининградская область также попадал в Западную Европу. Результат когнитивного картографирования 2022 г. — картосхема с агрегированием данных, полученных от респондентов, — представлен на рисунке. Толщина линии на рисунке зависит от доли выбравших этот рубеж в качестве границы Западной и Восточной Европы.

119

Любопытно, что за последние два года ситуация в целом не изменилась, то есть представления о границе Западной и Восточной Европы в целом остались достаточно укрепленными в общественном сознании. Стоит отметить, что респонденты стали более четко проводить границу. При этом Хорватия стала чаще относиться к Западной Европе, а страны Балтии — к Восточной.

Гипотеза о корреляции между частотой путешествий и представлениями о разделении на Западную и Восточную Европу в целом подтвердилась. Подавляющее большинство респондентов (87,2 % в 2022 г.; 92,4 % в 2023 г.; 90,4 % в 2024 г.) выезжали за границу хотя бы один раз, и чем больше человек путешествовал, тем менее «стандартной» и предсказуемой оказывалась нарисованная им граница. Самый творческий подход проявили те, кто много путешествует, — они не только делали границу обычно более протяженной (вплоть до Кавказа), но и иногда включали в число восточноевропейских государств такие нестандартные варианты, как Италия. А вот те, кто путешествует редко, обычно проводили границу только в центральной части континента, не рассматривая север и юг (Скандинавию и Балканы).

Вторую гипотезу подтвердить не удалось. На данный момент не найдено связи между тем, насколько европейской респондент считает Россию и как именно он разграничивает европейский континент, однако эта часть материала требует дальнейшего исследования. В то же время нельзя не отметить, что большинство респондентов считают Россию скорее европейской страной, и эта тенденция сохранялась на протяжении всего рассматриваемого периода. В среднем респонденты оценили принадлежность России к Европе на 1,89 в 2022 г., 1,90 в 2023 г. и 1,93 в 2024 г. по шкале (от -5 до 5).



Рис. Ответы респондентов о том, где пролегает граница между Западной и Восточной Европой, 2022 г. Составлено авторами в программе ArcGIS Survey

На основе обобщения результатов трех волн анкетирования неожиданно была зафиксирована дифференциация ответов в зависимости от пола респондентов. Женщины оказались более склонны проводить границу региона Восточной Европы ближе к границе России, ограничивая его Украиной, Белоруссией, Болгарией и Румынией, а мужчины расширяли границы Восточной Европы на запад, добавляя к нему большинство балканских государств. На данный момент сложно сказать, чем обусловлены такие результаты и насколько они устойчивы, однако в любом случае такое наблюдение представляется небезынтересным.

Выводы

Исследование подтвердило тезис о вариативности представлений о границе Западной и Восточной Европы, однако на основе обобщения полученных ответов удалось выявить следующую «магистральную» границу: российско-финляндская граница — Финский залив — Балтийское море — польско-немецкая граница — чешско-немецкая граница — чешско-австрийская граница — австрийско-словацкая и австрийско-венгерская границы. Интересно, что северная часть границы вызывала у респондентов меньше разногласий, чем южная.

Эти тенденции в целом сохранились на протяжении всех трех волн исследования, однако в 2023 и 2024 гг. ответы студентов стали более однозначными: к примеру, страны Балтии стали значительно реже попадать в категорию западноевропейских, а Хорватия — в категорию восточноевропейских государств. Подтвердилась гипотеза о корреляции ответов с частотой путешествий: те, кто чаще бывает за границей, склон-



ны «раздвигать» границы Восточной Европы. Также наметилась неожиданная корреляция ответов опрошенных с их полом: мужчины оказались склонны отодвигать границу Восточной Европы от границ России.

Исследование показывает, как применение когнитивного картографирования расширяет возможности изучения пространственных представлений. Авторы планируют продолжить анкетирование респондентов, чтобы и дальше отслеживать трансформацию представлений о границе Западной и Восточной Европы.

Список литературы

1. Амвросий Медиоланский. Слово на смерть Феодосия Великого // Азбука веры : информационный интернет-портал. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Amvrosij_Mediolanskij/slovo-na-smert-feodosija-velikogo/ (дата обращения: 30.05.2024).
2. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003.
3. Главные политические документы XX в. М. ; Берлин, 2016.
4. Колосов В. А., Зотова М. В. Геополитическое видение мира российскими гражданами: почему Россия не Европа? // Полис. Политические исследования. 2012. № 5. С. 170–186.
5. Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях / пер. С. А. Аннинского. Л., 1936.
6. Мирошниченко И. В. Пространственный образ Европы в представлениях российской молодежи: результаты эмпирического исследования // Вестник Пермского университета. Сер.: Политология. 2018. № 2. С. 31–43.
7. Ратцель Ф. Политическая география (в изложении Л. Синицкого) // Геополитика и безопасность. 2007. № 1. С. 110–116.
8. Хаусхофер К. Континентальный блок. Центральная Европа, Евразия, Япония // О геополитике. Работы разных лет. М., 2001. С. 371–418.
9. Хаусхофер К. Панидеи в геополитике // Регион и мир. 2017. № 1. С. 112–119.
10. Agamben G. L' Impero europeo // Quodlibet : инф. интернет-портал. 06.02.2023. URL: <https://www.quodlibet.it/giorgio-agamben-l-u2019impero-europeo> (дата обращения: 16.07.2024).
11. Bershidsiy L. Why the Baltics want to move to another part of Europe // Bloomberg : инф. интернет-портал. 10.01.2017. URL: <https://www.bloomberg.com/view/articles/2017-01-10/why-the-baltics-want-to-move-to-another-part-of-europe> (дата обращения: 16.07.2024).
12. Fawn R. The elusive defined? Visegrád co-operation as the contemporary contours of central Europe // Geopolitics. 2001. Vol. 6, № 1. P. 47–68.
13. Historiker Wolfgang Benz zu "Pegida": "Das Abendland ist ein Mythos" // Tagesspiegel : информационный интернет-портал. 05.01.2024. URL: <https://www.tagesspiegel.de/politik/das-abendland-ist-ein-mythos-6902629.html> (дата обращения: 16.07.2024).
14. Jackson R. H., Sorensen G. Social constructivism // Introduction to international relations: Theories and approaches. Oxford ; N. Y., 2007. P. 161–177.
15. Jørgensen M., Phillips L. J. Discourse analysis as theory and method. L., 2002. URL: <https://dx.doi.org/10.4135/9781849208871> (дата обращения: 16.07.2024).
16. Kundera M. The tragedy of central Europe // The New York Review of Books. 1984. Vol. 31, № 7. P. 33–38.



17. Moisis S. EU eligibility, Central Europe, and the invention of applicant state narrative // *Geopolitics*. 2002. Vol. 7, №3. P. 89–116.

18. Ritter C. *Allgemeine Erdkunde*. Berlin, 1862.

19. *Statistical Yearbook*. 2019 edition // The United Nations Statistics Division. URL: https://unstats.un.org/unsd/publications/statistical-yearbook/files/syb62/SYB_z_Annex%20I.pdf (дата обращения: 30.05.2024).

20. *Vilnius Summit Communiqué*. 11 July 2023 // North Atlantic Treaty Organisation. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_217320.htm (дата обращения: 30.05.2024).

Об авторах

122

Лидия Сергеевна Жирнова – науч. сотр., Институт международных исследований, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, Россия.

E-mail: l.zhirnova@inno.mgimo.ru

ORCID 0000-0003-2609-5389

Назар Исламович Курбанов – стажер-исследователь, Институт международных исследований, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, Россия.

E-mail: nazar.kurbanov2001@yandex.ru

ORCID 0000-0003-4820-1373

Никита Дмитриевич Тихонов – стажер-исследователь, Институт международных исследований, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, Россия.

E-mail: tihonov_n_d@my.mgimo.ru

ORCID 0009-0005-1529-7614

L. S. Zhirnova, N. I. Kurbanov, N. D. Tikhonov

MENTAL MAPPING OF THE BORDER BETWEEN WESTERN AND EASTERN EUROPE: TRANSFORMING CONCEPTIONS

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University)

Received 18 July 2024

Accepted 19 October 2024

doi: 10.5922/vestnikhum-2024-4-10

To cite this article: Zhirnova L.S., Kurbanov N.I., Tikhonov N.D., 2024, Mental mapping of the border between Western and Eastern Europe: transforming conceptions, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №4. P. 114–123. doi: 10.5922/vestnikhum-2024-4-10.

The article presents the results of using mental mapping in studying the concept of the border between Western and Eastern Europe. Since the collapse of the USSR the border under study has been transforming due to the aspirations of certain post-Soviet countries as well as



the expanding scope of the Euro-Atlantic integration. The study is based on the survey of the MGIMO first-year students who drew the border between Eastern and Western Europe on a map and answered questions on travel frequency and Russia's belonging to Europe. Three waves of the survey have been conducted so far: in 2022 (before February 22), 2023 and 2024. This group of the respondents is of special interest, because they may form the core of Russia's diplomacy in future. According to the survey, the "main" border of Western and Eastern Europe lies along the following route: the border between Russia and Finland – the Finnish Gulf – the Baltic Sea – the border between Poland and Germany – the border between the Check Republic and Germany – the border between the Check Republic and Austria – the border between Austria and Slovakia – the border between Austria and Hungary. This pattern overall remained the same over the whole period, however, in 2023 and 2024 the border became clearer, for instance, Croatia was more rarely identified as an Eastern European state, and the Baltics were more rarely attached to Western Europe. More frequent travelers were inclined to provide a more detailed and less stereotype pattern of the border. The study revealed unexpected gender differences in answers: women were more likely to push the border of the Eastern Europe closer to Russia.

Keywords: Western Europe, Eastern Europe, mental mapping, border, constructivism

The authors

Lidia S. Zhirnova, Researcher, Institute for International Studies, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University), Russia.

E-mail: l.zhirnova@inno.mgimo.ru

ORCID 0000-0003-2609-5389

Nazar I. Kurbanov, Research Intern, Institute for International Studies, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University), Russia.

E-mail: nazar.kurbanov2001@yandex.ru

ORCID 0000-0003-4820-1373

Nikita D. Tikhonov, Research Intern, Institute for International Studies, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University), Russia.

E-mail: tihonov_n_d@my.mgimo.ru

ORCID 0009-0005-1529-7614

УДК 001(891)

И. О. Дементьев

124

Рец. на кн.: Колоницкий Б. И., Сафронова Ю. А. Как написать диссертацию? Путеводитель для студентов и аспирантов гуманитарных специальностей : учебное пособие. СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2024. – 172 с.; ил.

Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
Калининград, Россия

Поступила в редакцию 01.12.2024 г.

Принята к публикации 31.12.2024 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2024-4-11

Для цитирования: *Дементьев И. О.* Рец. на кн.: Колоницкий Б. И., Сафронова Ю. А. Как написать диссертацию? Путеводитель для студентов и аспирантов гуманитарных специальностей : учебное пособие. СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2024. – 172 с.; ил. // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2024. №4. С. 124–130. doi: 10.5922/vestnikhum-2024-4-11.

В серии «Учебники Европейского университета» увидела свет новая книга – учебное пособие для студентов и аспирантов, посвященное практике написания диссертаций по гуманитарным наукам [2] (далее цитируется с указанием номера страницы в скобках). Тираж издания составляет 1000 экземпляров, и нет сомнения, что оно быстро разоидется и потребует допечатки: адресатов у путеводителя найдется немало, а, например, в столичном книжном магазине «Фаланстер» он занял первое место в списке самых популярных книг («топ продаж») за 2024 г.¹

С теми или иными проблемами при подготовке письменных работ сталкиваются все, кто учится, и поэтому большой популярностью пользуются как пособия, доступно написанные профессионалами высшей пробы (пожалуй, самое знаменитое и выдержавшее множество переизданий руководство принадлежит Умберто Эко [5]), так и видеолекции

¹ URL: https://t.me/falanster_books/33905 (дата обращения: 31.12.2024).



(например, лекция А.Л. Зорина¹). Гуманитариям, причем не только историкам, улыбается фортуна: теперь в этом ряду появилось еще одно крайне полезное пособие.

Хотя у путеводителя два автора, это не диалог, как можно было бы подумать (хотя и диалог тоже был бы интересен!), а два самостоятельных текста. Впрочем, между ними много переключек, временами авторы высказывают разные позиции по поводу одних и тех же вопросов (они называют свои разногласия «цветущим разнообразием», с. 9), а порой соглашаются. Словом, такой формат следует признать вполне удачным.

Первая часть «Как написать диссертацию? Советы молодым историкам» принадлежит перу известного историка, доктора исторических наук Б.И. Колоницкого. Автор обсуждает два важнейших вопроса: как выбрать тему и как написать диссертацию. Первый вопрос побуждает его поделиться мнением по поводу актуальности и новизны исследовательских тем, осуществимости научного проекта, апробации работы. Второй раздел, который касается техники подготовки текста, охватывает разнообразные сюжеты: обзор источников и историографии, методология, цель и задачи, структура работы и т.п. Здесь же Б.И. Колоницкий рассматривает практические вопросы: как собирать и обрабатывать материал, в каком порядке писать части работы, в чем заключаются особенности научного стиля.

«Практика академического письма» — так называется вторая часть книги, написанная кандидатом исторических наук Ю.А. Сафроновой. Здесь — множество практических советов по злободневным вопросам: оформление титульного листа и оглавления, содержание введения (постановка проблемы, актуальность, объект и предмет, целеполагание, хронологические и территориальные рамки, обзоры источников и литературы, методология, обоснование структуры, апробация работы) и заключения, принципы создания списка источников и литературы, оформление приложений, а также рекомендации по поводу стиля. Крайне интересны приводимые автором примеры формулировок из защищенных и готовящихся к защите учебных работ. В приложении публикуется программа разработанного Б.И. Колоницким курса «Мастерская историка», который ведется в Европейском университете в Санкт-Петербурге.

¹ Андрей Зорин. Как написать диссертацию. URL: <https://www.msses.ru/media/video/andrey-zorin-kak-napisat-dissertatsiyu/> (дата обращения: 01.12.2024). Правда, в тексте этой лекции, содержащей множество полезных рекомендаций, есть существенная неточность. Лектор говорит: «Ницше из великих философов, вероятно, был самым безумным. Но если вы посмотрите его докторскую диссертацию, то вы увидите, что это 2000 страниц об источниках Диогена Лаэртция — скучная добросовестная работа, тщательнейшее изучение древнегреческих источников. Сначала сделай такую работу, а потом становись Ницше — сколь угодно безумным, изобретай новые парадигмы, меняй историю человечества, но сначала отработай по обязательной программе». Совет вполне мудрый, если не учитывать того факта, что у Ницше вовсе не было никакой докторской диссертации.



Все эти материалы окажутся полезными не только для тех, кто готовится писать диссертацию, но и для университетских преподавателей, которые по всей стране сталкиваются со схожими проблемами: студенты и аспиранты повсюду путают объект и предмет исследования, колеблются в выборе между «я» и «мы» в авторском тексте¹, мучаются вопросом, с какого шага начинается дорога в тысячу ли...

Книга имеет четкую структуру, читатель легко ориентируется в ней по содержанию и найдет полезные для себя советы. Пособие написано ясным языком, временами авторы играют с интертекстуальностью. Так, Б. И. Колоницкий сообщает о том, что авторы порой бессознательно применяют методологию — «они не понимают, что говорят прозой» (с. 46); Ю. А. Сафронова напоминает, что «за “внезапно смертным” человеком не уследишь» (с. 158). Аллюзии на тексты Мольера, Булгакова и других классиков сделаны в расчете на читателя, обладающего минимально приемлемой гуманитарной культурой, но в то же время они демонстрируют образцы «игрового» стиля, который допустим (может быть, даже желателен!) в серьезных научных текстах. Ницше вещал: «“Веселая наука” — это означает сатурналии духа, который терпеливо противостоял ужасно долгому гнету — терпеливо, строго, хладнокровно, не сгибаясь, но и не питая иллюзий, — и который теперь сразу прохватывается надеждой, надеждой на здоровье, *опьянением* выздоровления» [4, с. 492]. Б. И. Колоницкий и Ю. А. Сафронова приглашают на сатурналии духа тех читателей, которые получают удовольствие от самого процесса исследования, а не только прозябают под гнетом серьезных академических задач.

Нет возможности воспроизвести здесь все ценные советы, которые вырастают из богатого исследовательского и преподавательского опыта авторов², уделяющих внимание и общим, и частным вопросам. Как делать аналитический обзор историографии вместо дублирующего ссылки перечисления фамилий и названий? Как сделать название работы точным и отражающим исследовательскую проблему? Всегда ли нужно описывать общественную актуальность исследования? Как правильно читать научные работы советского времени? Как структурировать обзор источников? Как бороться с «обаянием источника»? Как избегать «глухих ссылок»? Каким должно быть соотношение авторского текста и цитат? Как относиться к похвалам и замечаниям? Как учитывать традиции институции, в которой предстоит защита? Многие вопросы, которые были насущными для любого, кто делал первые шаги в серьезной науке, получают ответы, выстраданные авторами на протяжении их жизненного и профессионального пути.

¹ Развернутое рассуждение по этому вопросу, с которым я всецело согласен, можно найти на с. 146–149.

² Очень важна мысль Ю. А. Сафроновой: «Я уверена, что постоянная проверка и исправление студенческих работ помогли мне более внимательно относиться к логике построения собственных текстов и четкости их аргументов» (с. 75). Отсюда следует предложение к читателям редактировать чужие тексты — это тоже хорошая школа!



Крайне полезны рекомендации по стратегиям описания объекта и предмета, составления обзоров, методологического самоопределения. Эти сюжеты, как правило, вызывают затруднения у многих (не только начинающих) исследователей. Вдумчивый читатель, без сомнения, оценит предложенные авторами алгоритмы хронометрирования работы над текстом и приемы распознавания «ритуальных указаний» на теории.

Замечательно, что авторы нашли баланс между практическими рекомендациями и рефлексией над сложными вопросами, которые зачастую не имеют однозначного решения. Правда, некоторые советы могут показаться неожиданными. Так, например, Б. И. Колоницкий внезапно предлагает иногда вместо *историкографического обзора* делать *обзор исследований*, «ведь вы можете опираться не только на труды историков» (с. 20). Замечу, впрочем, что, во-первых, точнее было бы сформулировать «... опираться на труды не только историков», а во-вторых, может смутить следующее: несколькими страницами далее автор дает рекомендации только по составлению *историкографического обзора* как «важнейшего элемента исследовательского проекта», а затем и диссертации (с. 37–41). Как в таком случае поступать тем, кто в работе по истории и в самом деле тяготеет к междисциплинарности?

Кое-где авторский способ излагать мысли производит впечатление скороговорки. Так, пункт¹ 10 второго раздела первой части называется «Порядок написания фрагментов диссертации. Композиция и объем диссертации». Он занимает чуть больше страницы (с. 62–64), и в нем действительно даются полезные советы по поводу порядка написания фрагментов работы, но вот о композиции и объеме умалчивается. Вместо того рекомендации по объему включены в пункт 11 «Жанры академического письма и стиль диссертации» (с. 66), но в этом пункте, занимающем чуть больше двух страниц, почти ничего нет о жанрах и стиле! Там речь идет о разнице между диссертацией и монографией (вот и все жанры), а также о распространенных ошибках при цитировании источников. Названия этих пунктов не вполне отвечают содержанию.

В некоторых случаях вызывает сомнения способ цитирования, применяемый в пособии. Так, формула «Декабристы разбудили Герцена» сопровождается ссылкой (с. 111) не на каноническое полное собрание сочинений В. И. Ленина [3], которое хорошо доступно и в бумажном, и в электронном виде, а на публикацию статьи «Памяти Герцена» на сайте <https://www.marxists.org/>, где текст распознан с ошибками (даже само это предложение выглядит там так: «Декабристы разбудил? Герцена»²). Для чего приучать начинающих исследователей к использованию сом-

¹ Структура пособия такова: оно делится на две части; в каждой части есть обозначаемые римскими цифрами разделы следующего уровня (в первой – два, во второй – семь); некоторые разделы распадаются на отмеченные арабскими цифрами подразделы (от 3 до 12; для удобства я называю их пунктами, в тексте к ним отсылают при помощи буквы «п.»). Подобная композиция вызывает затруднения у самих авторов. Так, на с. 102 дана ссылка на «п. 5 первой части», но на деле это п. 5 второго раздела первой части.

² URL: https://www.marxists.org/russkij/lenin/works/in_mem_h.htm (дата обращения: 01.12.2024).



нительных ресурсов и умножению рисков ошибиться?¹ Впрочем, сама Ю. А. Сафронова несколькими страницами позже задается вопросом, «каким публикациям источников можно доверять, а какие лучше перепроверить, ознакомившись с оригиналом» (с. 119). И ее совет однозначен: предпочитать классические и авторитетные издания, а в иных случаях пытаться даже получить доступ к рукописям. Рекомендации использовать публикации на первом предложенном интернет-поисковом сайте, к счастью, нет.

Живо написанное, это пособие, конечно, будет с легкостью читаться теми, кто учится собственную мысль излагать ясно, точно и, когда уместно, с юмором². Тем более обидны огрехи редактуры и корректуры, которые заметны в этом издании и крайне нежелательны именно в учебной литературе. Прежде всего это систематическое написание слова «асимметричный» в форме «ассиметричный» (с. 39, 115, 117; на с. 38 в нарочито искаженной форме «ашшиметрично»); «хронологические рамки» превращаются в «хорологические...» (с. 108), появляется «кончено» вместо «конечно» (с. 112), «с нетерпением предвкушать» (с. 86), «в дельнейшем» (с. 88) и т. п. В ссылке (с. 32) ошибочно написана фамилия историка *Manila* (на самом деле — *Manela*), на с. 168 Михаил Дмитриевич Долбилов получил инициалы М.М., а издательство «Весь мир» на соседней странице превратилось в *Весь ми*» (sic!). Задание на с. 41 гласит: «Выберите 2–3 образцовых, по вашему мнению, исторических монографий», а на с. 42 написано: «Многие магистранты и аспиранты *столкнутся* с вызовами...» (курсив везде мой). Строгое требование к авторам будущих диссертаций внимательно следить за соблюдением стандартов оформления ссылок нарушается в самом пособии (например, на с. 108 библиографическое описание в одной сноске дано с указанием издательства,

¹ Не менее странным выглядит цитирование романа Г. Г. Маркеса по... отзыву одного из читателей сайта *livelib.ru* (с. 157). Ю. А. Сафронова называет первую фразу романа «Сто лет одиночества» «самой известной цитатой», однако в этом отзыве (<https://www.livelib.ru/review/3382207-sto-let-odinochestva-gabriel-garsia-markes>) она представлена в одном переводе («Пройдет много лет, и полковник Аурелиано Буэндиа, *стоя у стены в ожидании расстрела*, вспомнит тот далекий вечер, когда отец взял его с собой посмотреть на лед», пер. Н. Бутыриной, В. Столбова; курсив здесь и ниже мой), а в тексте романа, размещенном на том же сайте (<https://www.livelib.ru/book/49467/readpart-sto-let-odinochestva-gabriel-garsia-markes>), — в другом («Много лет спустя, *перед самым расстрелом*, полковник Аурелиано Буэндиа припомнит тот далекий день, когда отец повел его поглядеть на лед», пер. М. Былинкиной). Любопытно, что в обоих переводах допущена вольность: выделенные курсивом слова в оригинале буквально означают «перед расстрельным взводом» (см. об этом: [1, с. 34]). В пособии, кстати, не помешали бы советы по поводу целесообразности обращения к оригиналам переводных текстов (как художественных, так и научных).

² Блестящий образчик самоиронии — рассказ Б. И. Колоницкого о трагикомичной судьбе его книги «Трагическая эротика»: «...порой в книжных магазинах работу выставляли совершенно не на тех полках... До части читателей книга не дошла, а некоторые покупали ее и читали не благодаря названию, а вопреки ему» (с. 30).



а в соседней — без оног¹). Есть и другие погрешности. В пособии отмечается, что «долгое перечисления (sic!) таких огрехов вряд ли поднимет настроение...» (с. 54), однако авторы призывают читателей конструктивно относиться к критике. Более того, «непреренно следует выходить из комфортной среды, лучше получить как можно бóльшую критику на ранних этапах работы...» (с. 66). Есть все основания полагать, что это пособие будет востребовано и будущими поколениями молодых исследователей, и я буду рад, если при его переиздании авторы учтут высказанные выше соображения.

Список литературы

129

1. Дуже Энао Х.П. «Сто лет одиночества» в русских переводах // Вестник МГЛУ. 2015. Вып. 27 (738). С. 32–39.
2. Колоницкий Б.И., Сафронова Ю.А. Как написать диссертацию? Путеводитель для студентов и аспирантов гуманитарных специальностей : учеб. пособие. СПб., 2024.
3. Ленин В.И. Памяти Герцена // Полн. собр. соч. Изд. 5-е. М., 1973. Т. 21. С. 255–262.
4. Ницше Ф. Веселая наука / пер. К. А. Свасьяна // Соч. : в 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 491–719.
5. Эко У. Как написать дипломную работу. Гуманитарные науки / пер. Е. Костюкович. М., 2003.

Об авторе

Илья Олегович Дементьев — канд. ист. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: IDementev@kantiana.ru

I. O. Dementev

Rev.: Kolonitsky B. I., Safronova Yu. A. How to write a thesis? A guide for undergraduate and postgraduate students in the humanities : manual. Saint Petersburg : The Publishing House of the European University at Saint Petersburg, 2024. 172 p.

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 1 December 2024

Accepted 31 December 2024

doi: 10.5922/vestnikhum-2024-4-11

¹ Причем в этой сноске место издания книги П. Холквиста обозначено как «Harvard, 2002», словно Гарвард — это название города или издательства, хотя это ни то ни другое. Корректное описание: *Holquist P. Making War, Forging Revolution: Russia's Continuum of Crisis, 1914–1921. Cambridge, Mass. : Harvard University Press, 2002.* В пособии, кстати, уместен был бы совет, как корректно описывать зарубежные публикации, ориентируясь на официальные сайты издательств или каталоги библиотек.



To cite this article: Dementev I.O., 2024, Rev.: How to write a thesis? A guide for undergraduate and postgraduate students in the Humanities : manual. — Saint Petersburg : The Publishing House of the European University at Saint Petersburg, 2024. — 172 p., *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №4. P. 124—130. doi: 10.5922/vestnikhum-2024-4-11.

The author

Dr Ilya O. Dementev, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: IDementev@kantiana.ru

**ТРЕБОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ
В ВЕСТНИКЕ БФУ им. И. КАНТА
Серия: Гуманитарные и общественные науки**



Правила публикации статей в журнале

1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.

2. Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично без согласия редакции.

3. Рекомендованный объем статьи — не менее 20 тыс. знаков с пробелами.

4. Все присланные в редакцию работы проходят двойное «слепое» рецензирование, а также проверку системой «Антиплагиат», по результатам которых принимается решение о возможности включения статьи в журнал. Рецензентами выступают как члены редакционной коллегии журнала, так и внешние эксперты.

5. Статьи на рассмотрение принимаются в режиме онлайн. Для этого авторам нужно зарегистрироваться на портале Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта <https://journals.kantiana.ru/submit/> и следовать подсказкам в разделе «Подать статью онлайн».

6. Решение о публикации (или отклонении) статьи принимается редакционной коллегией журнала после ее рецензирования и обсуждения.

7. Автор имеет право публиковаться в одном выпуске журнала один раз; второй раз — в соавторстве (в исключительном случае и только по решению редакционной коллегии).

8. Плата за публикацию рукописей не взимается.

Комплектность и форма представления авторских материалов

1. Статья должна содержать следующие элементы:

а) индекс УДК — должен достаточно подробно отражать тематику статьи (основные правила индексирования по УДК см.: <http://www.naukapro.ru/metod.htm>);

б) название статьи строчными буквами на русском и английском языках (*до 12 слов*);

в) аннотацию на русском и английском языках (*150 – 250 слов, то есть 500 печатных знаков*). Располагается перед ключевыми словами после заглавия;

г) ключевые слова на русском и английском языках (*4 – 8 слов*). Располагаются перед текстом после аннотации;

д) список литературы, оформленный в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008. Должен включать от 15 до 30 источников, не менее 50 % которых должны представлять современные (не старше 10 лет) публикации в изданиях, рецензируемых ВАК, и (или) в международных изданиях. Оптимальный уровень самоцитирования автора — не выше 10 % от списка использованных источников;

е) сведения об авторах на русском и английском языках (ФИО полностью, ученые степени, звания, должность, место работы (организация, город, страна), e-mail, ORCID);

ж) сведения о языке текста, с которого переведен публикуемый материал.

2. Ссылки на литературу в тексте статей даются только в квадратных скобках с указанием номера источника из списка литературы, приведенного в конце статьи: первая цифра — номер источника, вторая — номер страницы (например: [12, с. 4]).

3. Рукописи, не отвечающие требованиям, изложенным в пункте 1, в печать не принимаются, не редактируются и не рецензируются.

Общие правила оформления текста

Авторские материалы должны быть подготовлены *в электронной форме* в формате листа А4 (210 × 297 мм).

Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в формате *doc* и *docx* (Microsoft Office).

Подробная информация о правилах оформления текста, в том числе таблиц, рисунков, ссылок и списка литературы, размещена на сайте Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта: <https://journals.kantiana.ru/vestnik/society/rules/>

Порядок рецензирования рукописей статей

132

1. Редакционная коллегия журнала «Вестник БФУ им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки» осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих ее тематике, с целью их экспертной оценки. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в издательстве и в редакции издания в течение 5 лет.

2. Ответственный редактор журнала определяет соответствие статьи профилю журнала, требованиям к оформлению и направляет ее на рецензирование специалисту, доктору или кандидату наук, имеющему наиболее близкую к теме статьи научную специализацию.

3. Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются ответственным редактором с учетом создания условий для максимально оперативной публикации статьи.

4. В рецензии освещаются следующие вопросы:

- а) степень интереса тематики для читателей журнала;
- б) степень оригинальности статьи;
- в) точность и адекватность представленной информация;
- г) знание существующего состояния дел по данной проблематики;
- д) стиль и манера изложения;
- е) логичность построения статьи;

5. Рецензирование проводится конфиденциально. Автор рецензируемой статьи может ознакомиться с текстом рецензии. Нарушение конфиденциальности допускается только в случае заявления рецензента о недостоверности или фальсификации материалов, изложенных в статье.

6. Если в рецензии содержатся рекомендации по исправлению и доработке статьи, ответственный редактор направляет автору текст рецензии с предложением учесть их при подготовке нового варианта статьи или аргументированно (частично или полностью) их опровергнуть. Доработанная (переработанная) автором статья повторно направляется на рецензирование.

7. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается. Текст отрицательной рецензии направляется автору по электронной почте.

8. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редколлегией журнала.

9. После принятия редколлегией журнала решения о допуске статьи к публикации ответственный редактор информирует об этом автора и указывает сроки публикации.

10. Текст рецензии направляется автору по электронной почте.

11. Редакция журнала «Вестник БФУ им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки» направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса.

Научное издание

ВЕСТНИК
БАЛТИЙСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. И. КАНТА

Серия
Гуманитарные и общественные науки

2024

№ 4

Редактор *И. О. Дементьев*
Компьютерная верстка *Е. В. Денисенко*

Подписано в печать 21.01.2025 г.
Формат 70 × 108 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 11,6
Тираж 40 экз. Цена свободная. Заказ 7

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14